

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2026 № 1 (54)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2026 № 1 (54)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А.А. Сапожков, заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет

А.Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н.Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т.А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е.Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И.А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Болотина, доктор юридических наук; Н.А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И.В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л.В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н.А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А.А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И.Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е.Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г.П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В.Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А.С. Карцов, доктор юридических наук; Н.П. Кириллова, доктор юридических наук; О.Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Кузбагаров, доктор юридических наук, профессор; Э.К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В.В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю.В. Мишалченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н.С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; Т.Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; М.Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С.М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е.Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р.А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е.Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С.А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю.А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н.И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О.В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; В.С. Шадрин, доктор юридических наук,

профессор; Р.Д. Шаранов, доктор юридических наук, профессор; Ю.Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор; В.Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А.А. Эскархонцло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А.А. Сапожков (главный редактор), кандидат юридических наук, доцент; Д.А. Безбородов (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; М.А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О.А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е.В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; А.В. Зарубин, кандидат юридических наук, доцент; Н.В. Кулик, кандидат юридических наук, доцент; В.А. Максимов, кандидат юридических наук, доцент; Е.Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 17.03.2026. Печ. л. 23,0. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 3/26.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 30.03.2026.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

Елагина Е.В. Правовое регулирование судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве: современное состояние, актуальные проблемы 3

Жуков Г.К. Проблема относимости доказательств в суде с участием присяжных заседателей 11

Каменданова М.С. О некоторых проблемах расследования контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) 17

Коновалова З.А., Мяханова А.Н., Синьков Д.В. Налоговая преступность в России и Китае: сравнительный анализ.....23

Круцик А.В. Исследование судом сведений о помиловании лиц, ранее принимавших участие в специальной военной операции, как обстоятельства, подлежащего доказыванию 33

Никуленко А.В. Противодействие терроризму и экстремизму и проблемы реализации института обстоятельств, исключающих преступность деяния 41

Поздняков Ю.Н. Уголовное преследование медицинских работников в свете измененной ст. 238 УК РФ 50

Пушторская Е.В. О необходимости нормативного регулирования порядка предъявления гражданского иска о возмещении вреда, причиненного налоговыми преступлениями.....58

Русинова К.О. Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, в парадигме охраны традиционных духовно-нравственных ценностей.....67

Сидоренко Е.В. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ.....75

Сильнов М.А. Формирование электронных доказательств в контексте объективизации уголовно-процессуального доказывания 84

Страхова С.В. К вопросу об организации взаимодействия специальных (специализированных) следственных групп с правоохранительными органами при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций 91

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

Гуреева О.А., Шершеневич Д.С. Признание информации запрещенной к распространению в сети «Интернет» как способ защиты водных биологических ресурсов 100

Мирошникова А.А. Некоторые вопросы возникновения и развития института проведения прокурором проверок исполнения законов 106

Новопавловская Е.Е. Конституционно-правовые основы укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей 113

Редкоус В.М. Актуальные направления совершенствования борьбы с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий (опыт Республики Узбекистан) 121

Шестакин Д.А. Особенности и перспективы развития конституционного права граждан на обращение (с 1991 года по настоящее время) 129

Штрикова А.А. Права детей на достойный уровень жизни в Российской Федерации.....136

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

Гаманин И.А. Ленинская теория государства и полемика в советской юридической мысли 20-х годов XX века 143

Ломакина И.Б., Маргиева М.А. Обычное право — основа правовой традиции: общетеоретический и прикладной аспект 150

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кузбагаров Э.А., Тарасевич К.А. Обзор изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации 157

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

Кравченко Р.М. Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения».....163

Щепельков В.Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ленюского Андрея Александровича на тему: «Судебное толкование уголовного закона» по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).....168

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Поддубная Т.В., Пучкова М.В., Рябчук В.В. Компетенция по физической подготовке — основа повышения уровня работоспособности выпускников образовательных организаций прокуратуры.....174

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.148

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Елена Владимировна ЕЛАГИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, yelagina@bk.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены нормативные и иные источники, регулирующие производство судебной экспертизы в уголовном процессе, осуществлена их систематизация, обращено внимание на значение актов Правительства Российской Федерации, отдельных ведомственных актов, а также решений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, правовое регулирование, производство экспертизы

Для цитирования: Елагина Е.В. Правовое регулирование судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве: современное состояние, актуальные проблемы // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 3–10.

Original article

THE LEGAL REGULATION OF FORENSIC EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CURRENT STATE AND CHALLENGES

Elena V. ELAGINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, yelagina@bk.ru

Abstract. The article examines the statutory and other sources that regulate the conduct of forensic expertise in criminal proceedings. The author offers a systematic classification of those sources and highlights the importance of regulatory acts issued by the Government of the Russian Federation, selected departmental acts, as well as the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation.

© Елагина Е.В., 2026

Keywords: forensic expertise, criminal proceedings, legal regulation, conducting expert examination

For citation: Elagina E.V. The legal regulation of forensic expertise in criminal proceedings: current state and challenges. *Criminalist*. 2026;1(54):3-10. (In Russ.).

Эпиграфом к любой публикации, в которой рассматривается правовое регулирование производства судебной экспертизы, может являться цитата из опубликованной почти четверть века назад, но не утратившей своего значения и в настоящее время статьи профессора Н.П. Майлис «Регулирование судебно-экспертной деятельности в свете современного законодательства»: «Обеспечение качества судебных экспертиз зависит не только от научных и методических разработок по исследованию доказательств, но и от правовых норм, закрепляющих их назначение, организацию и непосредственное производство» [1, с. 7]. Можно смело прогнозировать, что и еще через четверть века не утратят актуальности исследования проблем, возникающих в связи с производством судебной экспертизы (как в целом, так и отдельных ее видов).

Заключение эксперта является одним из наиболее весомых доказательств, используемых для установления значительной части обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), поэтому широкий круг проблем, возникающих при подготовке, назначении, проведении судебной экспертизы и оценке результатов, являются постоянным предметом исследования ученых. При этом использование заключения эксперта в доказывании может осуществляться лишь после оценки, которая предполагает не только установление его соответствия критериям, указанным в ст. 88 УПК РФ, но и установление ряда факторов, не указанных в данном Кодексе и не всегда являющихся очевидными для правоприменителя. Напри-

мер, в качестве одного из таких вопросов можно назвать «легальность» субъекта инициирования судебной экспертизы и непосредственного субъекта ее производства, который можно отнести к латентным, поскольку его неочевидность детерминирована как сложившейся правоприменительной практикой, так и несовершенством правового регулирования судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве [2].

Один из наиболее весомых аргументов, свидетельствующих о значении результатов судебной экспертизы, содержится в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»: «Если в соответствии с требованиями статьи 196 УПК РФ производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования обязательно, то по смыслу этой нормы отсутствие в материалах дела соответствующего заключения эксперта и указания на него в обвинительном документе является существенным нарушением закона, допущенным при составлении обвинительного документа, исключающим возможность принятия судом на его основе решения по существу дела. Уголовное дело подлежит возвращению прокурору и в других случаях, когда обвинительный документ не содержит ссылки на заключение эксперта, наличие которого, исходя из существа обвинения, является обязательным для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (статья 73 УПК РФ), с учетом того, что

данные обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных видов доказательств, а для производства такой экспертизы необходимо проведение значительных по объему исследований, которые не могут быть выполнены в ходе судебного разбирательства без отложения рассмотрения дела на длительный срок, противоречащий интересам правосудия (например, судебно-бухгалтерской или экономической экспертизы для установления размера ущерба по делу о преступлении в сфере экономической деятельности)»¹.

В приказах Генерального прокурора Российской Федерации также уделяется внимание вопросам судебной экспертизы, в частности подчеркивается, что прокурор должен обращать внимание на соблюдение при назначении и производстве судебных исследований и экспертиз требований УПК РФ, в том числе касающихся обеспечения принципа независимости эксперта, а также его компетентности, включая наличие аттестации на право самостоятельного производства экспертизы, проведенной в порядке, установленном соответствующими федеральными органами исполнительной власти, и лицензии, если этого требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности². Необходимо подчеркнуть, что правоприменителем

¹ О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 : текст с изм. и доп. на 22 февр. 2023 г. П. 1.14 ; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 : текст с изм. и доп. на

нередко презюмируется наличие всех необходимых документов, легитимизирующих деятельность субъекта производства судебной экспертизы, в связи с чем их наличие не проверяется, причем ни у судебно-экспертного учреждения, ни у конкретного эксперта, несмотря на то что отсутствие лицензии (в установленных законодателем случаях) или аттестации у государственного судебного эксперта является причиной признания заключения эксперта недопустимым доказательством. К сожалению, данные факты, как правило, устанавливаются стороной защиты³. Представляется, что дополнение законодателем ч. 1 ст. 204 УПК РФ стало бы эффективной мерой, профилактирующей негативные последствия отсутствия значимой информации об эксперте.

Правовое регулирование производства судебной экспертизы не может рассматриваться в отрыве от правовых основ государственной судебно-экспертной деятельности [3], каковые в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 года) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 22 февр. 2023 г. П. 5. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ См., напр.: По жалобе граждан Березовского Бориса Абрамовича, Дубова Юлия Анатольевича и Патаркацишвили Аркадия Шалвовича на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 429-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стративных правонарушениях, законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации, законодательство в сфере охраны здоровья, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального государственного органа, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства».

Источники, обеспечивающие правовое регулирование судебной экспертизы в уголовном процессе, можно разделить на следующие группы: федеральные законы, в частности Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; подзаконные нормативные акты — акты Правительства Российской Федерации, имеющие нормативный характер, издаваемые в форме постановлений Правительства Российской Федерации (ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2025 года) «О Правительстве Российской Федерации»); ведомственные правовые акты; акты официального разъяснения действующих норм — акты толкования Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и др.¹

¹ По вопросу правовой природы этих актов в научной литературе нет единства мнений. Одни авторы относят акты официального разъяснения к актам толкования, не содержа-

Как правило, применительно к правовому регулированию судебной экспертизы ограничиваются упоминанием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», что очевидно недостаточно для обеспечения полноты оценки соблюдения всех требований, поскольку перечень федеральных законов, регулирующих данную сферу, намного шире и в качестве основных следует назвать Федеральные законы Российской Федерации от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 года) «О лицензировании отдельных видов деятельности», от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 года) «О полиции», от 26 июня 2008 года № 102-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) «Об обеспечении единства измерений», от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 года) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) «Об образовании в Российской Федерации», от 8 января 1998 года № 3-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) «О наркотических средствах и психотропных веществах».

В соответствии с отдельными указанными выше федеральными законами принимаются постановления Правительства Российской Федерации, издаются ведомственные нормативные акты. Так, в соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» приняты постановления Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 года № 852 «О лицензировании медицинской деятельности

и др.», другие — к нормативным правовым актам. При этом не подвергается сомнению реальное значение указанных актов в обеспечении единообразного применения законов в судебной практике.

(за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра „Сколково“) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)) и постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2022 года № 1007 «О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений» (вместе с Положением о лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений). На основании ч. 2 ст. 62 «Судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы» Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой закреплено, что «порядок проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз и порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти», изданы приказ Минздрава России от 25 сентября 2023 года № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»¹, приказ Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 года № 346н «Об утвержде-

¹ Срок действия данного Порядка установлен с 1 сентября 2024 года по 1 сентября 2030 года.

дения Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации»² и приказ Минздрава России от 12 января 2017 года № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы»³.

К этому же блоку документов, регулирующих производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (организациях), относятся приказ Минюста России от 28 декабря 2023 года № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации», приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 (ред. от 12 ноября 2024 года) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», приказ МВД России от 11 января 2009 года № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», приказ ФСБ России от 23 июня 2011 года № 277 (ред. от 11 ноября 2024 года) «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности», приказ МЧС России от 19 августа 2005 года № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» и др.

² Действовал до 1 сентября 2024 года, но ссылка на него должна быть в заключениях экспертов по результатам производства экспертиз, назначенных до указанной даты.

³ Приказ утратил силу 1 сентября 2025 года в связи с изданием Приказа Минздрава России от 29 апреля 2025 года № 263н, которым утвержден новый Порядок.

Отдельно следует обратить внимание на ведомственные акты, которыми регламентируется порядок аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебной экспертизы, которая является обязательной для государственных экспертов (ст. 12, 13 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Подчеркну, что обязательность отражения сведений о прохождении аттестации на право самостоятельного производства экспертиз не предусмотрена законодателем (см. ч. 1 ст. 195, ч. 1 ст. 204 УПК РФ), тем не менее наличие аттестации является условием производства судебной экспертизы, что подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 18 декабря 2003 года № 429-О [4], в соответствии с которой сведения об аттестации являются специальным подтверждением квалификации эксперта, которая может быть предметом оспаривания участниками судопроизводства.

Еще одним источником, имеющим исключительное значение, является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹. Как указано в преамбуле Постановления, данный документ адресован судам в связи с вопросами, возникающими у судов при применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам, и в целях обеспечения единства судебной практики.

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Характеризуя в целом постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам», следует подчеркнуть, что в нем аккумулированы и прокомментированы основные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», значимые для правового регулирования судебной экспертизы в уголовном процессе. Вместе с тем отдельные суждения, высказанные в Постановлении, являются неоднозначными, поскольку не в полной мере соответствуют федеральным законам.

С 2021 года перечень документов, на основании которых осуществляется правовое регулирование судебной экспертизы, дополнен актом, значение которого исключительно велико, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 года № 3214-р, которым утвержден Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями»². Изданию данного Распоряжения предшествовало дополнение ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» частью третьей, в соответствии с которой Правительство Российской Федерации может устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Какие

² Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями : утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р : текст с изм. и доп. на 31 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». В данное Распоряжение уже дважды вносились изменения и дополнения, с 1 июля 2024 года оно действует в полном объеме.

же проблемы возникают на практике? Во-первых, сохраняется крайне негативная практика поручения следователями (дознавателями) производства судебно-психологической экспертизы (а также комплексной, предполагающей привлечение эксперта-психолога) негосударственным экспертным учреждениям. Прокуроры, реализуя полномочия, предусмотренные ч. 3 ст. 88 УПК РФ, признают такие заключения недопустимыми доказательствами, что вызывает необходимость назначения новой экспертизы, проведение которой поручается государственным судебно-экспертным учреждениям, что, очевидно, не оптимизирует сроки производства по уголовному делу. Во-вторых, судами не учитывается, что проведение отдельных видов судебной экспертизы, указанных в соответствующих разделах Перечня, утвержденного указанным Распоряжением, ограничивается или конкретными преступлениями, или необходимостью разрешения конкретных вопросов, например, если необходимость в получении заключения лингвистической экспертизы требуется при производстве по уголовным делам о преступлениях, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, а также при проверке сообщений о таких преступлениях, то она может быть проведена только в государственном судебно-экспертном учреждении, в остальных случаях – вне их. Аналогичная ситуация и с судебной экономической экспертизой (финансово-экономической, финансово-аналитической, налоговой), которая проводится исключительно в государственных экспертных учреждениях только при проверке сообщения о преступлении и при производстве по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов, а также причинением ущерба природным ресурсам. В качестве третьей существенной проблемы следует указать «конфликт» между рас-

сматриваемым Распоряжением и ст. 11 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», суть которого заключается в следующем: в тех случаях, когда срок проведения судебной экспертизы не соответствует критерию «реальный» или же отсутствует возможность ее производства, например в связи с отсутствием эксперта требуемой специальности, инициируют производство экспертного исследования вне государственного судебно-экспертного учреждения, руководствуясь ч. 2 ст. 195 УПК РФ, допускающей привлечение иных лиц, обладающих специальными знаниями, и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором указывается, что в случае, «когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее [судебной экспертизы] производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, образовательной или иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование», что представляется в конкретной рассматриваемой ситуации недопустимым, поскольку игнорируется не только Распоряжение Правительства от 16 ноября 2021 года № 3214-р, но и положения ст. 11 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с ч. 6 ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» акты Правительства Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации, игнорирование рассматриваемого Распоряжения недопустимо. Значение данного документа исключительно велико, поскольку в случае производства любой экспертизы какого-либо вида, указанного в утвержденном Распоряжением Перечне, вне государственного судебно-экспертного учреждения заключение должно признаваться недопустимым. Вместе с тем анализ практики наглядно свидетельствует, что не только о содержании, но и о наличии этого документа осведомлены далеко не все практические работники.

Рассмотренные в статье вопросы не исчерпывают всех проблем темы, но автором сознательно был сделан акцент

на некоторых из тех, которые недостаточно полно освещены в научной литературе и вызывают затруднения у правоприменителя.

Очевидно, что проблемы правового регулирования производства судебной экспертизы не могут быть рассмотрены в рамках статьи, но необходимость его совершенствования является крайне острой уже длительное время [1; 3; 4; 5]. Только перечисление аргументов, подтверждающих это (причем без подробного обоснования), будет сопоставимо по объему с полноценной статьей, тем не менее необходимо подчеркнуть, что ученые, осознающие негативность сложившейся в данной сфере ситуации, не устают привлекать внимание к проблеме в надежде, что законодателем будут предприняты адекватные меры, направленные на совершенствование правового регулирования судебной экспертной деятельности в целом и производства судебной экспертизы в частности.

Список источников

1. Майлис Н.П. Регулирование судебно-экспертной деятельности в свете современного законодательства // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 7 – 11.
2. Елагина Е.В. Отдельные вопросы судебной оценки заключения эксперта // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 4. С. 384 – 398.
3. Моисеева Т.Ф. Проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2016. № 7 (123). С. 107 – 109.
4. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Законодательное закрепление инноваций СЭД в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 220 – 227.
5. Дьяконова О.Г. Законодательство о судебно-экспертной деятельности в состоянии реформирования: предложения и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 61 – 69.

Информация об авторе

Е.В. Елагина – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.V. Elagina – Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМА ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Георгий Константинович ЖУКОВ

Прокуратура Новгородской области, Юридический институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Новгород, Россия, Georgy@zhukov89.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема относимости доказательств при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Автор аргументирует, в каких случаях допустимо исследовать доказательства, относимые к преступлениям, не инкриминируемым по рассматриваемому судом уголовному делу. Основываясь на своем профессиональном опыте государственного обвинителя, автор дает рекомендации по обоснованию перед судом позиции об относимости доказательств.

Ключевые слова: суд присяжных, доказывание в уголовном процессе, относимость доказательств, пределы доказывания в суде присяжных

Для цитирования: Жуков Г.К. Проблема относимости доказательств в суде с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 11 – 16.

Original article

THE ISSUE OF EVIDENTIARY RELEVANCE IN JURY TRIALS

Georgy K. ZHUKOV

Prosecutor's Office of the Novgorod region, Law Institute of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod, Russia, Georgy@zhukov89.ru

Abstract. The article examines the issue of evidentiary relevance in the adjudication of criminal cases by courts with the participation of jurors. The author analyses the circumstances under which the admission of evidence pertaining to offenses not formally charged in the criminal case under review is permissible. Drawing on professional experience as a state prosecutor, the author provides practical recommendations for substantiating a position regarding the relevance of evidence before court.

Keywords: jury trial, proof in criminal proceedings, relevance of evidence, limits of evidentiary examination in jury trials

For citation: Zhukov G.K. The issue of evidentiary relevance in jury trials. Criminalist. 2026;1(54):11-16. (In Russ.).

Проблема относимости доказательств представляется одной из центральных в уголовно-процессуальном доказывании, особенно при производстве в суде с участием присяжных заседателей [1; 2; 3; 4].

Определить относимость доказательств важно не только с точки зрения соблюдения разумных сроков судопроизводства, с тем чтобы не допустить волокиты по делу, но и с позиций соблюдения

© Жуков Г.К., 2026

фундаментальных его принципов, прежде всего презумпции невиновности, и основных прав обвиняемого, включая право на защиту.

При рассмотрении дела судом присяжных последствия исследования неотносимых доказательств гораздо более серьезные, чем при рассмотрении дела единолично или коллегиально профессиональными судьями. В тех случаях, когда при рассмотрении дела в ординарном порядке суд допускает к исследованию доказательства, не обладающие признаком их относимости к предмету доказывания, уже при постановлении приговора он может нивелировать это путем надлежащей проверки и оценки доказательственного материала. Это, в сущности, не повлияет на выводы суда, на обоснованность итогового решения по делу.

Другое дело, когда неотносимые доказательства необоснованно допускаются к исследованию с участием коллегии присяжных. Негативным фактором в таком случае может стать не только ошибочное восприятие таких доказательств как подтверждающих или опровергающих предъявленное обвинение, но главным образом их способность вызвать у присяжных заседателей предубеждение как к подсудимому, так и к потерпевшему и другим участникам процесса.

Положения об относимости доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве в общем виде сформулированы в ст. 73, 88, 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), а применительно к суду присяжных — еще и в ст. 334 и 335 Кодекса. Значимые разъяснения по данному вопросу приведены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием

присяжных заседателей» (в частности, в пп. 20, 21, 22, 25, 26 и др.) [5].

Наиболее распространенный пример исследования неотносимых доказательств в суде присяжных — это исследование доказательств, подтверждающих наличие обстоятельств, выходящих за пределы предъявленного подсудимому обвинения. Такие доказательства могут быть представлены как стороной обвинения, так и стороной защиты с целью склонения мнения присяжных в пользу подсудимого либо, наоборот, его компрометации. При этом в контексте усиления позиции обвинения наиболее явным таким выходом за пределы предмета доказывания является исследование вопросов о причастности подсудимого к другим преступлениям, не инкриминируемым ему в рамках рассматриваемого уголовного дела. Как правило, защита активно возражает против попыток исследовать в том или ином объеме данные о не описанной в обвинительном заключении криминальной деятельности подсудимого, и чаще всего суд, руководствуясь уже упомянутыми процессуальными нормами и правовыми позициями высшей судебной инстанции, соглашается с такими возражениями.

Но всегда ли это недопустимо и как верно определить пределы доказывания при рассмотрении дела судом присяжных? Представляется, что трактовка положений закона, как общих — о пределах судебного разбирательства, так и специальных — об особенностях производства в суде с участием присяжных, может быть весьма широкой в зависимости от задач, решаемых в данном случае государственным обвинителем, а также особенностей конкретного уголовного дела.

Возможность выхода за очерченные законодателем в общем виде границы относимого обусловлена сделанными им же исключениями. Так, ч. 8 ст. 335 УПК РФ позволяет исследовать данные

о личности подсудимого в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Такие данные, с учетом их значимости для установления фактических обстоятельств уголовного дела, и даже несмотря на их способность вызвать у присяжных предубеждение к лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, признаются относимыми к предмету доказывания и подлежат исследованию в присутствии коллегии присяжных. Отсылочные положения ч. 7 той же 335-й статьи Кодекса, ограничивая круг исследуемых фактических обстоятельств теми, которые устанавливаются присяжными в рамках их компетенции, определенной в ст. 334 УПК РФ, тем самым придают оценочный характер вопросам относимости, что позволяет на практике применить данную процессуальную норму для удовлетворения ходатайств стороны обвинения об исследовании в судебном заседании доказательств, оспариваемых защитой по признаку их относимости.

Опыт автора по поддержанию обвинения в суде присяжных показывает, что в ряде случаев исследование в присутствии присяжных доказательств, на первый взгляд, не обладающих свойством относимости, является необходимым условием справедливого судебного разбирательства, при котором присяжные обладают всеми необходимыми сведениями о фактах для принятия взвешенного, основанного на полном и всестороннем исследовании обстоятельств дела вердикта.

Наиболее остро вопрос о выходе при исследовании доказательств за буквальное содержание обвинения стоит по рассматриваемым с участием присяжных уголовным делам о преступлениях, совершенных в составе организованной группы или преступного сообщества, когда преступные посягательства со-

пряжены с убийством при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ), бандитизмом (ст. 209 УК РФ), производством и сбытом наркотических средств и психотропных веществ в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ). Актуально это именно по данной категории дел, поскольку доказывание признаков организованности и устойчивости, составляющих конструкцию любой формы организованной преступной деятельности, а также структурированности как обязательного элемента преступной организации, созданной в форме структурированной организованной группы, чаще всего вызывает значительные трудности у государственных обвинителей даже при рассмотрении уголовного дела в общем порядке судопроизводства. В делах же, рассматриваемых судом с участием присяжных, до сведения которых эти признаки доводятся в виде не правовых конструкций, а максимально лишенных юридической окраски фактов, тем более.

Государственные обвинители нередко сталкиваются с тем, что подсудимым инкриминируется всего два-три совместно совершенных преступления (зачастую — прошлых лет, длительное время остававшихся нераскрытыми) и исходя из этого в обвинительном заключении делается вывод о совершении их в составе преступного сообщества либо банды, которые существовали длительное время и характеризовались стойкими связями между участниками, в том числе основанными на систематическом совместном совершении противоправных деяний. Соответственно, встает вопрос, каким образом доказывать системность деятельности подсудимых и устойчивость существовавших между ними связей. Лишь вменяемыми им в вину преступлениями обосновать такой вывод крайне проблематично, картина масштабной преступной деятельности

получается смазанной, аргументация для выступления в прениях перед коллегией присяжных — неубедительной. Тем более, если эти преступления совершены в различном составе исполнителей: допустим, в одном убийстве заказного характера принимал участие один участник, выполнявший функции стрелка, и один участник — водителя; в другом убийстве, совершенном той же бандой, участвовал стрелок из первого эпизода, здесь взявший на себя роль водителя, и новый участник, не фигурировавший в первом преступлении, который в данном случае непосредственно причинил смерть жертве. При этом в обвинительном заключении содержатся формулировки о том, что банда практиковала скрытное наблюдение за потерпевшими, изучала маршруты их передвижения, выясняла адреса места работы и жительства, хотя опять же из двух или трех конкретных эпизодов преступной деятельности такие яркие формулировки не всегда можно вывести и убедительно их доказать судьям факта.

Приводимые примеры — своего рода коллаж из нескольких уголовных дел, рассмотренных за последние годы Новгородским областным судом с участием коллегии присяжных, но особенно характерны в этом смысле два дела о бандитизме и убийствах, приговоры по которым состоялись и вступили в законную силу в 2025 году. Именно здесь вопрос об относимости доказательств сыграл ключевую роль, и его верное решение позволило склонить чашу весов в сторону обвинения. Обусловлено это «раздробленностью» уголовного дела, когда из одного многоэпизодного дела следствие постепенно выделяло отдельные наиболее перспективные эпизоды и направляло в соответствующей части в суд. Таким образом решается проблема неотвратимости наказания, чтобы до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности либо пре-

дельных сроков содержания обвиняемых под стражей предать их суду хотя бы за некоторые из инкриминируемых деяний, где с доказательственной базой и квалификацией все наиболее благополучно. Однако минусом такого подхода является то, что имеющиеся в основном уголовном деле, которое продолжает оставаться в производстве органа расследования, доказательства либо не приобщаются к выделенному делу, направленному в суд, либо перестают быть, по крайней мере с позиций стороны защиты, буквально трактующей ст. 252 УПК РФ, относимыми к данному делу. Ведь эти доказательства, например, подтверждают причастность обвиняемых к совсем другим преступлениям, а стало быть, ни в коем случае они не могут быть предъявлены коллегии присяжных по данному делу.

Поэтому в ходе рассмотрения уголовного дела в суде у представителя государственного обвинения возникает своего рода дилемма: не нарушить принципы законности, презумпции невиновности, свободы оценки доказательств, а также пределы судебного разбирательства, правила оценки и проверки доказательств и особенно не допустить таких нарушений закона, которые в дальнейшем поставят под сомнение правосудность состоявшегося судебного акта, повлекут его отмену и аннуляцию судебного процесса, в то же время представить коллегии присяжных все необходимые доказательства для доказывания предъявленного подсудимым обвинения, включая их участие в организованной группе, в частности в банде.

Основываясь опять же на своем процессуальном опыте, автор полагает, что разумный сбалансированный подход в этой ситуации возможен.

Так, необходимо активно возражать против доводов стороны защиты о неотносимости доказательств и мотивированно ходатайствовать перед судом

об исследовании тех доказательств, которые хотя и являются прямыми и обвинительными для доказывания других фактов преступной деятельности, но при этом не утрачивают свойства относимости для подтверждения входящих в предмет доказывания обстоятельств по данному делу. Безусловно, в своих ходатайствах государственному обвинителю следует избегать указания на то, что он будет представлять доказательства, подтверждающие причастность подсудимых к другим преступлениям (например, убийствам иных лиц, кроме потерпевших по данному делу), которые не вменяются им в вину в настоящее время, акцентируя внимание суда на том, что исследованию данные доказательства подлежат в той части, в которой они подтверждают наличие устойчивых связей между участниками преступной группы, вооруженность членов банды, их техническую оснащенность и применение мер конспирации, схожесть методов и способов подготовки к совершению различных преступлений и их непосредственного исполнения.

Например, в уголовном деле о бандитизме, рассмотренном в 2025 году Новгородским областным судом, несмотря на вменение подсудимым трех эпизодов убийства с применением огнестрельного оружия, отсутствовали сведения об источниках его приобретения и вооруженности банды в целом. Между тем в основном уголовном деле имелись показания свидетеля, входившего в состав другой банды, которая активно взаимодействовала с группировкой, членами которой были подсудимые, подтверждающие наличие тайника с огнестрельным оружием и боеприпасами, из которого участники получали их для совершения конкретных преступлений. Суд разрешил допросить свидетеля в этой части, поскольку вооруженность банды — это фактическое обстоятельство, устанавливаемое присяжными заседателями,

в связи с чем подтверждающие это доказательства являются относимыми.

Аналогичным образом устранялись пробелы в доказывании форм и методов, применяемых бандой для подготовки к совершению нападений на граждан. Хотя все инкриминируемые деяния были, очевидно, совершены после тщательной подготовки, включая слежку за жертвой, выяснение ее персональных данных, изучение образа жизни, прямых доказательств того, каким образом участникам банды удавалось осуществлять такую разведывательную деятельность, первоначально применительно к данным эпизодам не было. Вместе с тем имеющиеся в основном деле показания одного из участников банды подтверждали, что в состав группировки входило лицо с техническим образованием, обладающее навыками по применению специальных технических средств для скрытного наблюдения и получения информации. Стороне обвинения удалось убедить суд, что данные показания следует признать относимым доказательством, поскольку они подтверждают обстоятельства функционирования устойчивой вооруженной группы, которые будут предметом оценки присяжными заседателями при вынесении вердикта.

Немаловажное значение может иметь представление относящихся к другим актам преступного поведения подсудимых доказательств, подтверждающих мотивы, прежде всего корыстные, членов преступной группы. Так, если мотивом убийства являлось завладение бизнесом потерпевшего, участие подсудимого в поджоге принадлежащих потерпевшему производственных помещений, хотя и представляет собой самостоятельное преступное посягательство, может учитываться при оценке мотивации подсудимого, впоследствии участвовавшего в лишении жизни жертвы.

Критически важно, чтобы суд в каждом случае, когда допускает к исследованию в присутствии присяжных доказательства, на основании которых можно сделать вывод о прикосновенности подсудимого к иным преступлениям, разъяснял коллегии, с какой целью исследуется и в каком объеме должна восприниматься данная доказательственная информация. В частности, необходимо разъяснять коллегии, что учету в данном случае при вынесении вердикта подлежат не сами по себе сведения о криминальном поведении подсудимого, а конкретные фактические данные — о наличии доступа к орудиям, средствам и оборудованию, исполь-

зуемым при совершении преступлений, о знакомстве и характере взаимоотношений с соучастниками либо потерпевшим, о наличии заинтересованности в получении контроля над имуществом и финансовыми активами жертвы и так далее.

Представляется, что правильная оценка доказательств по признаку относимости — одно из важнейших условий справедливого судебного разбирательства. Думается, что приведенные рекомендации могут быть полезны практикующим государственным обвинителям и побудят их уделять больше внимания данной проблематике.

Список источников

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О.С. Капинус ; науч. ред. С.П. Щерба. Москва : Проспект, 2020. 1136 с.
2. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов [и др.] ; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : НОРМА, 2014. 816 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. 851 с. (Профессиональные комментарии).
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Практическое пособие. В 2 ч. Ч. 1 / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, С.Р. Зеленин [и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 246 с. (Профессиональные комментарии).
5. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 : текст с изм. и доп. на 28 июня 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Г.К. Жуков — начальник уголовного-судебного отдела прокуратуры Новгородской области, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Юридического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук.

Information about the author

G.K. Zhukov — Head of the Criminal Proceedings Division of the Prosecutor's Office of the Novgorod region, Associate Professor at the Department of law enforcement, criminal law and procedure of the Law Institute of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.98

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ
НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
(ст. 200.1 УК РФ)**

Мария Степановна КАМЕНДАНОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, mkamendanova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам обстоятельств, подлежащих установлению при производстве по делам о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, предусмотренной ст. 200.1 УК РФ. Автор акцентирует внимание на возникающих в судебно-следственной практике проблемах, связанных с определением размера незаконно перемещенных платежных средств, освобождением от уголовной ответственности вследствие их добровольной сдачи, применением конфискации имущества.

Ключевые слова: деньги, денежные инструменты, обстоятельства, подлежащие установлению, расследование контрабанды, конфискация, добровольная сдача

Для цитирования: Каменданова М.С. О некоторых проблемах расследования контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 17 – 22.

Original article

**ON SOME ISSUES IN THE INVESTIGATION OF SMUGGLING
OF CASH AND/OR MONETARY INSTRUMENTS
(ARTICLE 200.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Maria S. KAMENDANOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, mkamendanova@yandex.ru*

Abstract. The article discusses specific aspects of the circumstances that must be established in cases involving the smuggling of cash and/or monetary instruments under Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author highlights emerging issues in judicial and investigative practices related to determining the amount of illegally transferred payment means, exemption from criminal liability through voluntary surrender, and the implementation of property confiscation.

Keywords: money, monetary instruments, circumstances to be established, smuggling investigation, confiscation, voluntary surrender

For citation: Kamendanova M.S. On some issues in the investigation of smuggling of cash and/or monetary instruments (Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Criminalist. 2026;1(54):17-22. (In Russ.).

© Коменданова М.С., 2026

Результаты изучения правоприменительной практики свидетельствуют о наличии ряда проблем, возникающих при расследовании контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (далее — платежные средства), предусмотренной ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В их числе сложности при определении обстоятельств, подлежащих установлению.

Принимая во внимание необходимость разграничения преступления с административным правонарушением, первостепенное значение имеет установление предмета рассматриваемой разновидности контрабанды, в частности его количественных характеристик.

В соответствии с уголовным законом наказуемым признается незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) платежных средств в крупном и особо крупном размерах, что составляют суммы свыше 20 и 50 тыс. долларов США соответственно. Между тем следует учитывать, что окончательная сумма незаконно перемещенных платежных средств определяется путем исключения из общей суммы перемещаемых средств той части, которая правом ЕАЭС разрешена к перемещению без декларирования¹ или была задекларирована.

Учитывая вышеизложенное, несложно определить контрабандно перемещенную сумму платежных средств в случае их полного недекларирования.

Так, гр. И. без декларирования переместил через таможенную границу ЕАЭС 34 тыс. долларов США и 614 тыс. узбекских сумов, сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств, за вычетом 10 тыс. долларов США, разрешенных к перемещению без декла-

¹ В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 260 Таможенного кодекса ЕАЭС к перемещению без декларирования разрешены суммы денежных средств и стоимость дорожных чеков в своем эквиваленте равные 10 тыс. долларов США и меньше.

рирования, составила 24 тыс. долларов США и 614 тыс. узбекских сумов².

Однако до настоящего времени остается нерешенной проблема определения размера суммы незаконно перемещенных платежных средств в случае, когда часть перемещенных средств была задекларирована.

Так, если через таможенную границу ЕАЭС были перемещены 90 тыс. долларов США, из которых 45 тыс. долларов США были задекларированы, законодателем определены два варианта расчета суммы незаконно перемещенных денежных средств. Первый — путем вычитания из общей суммы перемещенных денежных средств задекларированной суммы (в приведенном примере — 90 тыс. минус 45 тыс.). Второй — путем вычитания из общей суммы перемещенных денежных средств разрешенной к перемещению без декларирования суммы (в приведенном примере — 90 тыс. минус 10 тыс.). При этом законодателем не определено, в каких случаях следует применять тот или иной вариант расчетов.

С целью разъяснения этого вопроса высшая судебная инстанция указала на необходимость вычитать из общей суммы перемещенных денежных средств как разрешенную к перемещению без декларирования, так и задекларированную (в приведенном примере — 90 тыс. минус 10 тыс., минус 45 тыс.).

Проиллюстрируем сложившуюся ситуацию следующим примером. Первым кассационным судом общей юрисдикции отменен приговор Химкинского городского суда Московской области в отношении гр. В. Уголовное дело прекращено за отсутствием в инкриминируемом гр. В. деянии признаков пре-

² Приговор Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 20 ноября 2024 г. по делу № 1 -970/2024 // Московский районный суд города Санкт-Петербурга : сайт. URL: https://msk--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=864503550&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2025).

ступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, а именно: перемещенная им сумма была менее 20 тыс. долларов США. Суд кассационной инстанции в отличие от нижестоящих судов из всей суммы перемещенных денежных средств исключил как разрешенную к перемещению без декларирования сумму, так и задекларированную гр. В. при пересечении таможенной границы ЕАЭС¹.

Подобная трактовка вступает в противоречие с законодательной конструкцией рассматриваемой нормы. Более того, разъяснение высшей судебной инстанции, по сути, допускает необоснованное расширение дискреционных полномочий правоприменителей.

Федеральная таможенная служба России в рассматриваемом случае предлагает исчислять сумму незаконно перемещенных денежных средств следующим образом: в случае, если задекларированная сумма ниже лимита, установленного Договором², то из перемещаемых средств вычитается только та часть, которая разрешена к ввозу (вывозу) через таможенную границу ЕАЭС без оформления; если она выше лимита, то вычету подлежит лишь задекларированная часть, а разрешенная Договором сумма

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 апреля 2021 г. по делу № 7У-2286/2021 // Первый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=9647489&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2025).

² Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза : Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 51 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102282/ (дата обращения: 25.09.2025). Утратил силу 1 января 2018 г. в связи с введением в действие Таможенного кодекса ЕАЭС. Лимит, установленный указанным Договором, составлял сумму, равную либо не превышающую в эквиваленте 10 тыс. долларов США.

не учитывается при расчетах³. Иными словами, критерием расчета суммы незаконно перемещенных денежных средств является размер задекларированной суммы. Так, в случае, когда, например, через таможенную границу ЕАЭС были перемещены 70 тыс. долларов США, из которых 9 тыс. долларов США были задекларированы (т. е. меньше 10 тыс. долларов США), то вычитанию подлежит сумма, разрешенная к перемещению без декларирования (в приведенном примере — 70 тыс. минус 10 тыс.). Если задекларированная сумма составляет 36 тыс. долларов США (т. е. больше 10 тыс. долларов США), то вычету подлежит задекларированная сумма (в приведенном примере — 70 тыс. минус 36 тыс.).

Вместе с тем следует учитывать, что позиция Федеральной таможенной службы России была сформулирована более одиннадцати лет назад и, как следствие, базируется на утративших юридическую силу нормативных правовых актах. Одновременно с этим она носит рекомендательный характер, поскольку изложена в письме, имеющем ненормативный характер.

На наш взгляд, в рассматриваемом случае исключению подлежит только задекларированная часть перемещенных денежных средств, поскольку лицо, декларируя только часть денежных средств, тем самым утрачивает право на свободное перемещение 10 тыс. долларов США (т. е. суммы, разрешенной к перемещению без декларирования).

К сожалению, рассмотренная выше проблема не единичная. Сложности также возникают при установлении обстоятельств, связанных с конфискацией имущества. В настоящее время нормами уголовного закона предусмотрены три варианта ее применения.

³ О направлении информации об изменении статьи 16.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Письмо ФТС России от 18 июля 2013 г. № 01-11/30804 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155800/ (дата обращения: 25.09.2025).

1. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства предметов контрабанды (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Исключением из общего правила конфискации предмета преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, является возвращение платежных средств их законным владельцам.

Так, Вторым кассационным судом общей юрисдикции отменен приговор Солнцевского районного суда г. Москвы и апелляционное постановление Московского городского суда в отношении гр. Х. в части решения о конфискации вещественных доказательств — денежных средств в размере 40, 5 тыс. долларов США, 85 евро и 18, 55 тыс. рублей в доход государства. Уголовное дело по обвинению гр. Х. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, в этой части передано в суд первой инстанции на новое рассмотрение в ином составе. Основанием принятия такого решения явилось противоречие, допущенное двумя судебными инстанциями при определении законного владельца перемещенных денежных средств¹.

2. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства орудий, оборудования или иных средств совершения контрабанды, принадлежащих обвиняемому (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Высшая судебная инстанция ориентирует признавать в качестве средств совершения преступления только имущество, которое использовалось в качестве тайника либо изготавливалось, оборудовалось или приспособлялось в целях сокрытия предметов контрабанды².

¹ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2022 г. по делу № 77-2489/2022 // Второй кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3734355&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2025).

² О судебной практике по делам о контрабанде : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апре-

Так, ввиду того, что денежные средства в размере 763, 9 тыс. украинских гривен незаконно перемещались через таможенную границу ЕАЭС путем сокрытия в автомобиле виновного лица, судом это транспортное средство в качестве тайника и специально оборудованного места сокрытия денег (как средство совершения преступления) не было признано и не конфисковалось.

Таким образом, в зависимости от способа контрабанды платежных средств дополнительному установлению подлежит факт изготовления тайника, предварительной подготовки транспортного средства и иного движимого имущества к сокрытию предмета контрабанды путем монтажа, разборки или иных конструктивных изменений. В силу законодательного закрепления обязательным условием конфискации является принадлежность имущества виновному лицу.

3. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Третий вариант конфискации имущества применительно к контрабанде платежных средств введен законодателем в феврале 2024 года путем дополнения п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ понятием «деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации». При этом указанная деятельность в соответствии с введенным в ст. 104.1 УК РФ примечанием определяется как совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 209, 210, 222 — 223.1, 226, 226.1, 229.1, 274.1, 275 — 276.1, 281 — 281.3, 283, 283.1, 284.1, 284.3, 290, 291, 322, 322.1, 323, 332, 338, 355 — 357, 359 УК РФ³.

ля 2017 г. № 12 : текст с изм. доп. на 11 июня 2020 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216048/ (дата обращения: 25.09.2025).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-про-

Вследствие того, что рассматриваемая разновидность контрабанды отнесена к деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, установлению подлежит факт использования денег, ценностей и иного имущества для финансирования как подготовки, так и совершения контрабанды платежных средств.

Следует отметить, что в отличие от первых двух вариантов конфискации законодателем не предусмотрено обязательное установление собственника имущества. Следовательно, отнесение имущества к используемому для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, совершения преступления организованной группой, незаконным вооруженным формированием, преступным сообществом (преступной организацией) предопределяет возможность его обращения в доход государства независимо от принадлежности. Аналогичной позиции придерживается и высшая судебная инстанция¹.

Не менее проблематичным является установление обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение лица от уголовной ответственности. Дело в том, что в отношении преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, установлено специальное основание такого освобождения — добровольная сдача незаконно перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС платежных средств, т. е. их выдача лицом по своей воле, несмотря на реальную возможность распорядиться ими². При этом не

пессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 8. Ст. 1038.

¹ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 : текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/ (дата обращения: 25.09.2025).

² О судебной практике по делам о контрабанде : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 : текст с изм. и доп. на 11 июня

признается добровольной выдача этих платежных средств в следующих случаях: в ходе применения любой из форм таможенного контроля, проведения следственных действий либо при задержании лица (примечание 4 к ст. 200.1 УК РФ).

При решении вопроса относительно освобождения лица от уголовной ответственности необходимо установить наличие (отсутствие) у него реальной возможности распорядиться незаконно перемещаемыми платежными средствами, а также что их выдача не состоялась в ходе проведения форм таможенного контроля, задержания лица либо производства следственных действий.

Существенным является то, что законодатель связывает добровольную выдачу предметов контрабанды не с осуществлением таможенного контроля, а именно с применением форм таможенного контроля³. Между тем наряду с формами таможенного контроля должностное лицо таможенного органа вправе применить меры, обеспечивающие проведение таможенного контроля, например в виде устного опроса, таможенного наблюдения и использования технических средств таможенного контроля⁴. Следовательно, сообщение лицом в ходе устного опроса о наличии у него незадекларированных платежных

2020 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216048/ (дата обращения: 25.09.2025).

³ К формам таможенного контроля на основании ст. 322 Таможенного кодекса ЕАЭС относятся: получение объяснения; проверка таможенных, иных документов и (или) сведений; таможенный осмотр; таможенный досмотр; таможенный осмотр помещений и территорий; таможенная проверка.

⁴ Меры, обеспечивающие проведение таможенного контроля, предусмотрены ст. 338 Таможенного кодекса ЕАЭС и применяются самостоятельно или для обеспечения применения форм таможенного контроля. К ним относятся: устный опрос; запрос, требование и получение документов и (или) сведений, необходимых для проведения таможенного контроля; назначение таможенной экспертизы, отбор проб и (или) образцов товаров; использование технических средств таможенного контроля; таможенное сопровождение; привлечение специалистов и т. д.

средств и их последующая добровольная выдача являются основанием для его освобождения от уголовной ответственности.

Однако нередко вышеприведенное основание освобождения от уголовной ответственности остается без должной оценки правоприменителей.

Так, несмотря на то, что гр. Т. в ходе устного опроса сообщила о перемещаемых ею без декларирования наличных денежных средствах в сумме 50 тыс. долларов США и 1 тыс. швейцарских франков, приговором Химкинского городского суда Московской области она признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ. Обоснованием непризнания судом добровольности выдачи наличных денежных средств явилось их обнаружение при применении одной из форм таможенного контроля — таможенного досмотра¹. Между тем судом не принято во внимание следующее: таможенному органу о незадекларированной сумме наличных денежных средств и месте их перемещения гр. Т. сообщила лично до проведения таможенного досмотра. Наряду с этим в ходе судебного разбирательства не установлено наличие (отсутствие) у гр. Т. реальной воз-

можности распорядиться упомянутыми деньгами до проведения таможенного досмотра, а также наличие (отсутствие) оснований для его проведения.

Восьмым кассационным судом общей юрисдикции оставлены без изменения приговор Емельяновского районного суда Красноярского края и апелляционное постановление Красноярского краевого суда в отношении гр. Д., осужденной за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ. Суд кассационной инстанции, отождествив понятия «таможенный контроль» и «формы таможенного контроля», пришел к выводу, что начало осуществления таможенного контроля исключает добровольный характер выдачи денежных средств и, соответственно, освобождение от уголовной ответственности².

Безусловно, предмет доказывания при расследовании преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, не ограничивается рассмотренными выше обстоятельствами. В зависимости от способов подготовки, совершения и сокрытия преступления велика вероятность возникновения необходимости установления и иных обстоятельств.

Информация об авторе

М.С. Каменданова – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M.S. Kamendanova – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

¹ Приговор Химкинского городского суда Московской области от 28 июня 2024 г. по делу № 1-454/2024 // Химкинский городской суд Московской области : сайт. URL: https://himki--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=874523722&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2025).

² Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2025 г. по делу № 77-1854/2025 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33499798&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2025).

Научная статья
УДК 34.05

НАЛОГОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Зинаида Алексеевна КОНОВАЛОВА¹, Александра Николаевна МЯХАНОВА²,
Дмитрий Владимирович СИНЬКОВ³

¹ Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия, Zinaida40@mail.ru

² Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, alex27-m@mail.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dsvs@list.ru

Аннотация. Глобализация и экономическая интеграция сделали налоговые преступления транснациональной проблемой, требующей пристального внимания со стороны правительств и международных организаций. Россия и Китай, будучи одними из крупнейших экономик мира, сталкиваются с уникальными вызовами в сфере борьбы с уклонением от уплаты налогов и другими формами налоговых правонарушений. В России, несмотря на значительные реформы в налоговой системе, уклонение от уплаты налогов остается серьезной проблемой. Китай с его динамично развивающейся экономикой и сложной системой регулирования также испытывает значительное давление в сфере налогового контроля. Уклонение от уплаты налогов здесь принимает различные формы, включая сокрытие доходов, завышение расходов и использование незаконно налоговых льгот.

Сравнительный анализ налоговых преступлений в России и Китае выявил общие тенденции, такие как использование сложных финансовых схем и участие организованных преступных групп. Однако существуют и различия, обусловленные спецификой экономики и правовой системы двух стран. Эффективная борьба с налоговыми преступлениями требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, усиление контроля и развитие международного сотрудничества.

Объект исследования — общественные отношения, непосредственно связанные с налоговыми преступлениями. Предмет исследования — нормативно-правовые документы в области налогового контроля России и Китая, теоретические представления о сущности налоговых преступлений, их видах, влиянии на экономическую безопасность страны, аналитические материалы, судебная практика по данной проблематике.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, налоговая преступности, налоговые преступления, налоговая политика

Для цитирования: Коновалова З.А., Мяханова А.Н., Синьков Д.В. Налоговая преступность в России и Китае: сравнительный анализ // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 23 – 32.

Original article

TAX CRIME IN RUSSIA AND CHINA:
COMPARATIVE ANALYSISZinaida A. KONOVALOVA¹, Alexandra N. MYAKHANOVA², Dmitry V. SINKOV³¹ *The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyokar, Russia, Zinaida40@mail.ru*² *Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, alex27-m@mail.ru*³ *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, dvsv@list.ru*

Abstract. Globalization and economic integration have transformed tax crimes into a transnational issue that requires close attention from both national governments and international organizations. Russia and China, being two of the world's largest economies, face unique challenges in combating tax evasion and other tax-related offences. Despite significant tax system reforms, tax evasion remains a persistent issue in Russia. China, with its rapidly growing economy and complex regulatory system, also faces significant pressure in terms of tax control. Tax evasion in China can take various forms, such as income concealment, expense inflation, and the use of illegal tax benefits.

A comparative analysis of tax crimes in Russia and China has revealed common trends, such as the use of sophisticated financial schemes and involvement of organized criminal groups. However, differences arise due to the specifics of each country's economy and legal systems. Effectively combating tax crimes requires a comprehensive approach that includes legislative enhancements, strengthened control measures, and the development of international cooperation.

The focus of the study is on social relations directly related to tax offences. The research subject encompasses regulatory legal instruments in the realm of tax control in Russia and China, theoretical interpretations of the nature of tax crimes, various types of tax crimes, their impact on a country's economic security, analytical materials, and relevant judicial practices.

Keywords: tax evasion, tax crime, tax offences, tax policy

For citation: Konovalova Z.A., Myakhanova A.N., Sinkov D.V. Tax crime in Russia and China: comparative analysis. *Criminalist*. 2026;1(54):23-32. (In Russ.).

Налоговая преступность представляет собой серьезную угрозу для экономической безопасности любого государства, подрывая бюджетную систему и создавая неравные условия для ведения бизнеса. Россия и Китай, будучи странами с переходной экономикой, сталкиваются с уникальными вызовами в этой области, обусловленными как общими тенденциями глобализации, так и специфическими особенностями национальных налоговых систем и правоприменительной практики.

В России налоговая преступность часто связана с уклонением от уплаты

налогов через сложные схемы, использование офшоров и фиктивных компаний [1; 2; 3]. Коррупция в налоговых органах усугубляет проблему, затрудняя эффективное выявление и пресечение преступлений. В Китае, напротив, доминируют случаи подделки документов, занижения объемов производства и экспортно-импортных операций [4]. Жесткий государственный контроль и строгая ответственность за налоговые нарушения (вплоть до смертной казни) не всегда являются сдерживающим фактором.

Состояние налоговой преступности в Российской Федерации¹

Показатель	Год				
	2020	2021	2022	2023	2024
Зарегистрировано преступлений экономической направленности, ед.	105480	117707	111429	105257	105437
Зарегистрировано налоговых преступлений, ед.	4872	5543	5264	4935	4639
Удельный вес в структуре преступлений экономической направленности, %	4,62	4,71	4,72	4,69	4,4

Характеризуя состояние налоговой преступности в Российской Федерации, можно сказать, что в последние годы наблюдается устойчивая динамика в регистрации таких преступлений.

Так, удельный вес налоговых преступлений в структуре преступлений экономической направленности составляет примерно 4,5 %.

Судимость за налоговые преступления в Российской Федерации²

Показатель	Год				
	2020	2021	2022	2023	2024
Всего осуждено лиц за уклонение от уплаты налогов (ст. 198 – 199.2 УК РФ), ед.	346	320	329	344	294
В том числе назначено наказание: Лишение свободы (реально/условно), ед.	25/81	20/83	16/85	16/90	4/80
Удельный вес в числе осужденных за уклонение от уплаты налогов, %	7,2/23,4	6,3/25,9	4,9/25,8	4,7/26,2	1,4/27,2
Штраф, ед.	172	163	184	178	164
Удельный вес в числе осужденных за уклонение от уплаты налогов, %	49,7	50,9	55,9	51,7	55,8
Применена процессуальная мера – судебный штраф, ед.	153	150	129	125	65
Удельный вес в числе осужденных за уклонение от уплаты налогов, %	44,2	46,9	39,2	36,3	22,1

¹ Сборники о состоянии преступности в России в 2020 – 2024 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.06.2025).

² Отчеты о состоянии судимости в Российской Федерации в 2020 – 2024 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 01.06.2025).

Показатели судимости за налоговые преступления также имеют относительную стабильность в последние годы. Только в 2024 году наблюдается некоторое снижение числа лиц, осужденных за такие преступления.

Самым распространенным наказанием за преступления, предусмотренные ст. 198 – 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является штраф, который назначается в каждом втором случае. Лишение свободы на определенный срок применяется в каждом третьем случае, причем в подавляющем большинстве случаев данный вид наказания исполняется условно.

Вместе с тем следует отметить, что налоговые преступления отличаются высокой латентностью, в этой связи за рамками официальной статистики остается большая их часть, которая не была выявлена. Латентность налоговых преступлений – сложная и многогранная проблема, определяющая эффективность функционирования налоговой системы и, как следствие, экономическую безопасность государства. Высокий уровень латентности искажает реальную картину налоговых правонарушений, затрудняет разработку эффективных мер по их предотвращению и выявлению, а также подрывает доверие к налоговой системе в целом.

Факторы, обуславливающие латентность налоговых преступлений, носят как экономический, так и правовой, социальный и психологический характер. Стремление к максимизации прибыли и минимизации налоговых обязательств толкает налогоплательщиков на совершение противоправных действий. Сложность налогового законодательства, наличие пробелов и противоречий в нормативных актах, регулирующих сферу налогообложения, а также недостаточная квалификация сотрудников налоговых органов способствуют уходу от налогообложения. Это возможно про-

демонстрировать на ставках транспортного налога, где каждый субъект России устанавливает свою ставку. К тому же изменения по взысканию задолженности с физических лиц вызывают настороженность. В настоящее время отсутствует четкая регламентация процедуры взыскания. Более того, может возникнуть путаница по взысканию задолженности с физических лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход, и физических лиц, получивших доходы от продажи своего имущества.

Социальные факторы, такие как низкий уровень налоговой культуры, коррупция и отсутствие неотвратимости наказания за налоговые преступления, создают благоприятную почву для их совершения. Психологические факторы, в частности убеждение в безнаказанности, уверенность в возможности избежать ответственности, также играют немаловажную роль.

Следует отметить, что указанные факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Противодействие налоговым преступлениям требует комплексного подхода, включающего совершенствование налогового законодательства, повышение эффективности налогового контроля, усиление взаимодействия правоохранительных органов и налоговых служб, а также повышение налоговой грамотности населения и формирование культуры законопослушного поведения налогоплательщика. Только при совместных усилиях государства и общества возможно добиться существенного снижения уровня латентности налоговых преступлений и обеспечить устойчивое функционирование налоговой системы.

В отчете за 2024 год Верховная народная прокуратура КНР опубликовала информацию по уголовным делам о преступлениях, причинивших ущерб налоговой системе (сбору и администрированию налогов). Следует отме-

тять, что начиная с XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая Центральный комитет партии придавал большое значение противодействию налоговым нарушениям. Отмечалось, что необходимо «в полной мере использовать базовую, опорную и гарантирующую роль налогообложения в национальном управлении»¹. Преступления, которые ставят под угрозу сбор и администрирование налогов, не только нарушают порядок сбора и администрирования национальных налогов, но также подрывают экономический фундамент страны и разрушают систему социальной целостности, лица, совершающие подобные преступления, должны быть наказаны².

Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР в 2024 году выпустили совместное разъяснение «О толковании некоторых вопросов, касающихся применения законодательства в уголовных делах, ставящих под угрозу сбор и администрирование налогов» (далее — Толкование)³. В целях усиления эффективности реализации Толкования одновременно были опубликованы восемь типовых уголовных дел по преступлениям в налоговой сфере. Эти дела демонстрируют решимость судебных органов наказывать за налоговые преступления и обеспечивать национальную налоговую безопасность.

В отчете о работе Верховной народной прокуратуры КНР за 2024 год отмечается: «... следует сосредоточиться на создании деловой среды, основанной на верховенстве закона. В 2024 г. были привлечены к ответственности 137 000 человек за преступления, подрывающие

рыночный экономический порядок, что на 13,0 % больше, чем в 2023 г. В Китае защищаются законные права и интересы всех видов хозяйствующих субъектов в равной степени. <...> Выявляются коррупционные преступления, совершенные сотрудниками, занимающими ключевые должности в частных предприятиях; к уголовной ответственности привлечено 3298 человек. За прошедший год к различным видам ответственности было привлечено 23 000 человек. Вместе с тем за мелкие правонарушения были назначены суровые наказания и большие штрафы, в связи с чем в органы административного правонарушения внесено 519 прокурорских представлений»⁴.

Таким образом, в Китае, как и в России, рассматриваются налоговые преступления как угроза экономической безопасности и стабильности, за которые следует серьезно наказывать.

Народные суды и органы прокуратуры Китая, при поддержке органов общественной безопасности и налоговых органов, придерживаются политики жесткого давления, немедленно пресекая преступления данной категории. При этом широко используются цифровые технологии и системы электронного мониторинга для контроля за налоговыми поступлениями.

В России, несмотря на то что цифровизация также активно развивается [5], более значительную роль в выявлении налоговых преступлений играют традиционные методы налогового контроля, такие как выездные и камеральные проверки.

К примеру, за 1 квартал 2025 года было проведено 1148 выездных проверок организаций, из них результативных — 1131. При этом 99 % проверок завершились доначислениями (в 1 квартале 2024 года — 98 %). В 2024 году в це-

¹ URL: http://www.npc.gov.cn/c2/kgfb/202503/t20250309_443904.html (дата обращения: 12.05.2025). Здесь и далее приводится перевод с китайского языка на русский с учетом российской терминологии.

² URL: https://www.nx.jcy.gov.cn/hlxy/qwfb/202403/t20240319_849483.html (дата обращения: 12.05.2025).

³ Там же.

⁴ URL: http://www.npc.gov.cn/c2/kgfb/202503/t20250309_443904.html (дата обращения: 12.05.2025).

лом по России проведено 4495 выездных проверок организаций, из них результативных — 4397. Согласно статистике, в 2023 — 2024 годах в России компании проверяли реже. Так, в 2023 году в рамках выездных проверок было проверено 4966 компаний-налогоплательщиков (по данным уточненного отчета ФНС России за 2023 год), т. е. на 10 % больше, чем в 2024 году. При этом результативность «выездного контроля» сохраняется на высоком уровне — 98 % проверок результативны, т. е. с доначислениями¹.

Большинство осужденных в Китае за преступления, причинившие существенный вред и получившие большое общественное внимание, подвергаются суровым наказаниям, при этом строго соблюдается принцип соразмерности наказаний. С другой стороны, суды и органы прокуратуры в целях реализации посылы в выступлениях Генерального секретаря Си Цзиньпина проявляют снисходительность, когда это необходимо. Отмечается, что в силу несовершенства корпоративных правил и положений предприятиям должны быть предоставлены возможности для исправления нарушений в максимально возможной степени. Это связано с тем, что налоговое законодательство имеет немало спорных моментов, которые следует разъяснять. Например, в КНР различие между преступлением, заключающимся в ложной выдаче специальных счетов-фактур по налогу на добавленную стоимость (НДС), и преступлением, связанным с уклонением от уплаты налогов, представляет собой сложный момент в разграничении в теории и на практике, тогда как в России ответственность за такие действия предусмотрена в одной норме, независимо от способа

совершения налогового преступления. Также в Китае, согласно Толкованию, не считаются преступными действия, связанные с выставлением ложных специальных счетов-фактур по НДС, ложным увеличением производительности, финансирования, кредитов и т. п.

В современном обществе, где финансовая стабильность государства напрямую зависит от своевременного и полного исполнения налоговых обязательств, осведомленность налогоплательщиков о своих правах и обязанностях приобретает первостепенное значение. Это не просто юридическая формальность, а краеугольный камень эффективной налоговой системы, способствующий повышению собираемости налогов, снижению числа налоговых споров и укреплению доверия между государством и гражданами.

Понимание налогоплательщиками своих прав служит гарантией защиты от произвола со стороны налоговых органов. Каждый налогоплательщик имеет право на получение полной и достоверной информации о налоговом законодательстве, на обжалование действий или бездействия налоговых органов, на возмещение убытков, понесенных в результате неправомερных действий налоговых органов, и, конечно, на соблюдение конфиденциальности информации, предоставленной налоговым органам.

Наряду с правами налогоплательщики несут и ряд обязанностей, ключевой из которых является своевременная и полная уплата налогов. Это включает в себя обязанности по ведению учета доходов и расходов, представлению налоговых деклараций и уплате налогов в установленные сроки. Исполнение этих обязанностей не только юридическое требование, но и проявление гражданской ответственности, вклад в общее благосостояние.

В России и Китае важное значение придают осведомленности налогоплательщиков о своих правах и обязанно-

¹ Налоговый контроль в цифрах и фактах. Статистика ФНС и бюджета 2024 — 2025 // Правовест. Система ГАРАНТ. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/> (дата обращения: 12.10.2025).

стях, а также об ответственности за налоговые преступления, но, к сожалению, в силу различных объективных и субъективных факторов данная проблема продолжает существовать.

Например, причинами некоторых налоговых преступлений в КНР является недостаточная работа с налогоплательщиками по разъяснению их прав и обязанностей, а также ответственности за налоговые преступления.

Недостаточная осведомленность налогоплательщиков о своих правах и обязанностях — это проблема, которая подрывает эффективность налоговой системы и доверие граждан к государству. Незнание своих обязанностей может привести к неуплате налогов, задержкам с подачей деклараций и, как следствие, к штрафам и пеням. Это создает дополнительные финансовые трудности для налогоплательщиков и увеличивает административную нагрузку на налоговые органы.

Решение проблемы недостаточной осведомленности требует комплексного подхода. Во-первых, необходимо расширять и совершенствовать образовательные программы для налогоплательщиков, используя различные каналы коммуникации: веб-сайты, социальные сети, семинары, вебинары и личные консультации, искусственный интеллект при получении разъяснений прав и обязанностей налогоплательщика. Важно представлять информацию в доступной и понятной форме, избегая сложной терминологии и акцентируя внимание на практических примерах.

Во-вторых, необходимо повышать прозрачность и доступность информации о налоговой системе. Налоговые органы должны публиковать подробные руководства, оперативно отвечать на вопросы налогоплательщиков. Важно также внедрять современные информационные технологии, которые позволяют налогоплательщикам легко получать информацию о своих налоговых обязательствах и правах.

Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура Китая время от времени публикуют с целью единообразия судебной практики так называемые «типичные дела».

К примеру, была ссылка на дело об уклонении от уплаты налогов одной продовольственной компании в провинции Сычуань. Sichuan Food Co., Ltd. является небольшим предприятием по производству продуктов питания. С 2017 по 2019 год представитель компании Чжэн Моумоу посредством обмана и использования ложных налоговых деклараций уклонился от уплаты налогов на сумму более 1,27 млн юаней. 29 сентября 2021 года налоговые органы вынесли решение об уплате сокрытых налогов. Ответчик не произвел оплату в установленный срок, и 6 мая 2022 года налоговые органы передали органам общественной безопасности материалы по уклонению от уплаты налогов, на основании чего было возбуждено уголовное дело. Народный суд уезда Жэньшоу провинции Сычуань приговорил компанию Sichuan Food Co., Ltd. к штрафу за уклонение от уплаты налогов, а обвиняемый Чжэн Моумоу был осужден к одному году лишения свободы с отсрочкой отбывания наказания на два года, оштрафован на 30 000 юаней, а также должен выплатить сумму сокрытых налогов¹.

В КНР, как и в России, налоги являются основным источником национальных финансов, повышения благосостояния государства, местного самоуправления, являются основой финансовой безопасности, обеспечивают правоохранительную деятельность страны. Уплата налогов в соответствии с законом является основной обязанностью граждан и юридических лиц.

Следует отметить, что законодательство КНР дает возможность налогоплательщикам, вовремя не оплатившим

¹ URL: <https://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810219/n810780/c5221853/content.html> (дата обращения: 12.10.2025).

налоги, исправить ситуацию путем составления плана погашения задолженности, в частности такие меры принимаются в отношении предприятий, которые выполняют социальную функцию (обеспечивают трудоустройство инвалидов и пр.), с целью избежать их банкротства.

Отметим, что применение указанной схемы возможно и в России. Так, в российском налоговом законодательстве установлены нормы, которые смягчают меры ответственности, применяемые по отношению к организациям, выполняющим социально значимые функции, во избежание банкротства, а также применяется рассрочка по уплате налогов [6].

Во втором случае речь о деле пекинской кейтеринговой компании. Чэнь и Гун в 2006 году совместно инвестировали средства в создание компании Beijing Catering Co., Ltd. (кейтеринговая компания). В 2012 – 2013 годах данная компания, ее филиалы, а также подставные фирмы, созданные Чэнь и Гун в других провинциях Китая, использовали в общей сложности 53 поддельных счета. В июле 2014 года инспекционное бюро Налогового управления района Шуньши Государственной налоговой администрации Пекина провело налоговую проверку кейтеринговой компании и приняло административное решение. Установлено, что компания использовала счета-фактуры, не соответствующие требованиям законодательства, нарушила правила учета расходов и доходов, а сумма налога была уменьшена. Чэнь и Гун учредили новую компанию по адресу первого филиала, затем с целью избежать уплаты налогов основали другую кейтеринговую компанию по адресу второго филиала, открыв новый счет для коммерческого использования второй компании и закрыв филиалы.

После установления данных фактов кейтеринговая компания выплатила просроченный подоходный налог

и пени за просрочку платежа на общую сумму более 1,3 млн юаней. Помимо этого Народная прокуратура района Шуньши Пекина возбудила уголовное дело в отношении кейтеринговой компании по обвинению в уклонении от уплаты налоговой задолженности. Народный суд указал, что бухгалтерские книги велись с нарушениями законодательства, а имеющиеся доказательства не могли подтвердить существование фактических и разумных расходов, связанных с полученным доходом. Фирма не уплатила налог, скрыла свое имущество, таким образом, скрытая сумма налога превысила установленную уголовным законом норму в 10 000 юаней. Чэнь и Гун народным судом округа осуждены к трем годам лишения свободы с отсрочкой на три года и оштрафованы на 850 000 юаней¹.

Подобные преступления совершаются и российскими налогоплательщиками. Уголовная ответственность за такие деяния предусмотрена ст. 199.2 УК РФ. В 2022 году по данной статье было привлечено к ответственности 173 человека.

Третий случай. Ши Моумоу и другие совершили мошенничество при возврате экспортного налога. Так, в декабре 2017 года Ши Моумоу зарегистрировал компании Tongling Bomou Technology Co., Ltd. (далее – Bomou) и Tongling Jinmou Technology Co., Ltd. (далее – Jinmou). Компания Bomou занималась разработкой программного обеспечения и имела налоговые льготы. Ши Моумоу через две вышеупомянутые компании закупил пустые чипы по цене 0,7 юаня, внедрил их в модуль одного программного продукта (далее – модуль), а также поднял цену до 200 юаней. С января по август 2019 года компания Bomou выписывала компании Jinmou специальные счета-фактуры по налогу на добавленную

¹ URL: <https://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810219/n810780/c5221853/content.html> (дата обращения: 12.10.2025).

стоимость под предлогом продажи таких модулей. После этого Ши Моумоу и соучастник Хуан Моубо договорились, что компания в г. Чибэ провинции Хубэй, контролируемая последним, будет выступать в качестве агента по экспорту модулей компании Jin Company и подпишет фальшивый контракт на закупку. Текущий модуль был продан компании An по цене за единицу около 230 юаней. Затем компания подписала фальшивый контракт на покупку модуля с компанией Hai, основанной Хуан Моубо в Гонконге, и экспортировала данный модуль в Гонконг. После того как товары были экспортированы, Ши Моумоу, Хуан Моубо и другие лица совершили валютный расчет с компанией An. Затем они использовали специальные налоговые счета-фактуры и материалы экспортной декларации для подачи заявления на получение скидки по экспортному налогу. С декабря 2018 года по 2019 год компания получила более 5,7 млн юаней в виде скидок по экспортному налогу.

Прокуратура привлекла к ответственности Ши Моумоу и других за мошенничество при возврате экспортного налога. Народный суд указал, что Ши Моумоу и другие недоплатили в бюджет 5,7 млн юаней, подав фальшивые экспортные декларации. Ши Моумоу осужден к 11 годам лишения свободы и штрафу в 5 млн юаней, соучастники осуждены к 5–6 годам лишения свободы и штрафу¹.

Следует отметить, что аналогичные нарушения выявляются правоохранительными и контролирующими органами в России при поставке товаров по экспортным операциям. Чаще всего указанные действия пресекаются на стадии проверки документов по налогу на добавленную стоимость при пересечении товаром границы страны.

Таким образом, борьба с налоговыми преступлениями является приоритетной задачей для всех государств, включая

¹ URL:<https://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810219/n810780/c5221853/content.html> (дата обращения: 12.10.2025).

Россию и Китай. Несмотря на значительные различия в политических системах, экономических моделях и правовых традициях, обе страны демонстрируют как сходства, так и различия в подходах к этой сложной проблеме.

Сходства.

Признание угрозы: и Россия, и Китай рассматривают налоговые преступления как серьезную угрозу экономической безопасности и стабильности. Уклонение от уплаты налогов подрывает финансовую основу государства, препятствует реализации социальных программ и создает неравные условия для ведения бизнеса.

Совершенствование законодательства: обе страны активно работают над совершенствованием налогового законодательства, стремясь к его прозрачности, справедливости и эффективности; усиливаются меры ответственности за налоговые преступления, вводятся новые инструменты контроля и мониторинга.

Международное сотрудничество: Россия и Китай активно участвуют в международном сотрудничестве по борьбе с налоговыми преступлениями, обмениваются информацией и опытом с другими странами, поддерживают инициативы, направленные на повышение прозрачности налоговой системы и борьбу с уклонением от уплаты налогов в глобальном масштабе.

Различия.

Приоритеты и акценты: в России акцент часто делается на выявлении и пресечении крупных налоговых схем, связанных с выводом капитала за рубеж. В Китае особое внимание уделяется борьбе с коррупцией в налоговых органах и обеспечению соблюдения налогового законодательства со стороны малого и среднего бизнеса.

Методы контроля: в Китае широко используются цифровые технологии и системы электронного мониторинга для контроля за налоговыми поступлениями. В России, хотя цифровизация также активно развивается, значительную роль играют традиционные методы

налогового контроля, такие как выездные проверки.

Правоприменительная практика: в Китае за налоговые преступления предусмотрены более строгие наказания, включая смертную казнь за особо тяжкие преступления. В России наказания, как правило, менее суровые, однако наблюдается тенденция к их ужесточению.

В целом борьба с налоговыми преступлениями в России и Китае представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий особенности каждой страны. Россия и Китай нуждаются в совершенствовании налогового законодательства, обмене опытом, повышении прозрачности налоговой си-

стемы и укреплении международного сотрудничества в борьбе с уклонением от уплаты налогов. В России необходимо сосредоточиться на снижении уровня коррупции и упрощении налогового администрирования, а в Китае — на повышении эффективности контроля за экспортно-импортными операциями и совершенствовании механизмов урегулирования налоговых споров.

Успешное решение проблемы налоговой преступности требует комплексного подхода, сочетающего ужесточение наказаний с повышением налоговой грамотности и созданием благоприятного климата для добросовестного исполнения налоговых обязательств.

Список источников

1. Кучеров И.И. Налоговая преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Кучеров Илья Ильич. Москва, 1999. 501 с.
2. Николаева Ж.А. Криминологические особенности и специфика детерминации современной налоговой преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 710–722.
3. Голова Е.Е. Налоговые правонарушения как угроза экономической безопасности страны // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 1951–1970.
4. Шепенко Р.А. Ответственность за нарушение налогового законодательства Китайской Республики // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 200–212.
5. Осипов В.С., Гуляев А.Н. Цифровой налоговый контроль в России: достижения, риски и перспективы фискальной эффективности // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/70ECVN325.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
6. Замотаева О.Н. Обстоятельства, смягчающие налоговую ответственность, как основа реализации этической составляющей современного законодательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6. С. 198–201.

Информация об авторах

З.А. Коновалова – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Коми республиканской академии государственной службы и управления, кандидат юридических наук;

А.Н. Мяханова – судья в отставке, доцент кафедры уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, кандидат юридических наук;

Д.В. Синьков – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Z.A. Konovalova – Senior Lecturer at the Department of legal disciplines, the Komi Republican Academy of State Service and Administration, Candidate of Science (Law);

A.N. Myakhanova – Retired judge, Assistant Professor at the Department of criminal law and criminology, Buryat State University named after Dorji Banzarov, Candidate of Science (Law);

D.V. Sinkov – Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.141

ИССЛЕДОВАНИЕ СУДОМ СВЕДЕНИЙ О ПОМИЛОВАНИИ ЛИЦ,
РАНЕЕ ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ
ОПЕРАЦИИ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ДОКАЗЫВАНИЮ

Анна Викторовна КРУЦКИХ

*Прокуратура Тамбовского района Тамбовской области, Тамбов, Россия,
Annyschka.ru@mail.ru*

Аннотация. В статье исследованы вопросы доказывания обстоятельств, которые влекут освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, принимавших участие в боевых действиях в составе вооруженных формирований в зоне специальной военной операции, во взаимосвязи с положениями федерального законодательства об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, связанные со снятием и погашением судимости, в том числе лиц, помилованных указами Президента Российской Федерации. Путем анализа судебной практики выявлены актуальные проблемы применения указанного законодательства в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: помилование, специальная военная операция, обстоятельства, подлежащие доказыванию, освобождение от уголовной ответственности и наказания, снятие судимости, рецидив, закрытое судебное заседание.

Для цитирования: Круцких А.В. Исследование судом сведений о помиловании лиц, ранее принимавших участие в специальной военной операции, как обстоятельства, подлежащего доказыванию // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 33 – 40.

Original article

INVESTIGATION BY THE COURT OF INFORMATION ON PARDON
OF PERSONS PREVIOUSLY INVOLVED IN THE SPECIAL MILITARY
OPERATION AS A CIRCUMSTANCE SUBJECT TO PROOF

Anna V. KRUTSKIKH

Tambov district Prosecutor's Office of the Tambov region, Tambov, Russia, Annyschka.ru@mail.ru

Abstract. The article explores the issues related to proving circumstances that entail exemption from criminal liability and punishment for persons who participated in combat operations as part of armed formations in the special military operation (SMO). The analysis is done in conjunction with federal legislation that outlines specific features of criminal liability of persons involved in the special military operation, especially with regard to the expungement and extinguishment of criminal records, including in respect of individuals pardoned by decrees of the President of the Russian Federation. The examination of judicial practice highlights current difficulties in applying this legislation in legal proceedings.

© Круцких А.В., 2026

Keywords: pardon, special military operation, circumstances subject to proof, exemption from criminal liability and punishment, removal of criminal record, recidivism, closed court session

For citation: Krutskikh A.V. Investigation by the court of information on pardon of persons previously involved in the special military operation as a circumstance subject to proof. *Criminalist*. 2026;1(54):33-40. (In Russ.).

Новый импульс к корректировке и без того динамично развивающегося уголовно-процессуального законодательства придали глобальные политические процессы, происходящие в мировой политике последние три года. С марта 2022 года по настоящее время только в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ внесены изменения и дополнения более чем семьюдесятью федеральными законами, сопоставимо с этим количеством и число изменений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)², большинство из которых касались обеспечения национальной безопасности в условиях экономических санкций со стороны ряда западных стран и проведения специальной военной операции (далее – СВО) по демилитаризации и денацификации Украины.

В этот же период был принят Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ)³, предусматривавший условия освобождения

от уголовной ответственности лиц, привлекаемых или привлеченных к ответственности за совершение отдельных видов преступлений, в связи с участием их в СВО, действовавший до 22 марта 2024 года.

Новацией рассматриваемого периода стало активное применение института помилования в связи с участием осужденного (до совершения конкретного преступления) в боевых действиях по защите суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Несмотря на то что Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ утратил силу согласно Федеральному закону от 23 марта 2024 года № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации“», ст. 34 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе“ и признании утратившим силу Федерального закона „Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции“»⁴, его положения оказывают и будут оказывать существенное влияние на применение к таким лицам в последующем норм УПК РФ, УК РФ и иных норм федерального законодательства, регламентирующих как минимум следующее:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» : Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вопросы, связанные с доказыванием обстоятельств, влекущих освобождение лиц от уголовной ответственности и наказания;

вопросы наличия (либо отсутствия) судимости и как следствие — признания в действиях лиц рецидива преступлений;

возможность применения условного осуждения, административного надзора, прекращения производства по уголовному делу.

Следует отметить, что нередко в открытых источниках указанный выше Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ называли «законом о помиловании», что не соответствует действительности, поскольку его положения и положения ст. 85 УК РФ различаются, в частности, по следующим основаниям:

а) по субъекту, которому предоставлено право освобождать от уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ этим правом были наделены должностные лица следственных органов (в случае приостановления производства по уголовному делу), а также федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, в полномочия которых входит осуществление предварительного расследования (по вопросам прекращения уголовного преследования в связи с прохождением обвиняемым или подозреваемым военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время), а правом помилования наделен только Президент Российской Федерации;

б) категории лиц, в отношении которых прекращается уголовное преследо-

вание. Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ предусматривал прекращение уголовного преследования, по сути, в отношении любого лица, отвечающего требованиям, перечисленным в ст. 2, тогда как акт о помиловании носит индивидуальный характер и выносится в отношении конкретного лица;

в) правовому статусу лица, в отношении которого прекращается уголовное преследование. Положения Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ применялись в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (п. 2 ч. 1 ст. 2), а помилование может быть применено в случае осуждения и вступления в законную силу приговора суда (ч. 2 ст. 85 УК РФ). Таким образом, указанный Федеральный закон предусматривал освобождение от уголовной ответственности, а помилование — институт освобождения от наказания;

г) отношению лица, освобождаемого от уголовной ответственности, к воинской обязанности (дополнительное условие). Анализируемый Федеральный закон регламентировал освобождение от уголовной ответственности только лица, проходящего военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, тогда как акт о помиловании может быть применен к любому лицу независимо от его отношения к воинской обязанности и прохождения воинской службы;

д) правовым последствиям. Согласно положениям Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ лицо, в отношении которого прекращалось уголовное преследование, считалось несудимым, тогда как применение помилования влечет разные правовые последствия:

лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания;

назначенное уголовное наказание может быть сокращено;

назначенное уголовное наказание может быть заменено более мягким видом наказания;

с лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость [1, с. 64];

е) тяжести и виду преступления. Освобождение от уголовной ответственности по Федеральному закону от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ возможно было в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести, а помилование — в отношении лица, совершившего преступление любой степени тяжести [2, с. 130 – 131].

Характеризуя указанный Федеральный закон, необходимо подчеркнуть не только его «внутренние» коллизии, но и «внешние» — с некоторыми иными нормативными правовыми актами.

Примером «внутренней» коллизии может служить то, что, как указано выше, в п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ было предусмотрено, что от уголовной ответственности освобождаются «лица ... в отношении которых осуществляется предварительное расследование», тогда как в ч. 1 ст. 5 было установлено, что «осужденный, призванный на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключивший в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, освобождается от наказания условно». Таким образом, последняя ситуация предполагает новую дополнительную категорию лиц, которые могли быть освобождены от наказания. Кроме того, ни рассматриваемый Федеральный закон, ни иное законодательство не предусматривают процедуру освобождения граждан, осужденных за совершение

преступлений, условно. Имеющаяся в Федеральном законе от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ формулировка не позволяет отождествлять освобождение от наказания условно с освобождением от наказания условно-досрочно.

Названные противоречия свидетельствуют о невозможности соотнесения предусмотренного нормами Федерального закона основания освобождения от уголовной ответственности с помилованием.

В период СВО достаточно активно стал применяться институт помилования как способ поощрения лиц, рискующих своей жизнью и здоровьем во имя защиты интересов общества и государства, а также граждан Российской Федерации от внешних угроз. Институт помилования регламентирован положениями ст. 85 УК РФ, а процедура его применения — Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 года № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации»¹. Как справедливо отмечают В.В. Скопинцева и С.Н. Пономарев, «институт помилования, являясь неотъемлемой составной частью государственной политики в области борьбы с преступностью, выполняет значимую функцию государственного регулирования и управления...» [3, с. 33], что имеет особое значение как мера стимулирования граждан, совершивших преступления, к искуплению своей вины путем защиты Отечества. При этом следует согласиться с мнением проф. В.И. Селиверстова, что «решение проблемы расширения помилования... заключается... непосредственно в правоприменительной практике, задаваемой уголовной политикой государства» [4, с. 225].

¹ О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 : текст с изм. и доп. на 14 дек. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как отмечалось еще в 2023 году в средствах массовой информации, «Президент России Владимир Путин подтвердил подписание им указов о помиловании заключенных российских тюрем, участвующих в специальной военной операции» [5].

Помилование влечет ряд уголовно-правовых последствий. Наиболее актуальным сегодня является применение таких последствий к лицам, вновь оказавшимся на скамье подсудимых после участия в СВО.

При рассмотрении судом уголовного дела в отношении лица, помилованного указом Президента Российской Федерации, в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ кроме прочего подлежат доказыванию обстоятельства, которые могут повлечь за собой его освобождение от уголовной ответственности, например по ст. 78.1 УК РФ, либо повлиять на наличие (отсутствие) в его действиях рецидива преступления. В связи с чем получение достоверных сведений о помиловании в качестве доказательства приобретает особую значимость.

При этом, несмотря на то что деятельность региональных комиссий по помилованию «носит публичный характер и обеспечивает участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и общественности в реализации принципа гуманизма по отношению к осужденным, а также к лицам, отбывающим назначенное судом наказание и имеющим судимость» [6, с. 638], как пояснил пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д.С. Песков, «некоторые указы о помиловании составляются и подписываются в закрытом режиме» [5], так как отнесены к государственной тайне, включены в перечень сведений в военной области¹.

¹ Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне : утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 : текст с изм. и доп. на 24 июня 2025 г.

В целом это является обоснованным, поскольку условия военного конфликта и напряженной политической ситуации позволяют ограничить доступ к информации о составе Вооруженных Сил Российской Федерации, уровне их подготовленности, дислокации, а также обеспечить безопасность самих участников СВО и членов их семей.

Между тем в правоприменительной практике возникают ситуации, когда, например, ограниченный доступ к акту о помиловании создает определенные трудности во время судебного рассмотрения уголовного дела в отношении лица, принимавшего участие в боевых действиях до 22 марта 2024 года (т. е. до окончания действия Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ), связанные с необходимостью решения вопросов прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, срока наказания за вновь совершенное преступление, вида исправительного учреждения, наличия рецидива и т. д.

Например, при рассмотрении Тамбовским районным судом Тамбовской области уголовного дела в отношении бывшего участника СВО стороной защиты поставлен вопрос о примирении с потерпевшим². Между тем из материалов уголовного дела усматривалось, что подсудимый в 2017 году осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 9 годам лишения свободы, а также в 2021 году — по п. «а» ч. 4 ст. 291 УК РФ к 8 годам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ ему окончательно назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы. При этом единственным документом, подтверждающим применение к подсудимому поми-

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² URL: https://sud22--tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=152712196&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.08.2025).

лования, была справка об освобождении его из пенитенциарного учреждения, в которой указано, что помилование применено только в связи с совершением преступления в виде дачи взятки и освобожденный ранее судим не был. Поскольку акт о помиловании получен не был, вопрос о снятии судимости, что является непереманным условием применения ст. 85 УК РФ, достоверно разрешить не представилось возможным. При этом следует иметь в виду, что ст. 85 УК РФ не содержит однозначного требования о снятии судимости в случае применения акта о помиловании, более того, в ст. 5 Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ говорилось о лицах, проходивших военную службу, но на момент службы не отбывших наказание и не освобожденных от наказания. Отдельно отмечу, что, согласно справке информационно-аналитического центра регионального УМВД, судимость за совершение убийства не снята и не погашена.

Подобные случаи в ходе рассмотрения уголовных дел в отношении бывших участников СВО являются не единичными.

Так, постановлением Кочубеевского районного суда Ставропольского края 5 мая 2023 года прекращено в связи с деятельным раскаянием уголовное дело в отношении лица, ранее неоднократно осужденного к реальному лишению свободы за совершение тяжких преступлений. Он был освобожден из мест лишения свободы на основании указа Президента Российской Федерации о помиловании, сведений о котором в распоряжении правоохранительных органов не имелось, с установлением ему административного надзора сроком на 8 лет. Поскольку после освобождения из мест лишения свободы осужденный не прибыл для регистрации в отделение полиции, в отношении его было возбуж-

денно уголовное дело за уклонение от надзора¹.

Как отмечалось выше, не во всех случаях помилование предполагает снятие судимости по всем вынесенным приговорам. Согласно решению Сысольского районного суда Республики Коми от 20 марта 2023 года в отношении лица, имевшего несколько неснятых (непогашенных) судимостей, был установлен административный надзор за совершение им ранее тяжкого преступления, несмотря на его помилование 6 июля 2022 года указом Президента Российской Федерации со снятием судимости, поскольку указом снята судимость только по последнему постановленному в отношении его приговору².

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что в настоящее время назрела необходимость в проработке вопроса о получении судом достоверной информации относительно акта о помиловании, облеченной в доказательную форму, для установления правовых последствий помилования.

Несоответствие сведений о помиловании, имеющихся у участников СВО, и данных информационно-аналитических центров Министерства внутренних дел Российской Федерации не позволяет прокурору или суду прийти к однозначному выводу.

Интенсификацией межведомственного взаимодействия путем улучшения механизмов обмена информацией между компетентными органами решить возникающие проблемы не представляется возможным, поскольку вопросы

¹ URL: https://nevinnomysky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=248363564&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.08.2025).

² URL: https://sysola--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=139377882&case_uid=b7d4da46-b42a-4743-a3f6-b7b3ebcd3409&delo_id=41&new=0 (дата обращения: 20.08.2025).

доказывания регламентируются исключительно уголовно-процессуальным законодательством.

Видится целесообразным внесение в уголовно-процессуальный закон соответствующих изменений, обеспечивающих получение достоверной информации о помиловании: снятие ограничения доступа с акта о помиловании, при условии окончания военной службы лица, обвиняемого в совершении нового преступления, на момент возбуждения уголовного дела. Это позволит суду при разрешении вопросов о наличии либо отсутствии судимости за ранее совершенные преступления установить вид помилования, снятие судимости и т. д. Возможность реализации такого способа, как приобщение к материалам уголовного дела акта о помиловании, обусловлена тем, что контракт между лицом, ранее помилованным в качестве поощрения за участие в боевых действиях по защите интересов Российской Федерации, и Министерством обороны Российской Федерации полностью исполнен и не требуется сохранение данного факта в тайне. Более того, участие такого лица в боевых действиях, получение им государственных и ведомственных наград, а также знаков отличия нередко по ходатайству стороны защиты и с согласия стороны обвинения признаются смягчающими вину обстоятельствами и учитываются при вынесении итогового решения по уголовному делу. Данное обстоятельство в совокупности с принципом гласности судебного разбирательства фактически уже свидетельствует об отсутствии

«секретности» таких сведений. Снятие ограничения доступа с акта о помиловании должно решаться в каждом конкретном случае уполномоченным органом, будь то вновь созданная специализированная структура в Вооруженных Силах Российской Федерации либо комиссия о помиловании, с учетом всех обстоятельств дела.

Остается открытым вопрос оценки актов о помиловании, вынесенных главами Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики до присоединения к Российской Федерации. Представляется целесообразным приведение их в соответствие с положениями ст. 85 УК РФ, где правом помилования наделен исключительно Президент Российской Федерации.

В случае невозможности реализации вышеприведенного подхода предлагается использовать положения п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Этот способ применим тогда, когда лицо на момент привлечения его к ответственности за совершение нового преступления является военнослужащим и разглашение условий его помилования неприемлемо.

Указанные изменения позволят в полной мере обеспечить правильное применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении лиц, которые были ранее помилованы в связи с исполнением ими обязанности по защите национальных интересов Российской Федерации, исключат двусмысленность в вопросах применения института помилования, не нарушая при этом охраняемые законом права и интересы как самих лиц, так и государства.

Список источников

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие в табл. / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко [и др.] ; под ред. А.Н. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2019. 76 с.
2. Боровых Л.В., Соловьева Е.А. О некоторых вопросах применения помилования на территориях субъектов Российской Федерации // *Ежyрге*. 2022. № 4. С. 118 – 133.

3. Скопинцева В.В., Пономарев С.Н. К вопросу об использовании рейтингов реализации права на помилование для оценки деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 11. С. 30–39.

4. Селиверстов В.И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 г. и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 222–228.

5. Путин подтвердил помилование участвующих в СВО заключенных. 13 июня 2023 // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/13/pomilovanie/> (дата обращения: 20.08.2025).

6. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 8. Освобождение от уголовного наказания. Амнистия. Помилование. Судимость / под ред. Н.А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2021. 830, [1] с.

Информация об авторе

А.В. Круцких – старший помощник прокурора Тамбовского района Тамбовской области.

Information about the author

A.V. Krutskikh – Senior Assistant Prosecutor of the Tambov district of the Tambov region.

Научная статья
УДК. 343.3

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ
И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ**

Андрей Вячеславович НИКУЛЕНКО

*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
nikulenkoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>,
Web of Science ResearcherID Q-1496-2016*

Аннотация. В современном мире проблемы противодействия террористическим и экстремистским проявлениям стоят наиболее остро, так как указанные преступления причиняют вред интересам многих людей, безопасности общества и государства в целом, потому не могут не занимать умы ученых-криминалистов и сотрудников правоохранительных органов, от которых напрямую зависят возможности предотвращения данных преступлений или минимизации их последствий. В то же время недостаточная проработанность, а зачастую и противоречивость норм, регламентирующих действия правоохранителей по выявлению и раскрытию террористических и экстремистских преступлений, «связывает руки» оперативных сотрудников и не дает в полной мере получить крепкую доказательственную базу по уголовным делам данной категории. В работе высказаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства по указанной проблематике.

Ключевые слова: террористические и экстремистские преступления, проблемы противодействия, сотрудники правоохранительных органов, обстоятельства, исключающие преступность деяния

Для цитирования: Никуленко А.В. Противодействие терроризму и экстремизму и проблемы реализации института обстоятельств, исключающих преступность деяния // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 41 – 49.

Original article

**COUNTERING TERRORISM AND EXTREMISM, AND CHALLENGES
IN IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF CIRCUMSTANCES
EXCLUDING THE CRIMINALITY OF AN ACT**

Andrey V. NIKULENKO

*Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
nikulenkoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>,
web of science researcherid Q-1496-2016*

Abstract. In the contemporary world, countering terrorist and extremist manifestations is one of the most pressing challenges. These crimes harm the interests of many individuals and pose a threat to society and the state's security. Therefore, criminologists and law enforcement professionals play a vital role in preventing or reducing the impact of such crimes. However, the lack of clear and sometimes contradictory legal norms that govern law enforcement actions in detecting and investigating terrorist and extremist activities restrict operational officers and hinder the es-

---

© Никуленко А.В., 2026

establishment of a strong evidentiary basis in criminal cases of this nature. The article puts forward proposals for enhancing criminal legislation in this area.

Keywords: terrorist and extremist crimes, challenges in countering terrorism and extremism, law enforcement personnel, circumstances excluding the criminality of an act

For citation: Nikulenko A.V. Countering terrorism and extremism, and challenges in implementing the institution of circumstances excluding the criminality of an act. *Criminalist*. 2026;1(54):41-49. (In Russ.).

За последние два десятилетия проблема противодействия терроризму и экстремизму не только не утратила своей остроты, но и стала одним из ключевых вызовов для России и всего мирового сообщества. Постоянная эволюция идеологических установок, соединенная с революционным развитием коммуникационных технологий, обеспечивает экстремистским организациям новые инструменты для координации деятельности и информации, вербовки участников, распространения радикальных идей и организации противоправных акций.

В этих условиях совершенно очевидно, что традиционные национальные меры, построенные преимущественно на карательных или профилактических подходах середины XX века, оказываются недостаточно гибкими и эффективными [1, с. 56]. Перед юриспруденцией и судебной практикой стоит задача как создания действенных механизмов нейтрализации угроз, так и формулирования юридических гарантий для защиты прав граждан и добросовестных носителей служебных полномочий.

Особое значение в этом контексте приобретает институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, — как важнейший элемент баланса между защищенностью общества и правовыми рамками оправданного риска. Вопросы его применения, правового закрепления, соответствия международным стандартам, а также анализа судебной практики и законодательных пробелов — предмет настоящего развернутого анализа.

Понимание эволюции терроризма и экстремизма важно как для теоретиков,

так и для практиков. Установлено, что в Российской Федерации экстремистская и террористическая активность в период 2012 — 2024 годов изменяла не только количественные, но и качественные параметры [2]. Новейшие тенденции включают движение акцентов с классической организованной преступности (иерархические группы) к гибридным разрозненным сетям, оперирующим в цифровом пространстве, зачастую не имеющим четко выраженного центра (так называемые «лидерские вакуумы», «одиночные волки»).

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, «современному росту экстремистских и террористических угроз в мире способствует стремительное распространение экстремистской идеологии (включая неонацизм и радикальный национализм), в том числе в информационном пространстве. Некоторые государства используют экстремистские и террористические организации в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей, в том числе за счет вмешательства во внутренние дела других государств в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в этих государствах, нарушения их территориальной целостности или развязывания в них гражданских войн, инициирования „цветных революций“, а также для создания обстановки „контролируемого хаоса“ в отдельных регионах мира.

Реальную угрозу представляет политика некоторых иностранных государств по искажению истории, фальсификации роли СССР во Второй мировой войне и преуменьшению его вклада в победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией, возрождению идей нацизма и фашизма, активизации идей реваншизма, героизации нацистов и их пособников. Деструктивные силы содействуют опасному росту экстремистского и террористического потенциала преступных группировок, разделяющих человеконенавистническую идеологию нацизма и неонацизма. Преступления экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют общественно-политическую и социально-экономическую обстановку как в отдельных регионах России, так и в стране в целом. Отмечается усиление влияния таких преступлений на национальную безопасность.

В число опаснейших проявлений экстремизма входят разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной ненависти, вражды или розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признакам его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“; вовлечение граждан в деятельность экстремистских организаций; подготовка и совершение террористических актов; пропаганда непризнания законов и подзаконных актов, правовых процедур и органов власти Российской Федерации, а также оскорбление государственных символов, религиозных символов традиционных конфессий или надругательство над такими символами» [2].

Например, «Федеральной службой безопасности Российской Федерации совместно с Министерством внутренних дел, Следственным комитетом и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации в 75 регионах России в отношении 325 администраторов и пользователей деструктивных интернет-ресурсов проведены предупредительно-профилактические мероприятия, направленные на недопущение распространения идеологии насилия, массовых убийств и суицида в молодежной среде.

В результате задержаны пять граждан России, причастных к подготовке массовых убийств в городах Донецке, Мариуполе, Красноярске и Орле, а также трое несовершеннолетних жителей Челябинской области, планировавшие совершить теракт на объекте транспортной инфраструктуры.

В адресах их проживания изъяты компоненты для изготовления самодельных взрывных и зажигательных устройств, холодное оружие, планы подготовки вооруженных нападений, нацистская символика и пропагандистские материалы украинских террористических структур.

Наряду с этим пресечена деятельность 59 администраторов каналов и чатов мессенджера „Telegram“, распространявших неонацистскую и террористическую идеологию, в средствах связи которых обнаружены инструкции по ведению диверсионно-террористической деятельности, изготовлению взрывчатых веществ, а также переписка с зарубежными кураторами террористических организаций.

В настоящее время в отношении 9 лиц возбуждены уголовные дела по ч. 1 ст. 30 ч. 2 ст. 205 (приготовление к террористическому акту), ч. 2 ст. 205.5 (участие в деятельности террористической организации), ч. 1 ст. 222.1 (незаконное хранение взрывчатых веществ), ч. 2 ст. 205.2 (публичные призывы к осу-

ществлению террористической деятельности), ч. 2 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) УК России.

Приняты меры профилактики в отношении 258 лиц, попавших под интернет-воздействие модераторов деструктивных идеологий.

Решается вопрос о квалификации противоправной деятельности 58 пропагандистов и сторонников идеологии массовых убийств и суицида» [3].

В ежегодных докладах Генеральной прокуратуры России и МВД России указывается на рост преступлений, совершаемых с использованием Интернета, мессенджеров, анонимных платежных платформ, что крайне затрудняет оперативное реагирование и требует принципиально новых тактик. Так, по данным МВД России, более 70 % разжигающих рознь публикаций размещаются с зарубежных IP, что делает классические следственные запросы малоэффективными.

В этих условиях существенное значение приобретает развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, как особого механизма, позволяющего сотрудникам органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД), спецслужб и даже обычным гражданам действовать на опережение с учетом превалирования общественных интересов над формальным составом правонарушения.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в главе 8 содержит ряд институтов, традиционно относящихся к обстоятельствам, исключающим преступность деяния: необходимая оборона, крайняя необходимость и задержание лица, совершившего преступление. Примечательно, что ни один из названных институтов не был в полной мере адаптирован к современным условиям противодействия организованной преступности, экстремизму и терроризму.

Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет возможность причинения вреда охраняемым законом интересам в процессе исполнения оперативного задания [4], однако российская судебная практика до сих пор сталкивается с проблемой отсутствия прямой корреляции между ОРД и уголовно-правовыми иммунитетами.

В государствах постсоветского пространства (Украина, Казахстан, Беларусь, Литва) институт официальных специальных заданий интегрирован непосредственно в уголовные кодексы. Согласно ст. 43 УК Украины освобождаются от ответственности лица, совершившие преступные деяния в ходе специальной операции против организованной преступности, с ограничениями по тяжести правонарушения и условиям надлежащего исполнения служебных обязанностей [5]. Статья 35 УК Казахстана [6], ст. 38 УК Беларуси [7], ст. 32 УК Литовской Республики [8] содержат аналогичные положения.

В иных правовых порядках (Франция, Германия, Австралия) провокация, оперативная инсценировка и внедрение сотрудников в преступную среду сопровождаются жесткими государственными/парламентскими процедурами надзора и постфактум оценки соразмерности действий служащих [9; 10; 11].

Необходимо отметить, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, предусмотренные ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1

ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание [12].

На основе анализа норм действующего уголовного законодательства представляется возможным разграничить составы преступлений экстремистской направленности по четырем основаниям:

1) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства в области функционирования и деятельности религиозных, общественных объединений и иных организаций (ст. 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

2) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охрану личности человека от незаконных посягательств вследствие ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ);

3) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охрану государственных основ толерантного взаимного сосуществования (ст. 136, 280, 282 УК РФ);

4) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие должное функционирование общественной безопасности и общественного порядка (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

Категоризация уточняется с учетом обстоятельств (мотивов, способа, времени совершения и т. д.), что формируется и подкрепляется статистической отчетностью, судебной практикой.

Исходя из обобщенного анализа решений Верховного Суда Российской Федерации последних лет, в делах по ст. 280–282 УК РФ ключевым становится доказывание следующих аспектов: прямого умысла (намерения) на разжигание ненависти, организацию противоправной деятельности или подрыва общественных институтов; специальной

цели (например, дестабилизация властных полномочий или побуждение к террористической деятельности).

На основании судебных обзоров, не менее 18 % оправдательных приговоров по «экстремистским» статьям связаны именно с отсутствием должного доказывания умысла или специальной цели. Несколько иллюстративных кейсов из материалов Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (2018–2023 гг.):

Дело о высказывании в соцсетях
(ст. 282 УК РФ)

Гражданин Х обвинялся в возбуждении ненависти посредством публикации видеоролика о религиозной группе. Первая судебная инстанция признала его виновным, однако апелляционный суд отменил приговор: установлено, что умысел Х не был направлен на побуждение к насилию, а защита доказала научно-критический характер материала.

Применение нормы о крайней необходимости

В регионе Y сотрудник ЦПЭ внедрился в экстремистскую группу для сбора доказательств и фактически был вынужден участвовать в планировании преступления. После раскрытия операции против него было возбуждено дело по ст. 282.1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества»). Только после пяти экспертиз, а также показаний экспертов ФСБ суд признал наличие обстоятельства, исключающего преступность деяния, крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), и невиновность сотрудника. Однако подобная защита в инстанциях редка, требует значительных ресурсов, что указывает на пробелы процессуально-правовой природы.

Провокация преступления
(ст. 304 УК РФ)

Сотрудник ФСБ, выступавший как агент под прикрытием, был обвинен в превышении должностных полномочий в связи с тем, что спровоцировал

подозреваемого на дачу взятки «сверх» обычной ситуации. Суд первой инстанции приговорил его к наказанию, однако суд кассационной инстанции полностью оправдал оперативного работника, подчеркнув общественную опасность преступления и отсутствие личной заинтересованности.

Российские суды при рассмотрении дел по ст. 282, 205, 213 УК РФ зачастую уделяют недостаточно внимания обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния. Согласно обзорной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020–2023 годы, суды первой инстанции чаще игнорируют позицию по оправданию сотрудников оперативно-разыскных органов и граждан, действующих *bona fide* (по доброй воле для защиты общественных интересов). Вместе с тем на практике есть прецеденты.

Уголовное дело N по внедрению в террористическую группу

Сотрудник полиции принят в сообщество, сообщает о планах атаки, активные действия предпринимает для срыва замыслов террористов. Несмотря на невыполнение всех формальностей по регламенту ОРД, кассационный суд освободил сотрудника от ответственности, квалифицировав его действия как правомерные, совершенные в условиях крайней необходимости.

В Германии прецедентным решением федерального суда (BGHSt 44, 46) по «оперативной провокации» признано допустимым внедрение оперативников в преступные структуры при условии соблюдения пропорциональности вмешательства и последующего контроля со стороны суда [1, с. 56]. Аналогичные решения Европейского суда по правам человека (дело «Раманаускас против Литвы») содержат требование тщательной проверки допустимости методов ОРД и недопустимости «создания преступления» [13, с. 211–215].

В США институт *entrapment* (провокация)¹ широко используется, но всегда сопровождается судебным контролем и анализом прошлого «криминального опыта» цели провокации.

Очевидна необходимость прямой интеграции отдельных институтов ОРД как основания, исключаящего преступность деяния, в главе 8 УК РФ, включения «декларативных» норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в Уголовный кодекс Российской Федерации [14, с. 209–216; 15, с. 5–15; 16, с. 87–92; 17, с. 277–285]. Для успешного осуществления оперативной работы, выявления и задержания виновных, предупреждения и пресечения преступлений, особенно экстремистской направленности, следует законодательно предусмотреть права должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы с целью последующего задержания их участников и изобличения в содеянном, а также разложения и даже ликвидации таких групп. Так, П.В. Агапов предлагает включить в УК РФ ст. 42.1 «Выполнение специального задания по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества» [18, с. 73], против чего выступал профессор В.В. Вандышев, необоснованно, на наш взгляд, полагая, что в указанных случаях может использоваться институт крайней необходимости [19, с. 452–457]. Не менее интересно мнение профессора Г.С. Шкабина: «... само по себе перечисление в оперативно-разыскном законодательстве оперативно-разыскных мероприятий не означает возможности при их про-

¹ *Entrapment* — это правовая защита, когда обвиняемый утверждает, что правоохранительные органы или государственные агенты вынудили его совершить преступление, которое он иначе не совершил бы.

ведении причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, а требует конкретно учесть такую возможность в отраслевых нормативных актах, которые должны предусматривать причинение при определенных обстоятельствах такого вреда» [20, с. 52 – 62].

По нашему мнению, требуются нетрадиционные решительные меры борьбы с преступностью (прежде всего с терроризмом и экстремизмом), такие как «... встречный захват заложников из числа родственников террористов, внесудебное уничтожение наиболее опасных преступников и т. п. Подобная практика уже имеет место, хотя, как правило, остается за пределами теоретического рассмотрения представителями юридической науки» [21, с. 83]. Указанное предложение, несомненно, может быть распространено и успешно использоваться при выявлении и раскрытии преступлений экстремистской направленности и изобличении лиц, виновных в их совершении. Тем более что экстремистские сообщества характеризуются высоким уровнем законспирированности, что не позволяет оказывать предупредительное воздействие без проведения широкого круга оперативно-разыскных мероприятий, в том числе внедрения в таковую организованную группу. Также требует уточнения процессуальная регламентация доказывания элемента «общественной опасности» по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 280 – 282, 205, 213 УК РФ и др.

Остаются нерешенными вопросы судебной практики:

недостаточная мотивация приговоров, поверхностное исследование субъективных признаков состава преступления;

иногда суды неоправданно сужают применение института крайней необходимости, игнорируя специфику оперативно-служебной деятельности;

примеры, связанные с провокацией или инсценировкой, свидетельствуют о необходимости международного обмена опытом между российскими и зарубежными судами, а также обсуждения юридическим сообществом.

Научно-практические предложения:

1) включить в главу 8 УК РФ статью, посвященную обстоятельствам, исключающим преступность деяния при проведении ОРД, концептуально аналогичную зарубежным правовым положениям;

2) разработать судебные разъяснения для апелляционных и кассационных судов относительно оценки правомерности действий сотрудников спецслужб;

3) усилить подготовку судей и следователей по вопросам экстремистских преступлений с учетом современных угроз и международных стандартов;

4) ввести обязательные ведомственные экспертизы по делам, где поднимается вопрос, касающийся обстоятельств, исключающих преступность деяния;

5) разработать методические пособия для оперативников, разъясняющие пределы допустимых действий и ответственность за их превышение.

В условиях сохранения и эскалации террористической и экстремистской активности одним из ключевых факторов успешной борьбы становится совершенствование института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Вызов времени заключается не только в адаптации уголовного законодательства к новым реалиям, но и в формировании устойчивых гарантий для тех, кто действует в интересах общества [22; 23, с. 8 – 14; 24].

Требуется не просто поддерживать актуальность организационных и правовых механизмов противодействия экстремизму и терроризму, но и наполнять их реальным, а не декларативным правовым содержанием [25; 26, с. 36-45]. Только так можно обеспечить подлин-

ную эффективность и справедливость уголовного преследования при обязательном сохранении презумпции невиновности для всех субъектов, в том числе сотрудников правоохранительных органов, действующих *bona fide*.

Список литературы

1. Абдулганеев Р.Р. Противодействие экстремизму в Федеративной Республике Германии и Российской Федерации (теоретические и практические аспекты). Казань : Казан. юрид. ин-т МВД России, 2021. 122 с.
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // ГАРАНТ.РУ : информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/?ysclid=mg6m8r0wrb403761930> (дата обращения: 01.10.2025).
3. ФСБ России пресечена деятельность лиц, причастных к распространению идеологии насилия, массовых убийств и суицида в молодежной среде. 10.10.2025 // Федеральная служба безопасности Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440417%40fsbMessage.html> (дата обращения: 02.10.2025).
4. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. на 1 апр. 2025 г. Ст. 16 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037058> (дата обращения: 01.10.2025).
5. Уголовный кодекс Украины. Харьков, 2011. 259 с.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. 464 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. 474 с.
8. Уголовный кодекс Литовской Республики. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 468 с.
9. Уголовный кодекс Франции. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 280 с.
10. Уголовный кодекс Германии // Россия : Библиотека Пашкова : сайт. URL: <https://constitutions.ru/?p=24969&ysclid=mg6mxrgw5d242316338> (дата обращения: 12.12.2025).
11. Уголовный кодекс Австралии. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 303 с.
12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : текст с изм. и доп. на 28 окт. 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт: URL: <https://www.fsr.ru/document/own/8255/> (дата обращения: 01.10.2025).
13. Дизер О.А. Уголовно-правовые проблемы квалификации действий провокатора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3. С. 211 – 215.
14. Петровский А.В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключющие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне : сб. науч. тр. / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России ; фил. Северо-Кавказ. акад. гос. службы в г. Ставрополе. Москва : [б.и.] ; Ставрополь : Югбланкполиграфия, 2007. С. 209 – 216.
15. Астафьев Ю.В. Уголовно-правовые границы допустимого поведения сотрудников оперативно-розыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства ОРМ // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. С. 5 – 15.
16. Крапива И.И. Соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности и провокация // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 87 – 92.
17. Савинский А.В. Оперативный эксперимент: провокация или правомерное оперативно-розыскное действие // Актуальные проблемы правовой науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Архангельск, 30 октября 2009 г. Вып. 5 / Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М.В. Ломоносова ; отв. ред. Т.Д. Матвеева. Архангельск : Помор. ун-т, 2011. С. 277 – 285.

18. Агапов П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография. Санкт-Петербург : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2011. 190 с.

19. Вандышев В.В. Рецензия на монографию Агапова Павла Валерьевича «Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности» (СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2011) // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1. С. 453 – 457.

20. Шкабин Г.С. Защита представителя государственной власти: проблемы правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия // Уголовное право. 2021. № 9. С. 52 – 62.

21. Корецкий Д.А., Милюков С.Ф. Правда о современной российской преступности и стратегия борьбы с ней // Проблемы уголовной политики, экологии и права : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24 – 25 мая 2010 г. Санкт-Петербург : Искусство, 2010. С. 83 – 98.

22. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Никуленко Андрей Вячеславович. Санкт-Петербург, 2019. 512 с.

23. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 8 – 14.

24. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2023. 480 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

25. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2020. 768 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

26. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 36 – 45.

Информация об авторе

А.В. Никуленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A.V. Nikulenko – Professor at the Department of criminal law, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (law), Professor.

Научная статья
УДК 343.2/7

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ст. 238 УК РФ

Юрий Николаевич ПОЗДНЯКОВ

ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области», Санкт-Петербург, Россия, yury31@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется ситуация, связанная с уголовным преследованием медицинских работников в свете изменения ст. 238 УК РФ. Автором поднимаются вопросы интерпретации терминов «медицинская помощь», «медицинская услуга», приводятся позиции правоприменителей, а также различные мнения о возможности или невозможности уголовного преследования медработников по ст. 238 УК РФ. Анализ судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ, свидетельствует о ее неоднозначности. Выход из данной ситуации видится в издании разъяснений вышестоящим судом или законодателем относительно уголовного преследования на основе действующего законодательства. Предлагается авторское дополнение примечания к ст. 238 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное преследование, ненадлежащая медицинская помощь, декриминализация, медицинский работник, медицинская помощь, медицинская услуга

Для цитирования: Поздняков Ю.Н. Уголовное преследование медицинских работников в свете изменения ст. 238 УК РФ // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 50–57.

Original article

CRIMINAL PROSECUTION OF MEDICAL PROFESSIONALS IN LIGHT OF AMENDMENTS TO ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yury N. POZDNYAKOV

Federal state health institution «The Medical-sanitary unit of the Ministry of Internal Affairs of Saint Petersburg and the Leningrad Region», St. Petersburg, Russia, yury31@gmail.com

Abstract. This article examines the practice of criminal prosecution of medical professionals in light of amendments to Article 238 of the Russian Criminal Code. The author explores the interpretation of the terms «medical care» and «medical service», reviews the positions of law enforcement and judicial authorities, and also analyses divergent scholarly opinions on whether medical professionals can be criminally liable under Article 238. An analysis of judicial practice in cases involving offences under Article 238 reveals significant inconsistency and ambiguity. According to the author, a solution requires higher courts or legislators to provide guidance on criminal prosecution under current legislation. Additionally, the article presents the author's draft amendment to the Note to Article 238 of the Criminal Code.

Keywords: criminal prosecution, substandard medical care, decriminalization, health worker, medical care, medical service

---

© Поздняков Ю.Н., 2026

For citation: Pozdnyakov Yu.N. Criminal prosecution of medical professionals in light of amendments to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Criminalist*. 2026;1(54):50-57. (In Russ.).

В процессе охраны здоровья человека крайне важным является надлежащее оказание медицинской помощи населению Российской Федерации независимо от ее формы, вида, способа финансирования. Ненадлежащее оказание медицинской помощи может повлечь риски уголовного преследования. Вместе с тем уголовным законом предусмотрены как освобождение от уголовной ответственности медицинских работников, так и прекращение уголовного преследования, в том числе при изменении уголовного закона. Изучение современного состояния таких возможностей имеет важное научное и практическое значение, поскольку актуальны, с одной стороны, гуманизация уголовного закона и соблюдение прав сторон уголовного процесса, с другой — единообразие правоприменения в случаях изменения законодательства. Эти аспекты имеют существенное значение в условиях высокой затратности подготовки высококвалифицированных кадров в области медицины и их существенном дефиците.

По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2022 году было зарегистрировано 5747 сообщений о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в 2023 году — 4431, в 2024 году — 3912, по ним возбуждено уголовных дел: в 2022 году — 1880, в 2023 году — 2332, в 2024 году — 2080, из них в последующем направлено в суд: в 2022 году — 175 дел, в 2023 году — 152 дела, в 2024 году — 163 дела [1]. В большинстве случаев преступления данной направленности квалифицировались по ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), ч. 1 ст. 238 УК РФ, ч. 2 ст. 238 УК РФ [2]. На-

ряду с этим в 2024 году отменено 91 постановление о возбуждении уголовного дела (в 2023 году — 56), из них 90 — прокурором (в 2023 году — 55), по результатам рассмотрения 1043 сообщений о преступлениях вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события или состава преступления (в 2023 году — 1370), прекращено 1403 уголовных дела (в 2023 году — 1033), из них по реабилитирующим основаниям — 1392 (в 2023 году — 1019), в связи с истечением срока давности уголовного преследования в отношении установленного лица (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) — 7 уголовных дел в отношении 7 лиц (в 2023 году — 13 дел в отношении 21 лица). Как видно, чаще всего освобождение от уголовной ответственности медицинских работников происходит на этапе предварительного следствия ввиду прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. Переквалификация деяния имеет место в незначительном числе случаев.

Несмотря на введенный Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ¹ в примечании к ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» законодательный запрет: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи», привлечение к уголовной ответственности

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53. Ст. 8524.

медработников остается актуальным. Появление данного примечания в медицинских кругах в целом было воспринято позитивно, что связано прежде всего с тем, что уже есть примеры [3] переквалификации судами действий осужденных по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ на ч. 2 ст. 109 УК РФ или ч. 2 ст. 118 УК РФ, освобождения их от наказания ввиду истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности с возможностью, что крайне важно, возобновления медицинской практики. Норма, изложенная в примечании к ст. 238 УК РФ, имеет обратную силу, устраняет преступность деяния, позволяет пересматривать дела осужденных, улучшая их положение, по приговорам, вынесенным до 8 января 2025 года, т. е. до вступления в силу Федерального закона от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ, однако не дает права на реабилитацию, когда меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены таким законом, исключение составляют случаи вынесения судом постановления на основании п. 1 ч. 3 ст. 125.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Переквалификация на менее тяжкое деяние возможна на этапе предварительного расследования, в суде первой (п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ) и последующих инстанций, когда приговор вступил в законную силу и не обжаловался в кассационном порядке. Но это не означает освобождения от уголовной ответственности.

Следует констатировать, что введение примечания к ст. 238 УК РФ повлекло острые дискуссии в юридическом сообществе относительно возможности или невозможности дальнейшего правоприменения ее в отношении медицинских работников. Так, председатель президиума московской коллегии адвокатов «Аронов и партнеры» Александр Аронов считает, что «не исключается воз-

можность вменения ст. 238 УК РФ работникам, не оказывавшим медицинскую помощь непосредственно, например, руководителям и заведующим отделениями» [4]. Некоторые юристы полагают, что статья может быть применена, если медпомощь оказывается в рамках платных медицинских услуг по договору [5], другие — при оказании помощи за счет средств бюджета и страховых взносов и неприменима при оказании плановой медицинской помощи, оплачиваемой из личных средств [6]. В свою очередь, А. Чупрова считает возможным применение ст. 238 УК РФ, как ч. 1, так и ч. 2, например, за сам факт нарушения алгоритма оказания конкретного вида медицинской помощи (услуги), определенного стандартами, порядками или клиническими рекомендациями, а ответственности подлежат как руководитель медицинской организации независимо от ее организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, оказывающий медицинские услуги, так и сотрудник медицинской организации и лицо, фактически осуществляющее оказание таких услуг [7]. По мнению Н.Т. Идрисова, возможна квалификация преступлений медработников по ст. 238 УК РФ в условиях действующего уголовно-правового запрета [8], что основывается на законодательных положениях и судебных позициях не уголовно-правовой направленности, а само по себе примечание к ст. 238 УК РФ не исключает состав преступления. Н.Е. Крылова и П.П. Степанов на основе анализа законодательства считают, что остается неясным, какие виды и формы медицинской деятельности исключены из сферы действия обсуждаемого примечания и в каком смысле использован термин «медицинская помощь» — узком (система ОМС) или широком (ДМС, платные услуги и др.), в итоге полагают, что решение вопроса о применении рассматриваемой статьи

будет сугубо задачей правоприменителя в условиях отсутствия законодательного разграничения медицинской услуги и медицинской помощи [9].

Приведенное разнообразие мнений юристов свидетельствует об отсутствии единой позиции в части применения ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников с учетом внесенных законодателем изменений.

Обратим внимание, что в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 года 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь — комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг; медицинская услуга — медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение¹. Исходя из приведенных определений, медицинская помощь может включать в себя как одну услугу, так и комплекс услуг. Система обязательного медицинского страхования, добровольное медицинское страхование, платные медицинские услуги, иные виды оплаты являются вариантами ее финансирования. Сама медицинская помощь (ст. 32 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») по видам может быть первичной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой, паллиативной, а по формам — плановой, экстренной, неотложной и оказываться в разных условиях. Уголовный закон в примеча-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 июля 2025 г. Пп. 3, 4 ч. 1 ст. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нии к ст. 238 УК РФ не содержит указания ни на виды и форму медицинской помощи, ни на вариант (форму) ее оплаты, что для целей применения ст. 238 УК РФ, по нашему мнению, никакого значения не имеет. В таком подходе нет противоречий в контексте сферы действия настоящей статьи и использованного в примечании к ней термина «медицинская помощь», необходимо лишь последовательно оперировать утвержденными законодателем терминами и их дефинициями [10].

Вместе с тем единой судебной практики по трактовке примечания к ст. 238 УК РФ и его правоприменению не сформировано, поэтому и судебные решения принимаются разные.

Так, суд кассационной инстанции, отменяя решения предыдущих судов, с учетом изменений к ст. 238 УК РФ мотивировал свое решение тем, что исходно вменяемый врачу-психиатру состав по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ неприменим к медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь. Особенности дела: врач-психиатр по просьбе своей родственницы проконсультировала ее сына по мессенджеру, выявила «тяжелый депрессивный эпизод», рекомендовала прием рецептурных препаратов, однако все закончилось суицидом пациента и уголовным делом по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, поскольку, хотя подсудимая и не была лечащим врачом погибшего, не требовала оплаты своих услуг, однако консультация в мессенджере тоже медицинская помощь, ею не были приняты меры для госпитализации пациента, что и привело к неблагоприятному исходу. Кассационная инстанция прекратила дело по реабилитирующему основанию. По мнению суда, врач не могла предвидеть такой поступок пациента (суицид), процедура недобровольной госпитализации не могла быть инициирована в подобных обстоятельствах и состав преступления в новой редакции

статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи [11].

Ксотовский городской суд Нижегородской области не удовлетворил ходатайство осужденной акушера-гинеколога о прекращении уголовного дела о гибели пациентки от ее неправильных действий, мотивируя тем, что общественно опасное деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, не было декриминализовано законодателем, примечание к ст. 238 УК РФ не устраняет преступность деяния и не исключает, по мнению суда, возможность квалификации действий медицинских работников по иному составу преступления [12]. Следовательно, суд не считает действия медицинских работников подпадающими под условия декриминализации. Здесь отметим, что декриминализация в классическом понимании — процесс исключения деяния из числа преступлений и отмены уголовной ответственности за его совершение, в том числе перевод деяния в категорию менее значительных правонарушений. Уголовный закон не содержит такого понятия, его использование относительно ст. 238 УК РФ считаем некорректным. Между тем он приведен в определении Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении уголовного дела Ш. (врача-хирурга), осужденного по ч. 1 ст. 238 УК РФ: «Изменения, содержащиеся в примечании к ст. 238 УК РФ, декриминализующие преступность и наказуемость действий медицинских работников по оказанию медицинских услуг, введены Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ и подлежали применению с 08.01.2025 г.»¹.

¹ Определение суда кассационной инстанции от 24 июля 2025 г. по делу № 5-УДП25-52-К2 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2477474 (дата обращения: 16.09.2025).

Н.Е. Крылова и П.П. Степанов в своей работе высказывают мнение, что имеет место лишь частичная декриминализация нарушений при оказании медицинской помощи в связи с введением рассматриваемого примечания [9]. Декриминализация подразумевает отсутствие в содеянном составе преступления и противоправности как признака преступления [13].

В Апелляционном определении Ставропольского краевого суда от 23 июля 2025 года ставится под сомнение правомерность изменения прокурором обвинения в отношении анестезиолога-реаниматолога Ч. с п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ на ч. 2 ст. 118 УК РФ в суде первой инстанции на основании примечания к ст. 238 УК РФ, поскольку гособвинитель тем самым признал факт оказания потерпевшей медицинской помощи, в то время как имело место оказание медицинской услуги, поскольку потерпевшая проблем со здоровьем не имела и обратилась лишь для корректировки некоторых особенностей внешности (блефаропластика век), не связанных с состоянием здоровья. По мнению суда апелляционной инстанции, необходимо было решить вопрос о квалификации действий Ч., установив, была ли оказана медицинская помощь (действия, направленные на сохранение жизни и здоровья) или имело место оказание медицинской услуги, необязательной для охраны здоровья, оказываемой медицинскими специалистами на коммерческой основе с использованием медицинских познаний и навыков. Суд тем самым не установил обоснованность заявленного гособвинителем изменения обвинения. Ставропольский краевой суд, руководствуясь положениями ст. 389.13, 389.20, 389.28 УПК РФ, постановление Пятигорского городского суда от 19 мая 2025 года, которым дело прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного

преследования, отменил, дело направил на повторное рассмотрение¹. Отметим, что вменяемые анестезиологу-реаниматологу нарушения в материалах дела базируются на требованиях к медицинской помощи (более 20 нормативно-правовых актов) по профилю «анестезиология и реаниматология», а не требованиях к медицинским услугам по данному профилю. И вновь дело заключается в трактовке терминов.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации приводит обоснование отказа в рассмотрении жалобы относительно возможности переквалификации деяния, совершенного врачом, с ч. 2 ст. 109 УК РФ на ч. 2 ст. 238 УК РФ. Согласно материалам дела, врач-анестезиолог и медсестра-анестезист в результате преступной небрежности допустили дефекты в оказании медицинской помощи, что привело к смерти пациентки, и они были обвинены по ч. 2 ст. 109 УК РФ, но по истечении срока давности уголовного преследования дело прекращено. Заявительница потребовала более строгого наказания — по ч. 2 ст. 238 УК РФ, но суд в требовании отказал, поскольку услуги оказывались не по гражданско-правовому договору и нет прямого умысла в деянии указанных лиц. Посчитав рассматриваемые нормы УК РФ неконституционными, так как они позволяют судам квалифицировать причинение смерти пациенту по неосторожности медицинскими работниками государственных медицинских учреждений, оказывающими медицинскую помощь в рамках обязательного медицинского

¹ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 23 июля 2025 г. по уголовному делу № 22-2816/2025// Ставропольский краевой суд : офиц. сайт. URL: https://kraevoy--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=41501478&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 16.09.2025).

страхования, по более мягкой норме, а деяния медицинских работников коммерческих клиник наказывать строже, потерпевшая подала жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации. Последний разъяснил, что оспариваемые истцом нормы закрепляют разные составы преступлений и должны применяться с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, а потому не могут расцениваться как нарушающие конституционные права².

На расширенном заседании коллегии Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, состоявшемся 19 июня 2025 года, обсуждался вопрос о применении примечания к ст. 238 УК РФ и было высказано мнение, с которым согласилось большинство членов Научно-консультативного совета, что медицинские работники независимо от того, оказывают они медицинскую помощь бесплатно либо на коммерческой основе, не являются субъектами преступления, предусмотренного данной статьей, возможна переквалификация деяния ранее осужденных в порядке применения ст. 10 УК РФ. Однако итоговых разъясняющих документов не было издано, что могло бы устранить разночтения на практике.

Таким образом, из приведенного материала очевидна серьезная проблема различной интерпретации примечания к ст. 238 УК РФ и проистекающая из этого проблема правоприменения, что не способствует формированию единообразной правоприменительной практики, затрагивает существенным обра-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бесединой Ильины Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 109 и пунктом «в» части второй статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 1476-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

зом законные права сторон уголовного процесса.

Решение сложившейся проблемы полярной интерпретации примечания к ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников видим в своевременном разъяснении вышестоящими судами и (или) законодателем правовых позиций для правоприменителей на всех этапах уголовного преследования. Для устранения разногласий предлагаем текст

примечания к ст. 238 УК РФ сформулировать следующим образом: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи (услуги) независимо от ее вида и формы, варианта (формы) ее оплаты». Это будет способствовать устранению правовой неопределенности и формированию единообразной правоприменительной практики.

Список источников

1. Следователи начали возбуждать уголовные дела на медработников по каждой второй жалобе / Лада Шамадрина. 07.11.2024 // Медвестник : ведущий профессиональный портал для врачей и медицинского сообщества. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Sledovateli-nachali-vozbujdat-ugolovnye-dela-na-medrabotnikov-po-kajdoi-vtoroi-jalobe.html> (дата обращения: 17.09.2025).
2. Количество уголовных дел против медработников выросло в 2023 году на 25 % / Татьяна Бескаравайная. 23.05.2024 // Медвестник : ведущий профессиональный портал для врачей и медицинского сообщества. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kolichestvougolovnyh-del-protiv-medrabotnikov-vyroslo-v-2023-godu-na-fone-snijeniya-jalob.html> (дата обращения: 17.09.2025).
3. О первых судебных решениях после отмены применения статьи 238 Уголовного кодекса в отношении медицинских работников. Краткое сообщение / К.Г. Шаповалов, В.И. Горбачев, С.А. Сумин, Р.А. Ярославкин, Е.С. Нетесин // Вестник интенсивной терапии им. А.И. Салтанова. 2025. № 3. С. 213 – 218.
4. Врачам сбили градус уголовной ответственности. Их больше не будут судить по статье об оказании небезопасных услуг / Н. Костарнова. 17.12.2024 // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7382707> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Юристы не видят снижения частоты уголовного преследования медработников за ошибки / Татьяна Бескаравайная. 06.08.2025 // Медвестник : ведущий профессиональный портал для врачей и медицинского сообщества. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Uristy-ne-vidyat-snijeniya-chastoty-ugolovnogo-presledovaniya-medrabotnikov-za-oshibki.html> (дата обращения: 18.09.2025).
6. Эриашвили Н.Д. Актуальные вопросы применения ст. 238 к медицинским работникам // Закон и право. 2025. № 4. С. 265 – 270.
7. В ответе за услугу. Применение статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников // Национальная медицинская палата : сайт. URL: <https://nachmedpalata.ru/?action=show&id=33794> (дата обращения: 16.09.2025).
8. Идрисов Н.Т. К вопросу о прогнозировании социально-правовых последствий новеллизации уголовно-правовых запретов (на примере примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С. 24 – 28.
9. Крылова Н.Е., Степанов П.П. Медицинская помощь больше не услуга? (законодательные и правоприменительные проблемы, связанные с введением примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 8 (180). С. 30 – 41.
10. Дикаев С.У., Поздняков Ю.Н. Понятийный аппарат, используемый при рассмотрении уголовных дел о ненадлежащем оказании медицинской помощи // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 1. С. 139 – 147.
11. Освобождение врачей от уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ: что изменилось, а что осталось. 25 июля 2025 // Национальный аналитико-экспертный центр здравоохра-

нения : сайт. URL: <https://naecz.ru/osvobozhdenie-vrachej-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-post-238-uk-rf-chto-izmenilos-a-chto-ostalost/> (дата обращения: 19.09.2025).

12. В России начали освобождать от наказания осужденных за смерть пациентов врачей / Игорь Надеждин. 20.02.2025 // Право-мед.ру. : информ. портал. URL: http://pravo-med.ru/community/blogs/panov/_2650.php (дата обращения: 19.09.2025).

13. Дорогин Д.А. Декриминализация деяния как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 3-4. С. 354 – 357.

14. Состоялось расширенное заседание Научно-консультативного совета при Верховном Суде России. 23 июня 2025 года // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/34524 (дата обращения: 16.09.2025).

Информация об авторе

Ю.Н. Поздняков – врач анестезиолог-реаниматолог ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области», соискатель кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Information about the author

Y.N. Pozdnyakov – Anaesthesiologist resuscitator Federal state health institution «The Medical-sanitary unit of the Ministry of Internal Affairs of Saint Petersburg and the Leningrad Region», applicant for a degree in criminal law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

Научная статья
УДК 347.9

О НЕОБХОДИМОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Екатерина Владимировна ПУШТОРСКАЯ

*Межрайонная инспекция ФНС России № 11 по Ленинградской области,
Санкт-Петербург, Россия, pushtik@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предъявления гражданского иска к физическому лицу при возмещении вреда, причиненного налоговыми преступлениями. На основании анализа научной литературы, нормативных документов и судебной практики сделан вывод о недостаточности регулирования порядка и условий предъявления гражданского иска при совершении налоговых преступлений. Внесены предложения по наделению налогового органа в случае прекращения уголовного дела либо отказа в возбуждении уголовного дела по основанию п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ при исчерпании всех возможностей взыскания недоимки с налогоплательщика либо иных лиц обязанностью информирования органов прокуратуры о наступлении условий для предъявления гражданского иска.

Ключевые слова: налоговые преступления, гражданский иск, прокурор, налоговый орган, возмещение ущерба

Для цитирования: Пушторская Е.В. О необходимости нормативного регулирования порядка предъявления гражданского иска о возмещении вреда, причиненного налоговыми преступлениями // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 58 – 66.

Original article

THE NEED FOR LEGISLATIVE REGULATION OF THE PROCEDURE FOR FILING A CIVIL CLAIM FOR COMPENSATION OF HARM ARISING FROM TAX OFFENCES

Ekaterina V. PUSHTORSKAYA

*Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 11 for Leningrad region,
St. Petersburg, Russia, pushtik@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the issues of filing a civil claim against a natural person for compensation of harm caused by tax offences. Based on an analysis of scholarly literature, legislation, regulatory legal acts, and judicial practice, the author concludes that there is a regulatory gap concerning the procedure and conditions for filing civil claims in cases of tax offences. The author suggests imposing an obligation to tax authorities to notify the prosecutor's office of circumstances for filing a civil claim when criminal are terminated or not initiated under paragraph 3 of part 1 of Article 24 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation once options for recovering arrears from the taxpayer or other persons have been exhausted.

Keywords: tax crimes, civil claim, prosecutor, tax authority, compensation for damage

---

© Пушторская Е.В., 2026

For citation: Pushtorskaya E.V. The need for legislative regulation of the procedure for filing a civil claim for compensation of harm arising from tax offences. *Criminalist*. 2026;1(54):58-66. (In Russ.).

Порядок предъявления гражданского иска к физическому лицу при совершении налогового преступления, сроки и условия его предъявления как в стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного разбирательства по уголовному делу имеют существенные особенности, отличающие реализацию данного института в уголовном процессе по иным преступлениям.

Согласно ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) гражданский иск от имени государства предъявляет и поддерживает прокурор, при этом в случае причинения имущественного вреда государству преступлениями, предусмотренными ст. 198 — 199.2 УПК РФ, гражданский иск могут также предъявлять налоговые органы, которые, как указывает С.Н. Гладких, «в силу своей публичности не имеют права отказа от иска» [1, с. 118]. При этом налоговый орган признается потерпевшим по уголовному делу, прокурор в процессуальном смысле гражданским истцом не признается [2, с. 88].

Актуальность обязательного возмещения причиненного имущественным интересам государства ущерба в настоящее время не вызывает сомнений. В.А. Козлов отмечает, что «защита экономических интересов государства и прав налогоплательщиков, безотлагательное реагирование на все факты нарушения в сфере налогообложения определены в числе важнейших задач прокуроров при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах» [3, с. 63]. Однако вопросы нормативного регулирования предъявления в делах о налоговых преступлениях гражданского иска — субъ-

ектного состава органов, не только правомочных, но и обязанных предъявлять гражданский иск, контроля за его обязательным предъявлением (в том числе за соблюдением срока давности уголовного преследования), за исчерпанием всех правовых оснований взыскания недоимки с самого налогоплательщика перед предъявлением иска к физическим лицам — так и не нашли своего разрешения в законодательстве и ведомственных нормативных актах.

Проблема, которую в 2012 году обозначил Д.К. Боков, — отсутствие указания в нормах права на соотношение полномочий прокурора и налогового органа по предъявлению гражданского иска в уголовном деле в защиту интересов государства [4, с. 55] — актуальна и в настоящее время, в том числе в отношении налоговых преступлений, составляющих существенную часть преступлений экономической направленности. На необходимость предоставления налоговому органу полномочий по предъявлению гражданского иска и закрепления этого полномочия в законе обращал внимание А.Г. Дык [5, с. 55 — 56].

Позиция о праве налоговых органов предъявлять гражданские иски и о взыскании причиненного налоговыми преступлениями вреда с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений или уголовное преследование которых в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, содержится в судебных актах Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации¹: это допу-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса

скается только в случае невозможности взыскания недоимки с организации-налогоплательщика (которая уже не осуществляет деятельность) либо третьих лиц, на которых возложена обязанность по уплате недоимки в силу закона. Данные условия должны в обязательном порядке соблюдать и налоговые органы, и органы прокуратуры. При этом процедуры взыскания могут занимать несколько лет, ряд процедур подразумевают длительное судебное разбирательство (например, взыскание налоговой недоимки с лица, на которое в ходе либо после окончания выездной проверки переведен бизнес проверяемого налогоплательщика), поэтому на стадии предварительного расследования гражданские иски в настоящее время предъявляются нечасто, условия для предъявления иска наступают либо в судебной стадии, либо после постановления приговора, прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Как справедливо указывает Е.В. Пашкова, разрешить иск по существу может только суд, должностные лица органов предварительного расследования в данном случае выступают в качестве своеобразных посредников между потерпевшим и судом [6, с. 235].

Очень важным является то, что, согласно высказанной судами позиции, виновность физического лица в причинении имущественного вреда должна доказываться в ходе гражданского судопроизводства независимо от факта вынесения обвинительного приговора или прекращения уголовного дела.

Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В целях выявления существующих проблем правоприменения и поиска путей их решения нами исследована практика удовлетворения предъявленных гражданских исков в судебной стадии рассмотрения уголовных дел о налоговых преступлениях.

При анализе 159 приговоров суда за период с 2019 по 2025 год установлено, что органами прокуратуры к подсудимым предъявлялось 130 исков (81,8 % от общего количества приговоров) на сумму 7,79 млрд руб., 72 иска на сумму 3,47 млрд руб. (44,6 % в суммовом выражении) удовлетворены судом. В 58 случаях гражданские иски на сумму 4,32 млрд руб. (55,4 % в суммовом выражении) оставлены без рассмотрения с сохранением права в дальнейшем заявить иск в порядке гражданского судопроизводства, при этом в 40 случаях гражданский иск предъявлен до подтверждения исчерпания либо отсутствия правовых оснований взыскания недоимки с самого налогоплательщика либо иных лиц, отвечающих по его долгам, — отсутствуют доказательства, подтверждающие невозможность удовлетворения требований о возмещении материального ущерба за счет организации¹, в том числе в связи с нахождением организации в процедуре банкротства². Налоговыми органами предъявлено 6 исков на общую сумму 299 млн руб. (3,8 % исков от общего количества приговоров), удовлетворены 2 иска на сумму 65 млн руб. (21,7 % в суммовом выражении), 4 иска на сумму 234 млн руб. (78,3 %) оставлены без рас-

¹ См., напр.: Приговор Дорогомиловского районного суда города Москвы от 24 мая 2023 г. № 1-436/2023 ; Приговор Симоновского районного суда города Москвы от 4 февраля 2025 г. по делу № 1-112/2025. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² См., напр.: Приговор Курганского городского суда Курганской области от 6 июня 2022 г. № 1-63/2022 ; Приговор Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 20 ноября 2024 г. по делу № 1-65/2024. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

смотрения, из них 3 — из-за отсутствия подтверждения исчерпания правовых оснований взыскания ущерба с самого налогоплательщика¹. Основаниями оставления остальных предъявленных прокурором и налоговым органом исков без рассмотрения являлась необходимость проведения дополнительных расчетов, связанных с размером ущерба. По результатам анализа также установлено, что по 23 уголовным делам (14,5 %) с общей суммой ущерба 1,5 млрд руб. гражданские иски не предъявлялись в связи с тем, что организации являются действующими, налоговая недоимка взыскивается налоговыми органами в предусмотренном налоговым законодательством порядке.

При исследовании 144 постановлений суда о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования за период с 2019 по 2025 год установлено, что по 117 уголовным делам (ущерб в размере 6,56 млрд руб.) предъявленный прокурором гражданский иск удовлетворен в 5 случаях, 112 исков оставлены без рассмотрения с сохранением права на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства. Налоговыми органами иски заявлялись по 13 уголовным делам на общую сумму 2,3 млрд руб., все гражданские иски оставлены без рассмотрения с указанием на право обратиться с соответствующим исковым заявлением в рамках гражданского судопроизводства. Это свидетельствует о низкой эффективности заявления налоговыми органами гражданских исков в судебной стадии при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования

¹ См., напр.: Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 5 марта 2020 г. № 1-12/2020 ; Приговор Октябрьского районного суда города Санкт-Петербурга от 16 апреля 2021 г. по делу № 1-6/2021, 1-445/2019. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

и связано с преждевременностью их заявления до исчерпания всех правовых оснований взыскания недоимки с самой организации.

По результатам анализа заявленных в порядке гражданского судопроизводства 313 исков прокурора и налогового органа установлена более высокая эффективность предъявления гражданских исков прокурором — удовлетворено 84 % заявленных требований, при предъявлении исков налоговым органом удовлетворено 52 % требований [7, с. 75].

И органы прокуратуры, и налоговые органы иницируют взыскание ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, как в ходе уголовного процесса, так и в порядке гражданского судопроизводства, что подтверждает и судебная практика. Так, заявленный налоговым органом гражданский иск в сумме 952 млн руб. удовлетворен судом в уголовном процессе, в порядке гражданского судопроизводства исковые требования налогового органа в сумме 1,03 млрд руб.² также поддержаны судом. Заявленный прокурором гражданский иск удовлетворен судом при вынесении обвинительного приговора в сумме 1,2 млрд руб., в порядке гражданского производства прокурор добился взыскания ущерба в размере 735 млн руб.³ Тем не менее встречаются ситуации отказа в удовлетворении заявленных требований. Например, до подтверждения исчерпания всех правовых оснований взыскания недоимки с налогоплательщика гражданские иски

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 июня 2020 г. № 33-4641/2020 по делу № 2-1244/2019 ; Постановление Люберецкого городского суда Московской области от 5 мая 2023 г. по делу № 1-15/2022, 1-907/2021. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Решение Моршанского районного суда Тамбовской области от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-1014/2020 ; Приговор Петроградского районного суда города Санкт-Петербурга от 5 марта 2024 г. по делу № 1-62/2024. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

в уголовном процессе предъявлялись и прокурором¹, и налоговым органом², иски оставлены судами без рассмотрения. В ряде случаев ошибки допускались и судами, в связи с чем вышестоящими инстанциями приговор в части гражданского иска отменялся, гражданский иск направлялся на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства³, чем нарушался принцип процессуальной экономии, в котором проявляется особенность гражданского иска в уголовном процессе [8, с. 60 – 61]. Кроме того, не была достигнута цель экономии бюджетных средств, выражающейся в снижении расходов ведомств на подготовку позиции и представление интересов в гражданском процессе.

Поясним, почему совершенствование нормативного регулирования вопросов, касающихся условий предъявления гражданского иска, сроков выполнения условия по исчерпанию правовых оснований взыскания недоимки сначала с налогоплательщика и связанных с ним лиц, обязанности предъявления гражданского иска, обязанного субъекта, является столь важным и необходимым.

При осуществлении физическими лицами предпринимательской деятельности путем создания не обладающего имуществом юридического лица, кото-

рое не уплачивает налоги и в дальнейшем исключается из ЕГРЮЛ, данные бенефициары находятся в неравных условиях с теми, кто выбрал форму организации предпринимательства в виде регистрации в качестве индивидуального предпринимателя либо получает доходы как самозанятый, так как при таких формах организации деятельности, направленной на извлечение дохода, физические лица непосредственно несут уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, а по своим обязательствам отвечают всем принадлежащим им имуществом. Недобросовестные налогоплательщики зачастую стараются уклониться от возмещения ущерба бюджету, не наделяя при создании и в период деятельности юридическое лицо какими-либо активами, поэтому реализация такого исключительного средства защиты интересов бюджета, как взыскание с совершившего налоговое преступление лица суммы причиненного ущерба, требует особого внимания, ведь в ряде случаев, а об этом свидетельствует проведенный анализ судебной практики с суммой ущерба по изученным делам в размере более 29,4 млрд руб., сопоставимой с бюджетом Республики Алтай за 2023 год, это действительно единственно возможный способ возместить ущерб, причиненный бюджету.

Ранее нами указывалось на необходимость в целях возмещения причиненного налоговым преступлением ущерба предъявлять гражданский иск и в случае отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования [7, с. 76 – 77], что поддерживается и судами⁴. В связи с длительными сроками прове-

¹ См., напр.: Приговор Симоновского районного суда (город Москва) от 4 февраля 2025 г. по делу № 1-112/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.08.2025).

² См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июня 2024 г. по делу № 10-6677/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Приговор Лефортовского районного суда города Москвы от 22 декабря 2022 г. № 1-508/2022 и Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2023 г. № 77-4017/2023 ; Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 7 ноября 2022 г. ; Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 19 января 2023 г. по делу № 22-137/2023. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ См., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2024 г. по делу № 88-11694/2024 ; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 мая 2024 г. по делу № 88-10217/2024. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

дения налоговой проверки, двухмесячным сроком составления акта проверки, предусмотренными налоговым законодательством сроками для представления возражений и рассмотрения материалов проверки при обжаловании актов и решений налогового органа вероятность отказа в возбуждении уголовного дела при направлении налоговым органом материалов проверки в следственные органы по основанию истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности весьма высока. Это констатируют и ученые, исследовавшие применение оснований освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления [9, с. 5; 10, с. 73]. Согласно данным отчета по форме 4-ЕГС, за пятилетний период, с 2018 по 2022 год, вынесено 2032 решения об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, что составляет более 7 % от зарегистрированных за этот период сообщений о налоговых преступлениях (27 812 преступлений)¹.

Особенность института гражданского иска в сфере противодействия налоговой преступности заключается в том, что прокурор в соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ обязан предъявлять гражданский иск при неуплате налоговой недоимки и возбуждении уголовного дела, Инструкция об организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями (пп. 17, 20, 21)² также содержит

¹ Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 24.03.2025).

² Инструкция по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями : утв. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, Следственного комитета Российской Федерации от 8 июня 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положения о предъявлении прокурором гражданского иска в соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Налоговые органы могут предъявлять гражданские иски к физическим лицам, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, вызвавших эти недоимки, или уголовное преследование которых в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям. Данные полномочия содержатся в ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации и ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, однако обязанность предъявления иска налоговым органом, сроки и условия его предъявления, порядок контроля органами прокуратуры за предъявлением налоговым органом такого иска после исчерпания правовых оснований взыскания налоговой недоимки с организации нормативно не урегулированы.

Из анализа судебных актов, и приговоров, и постановлений суда о прекращении уголовного дела, следует, что если иск прокурора оставлен без рассмотрения, он, как правило, предъявлен до исчерпания всех возможных мер взыскания, например идет процедура банкротства, организация является действующей, что свидетельствует о том, что прокурор поступает в соответствии с законом, исполняя свою обязанность по заявлению иска. Прокурору не всегда известно о том, что организация является действующей и меры по взысканию недоимки не исчерпаны (и не должно быть известно, так как у налогового органа нет обязанности информировать органы прокуратуры о ходе взыскания недоимки с налогоплательщика и иных лиц, с которых взыскание возможно в силу закона, либо о том, что организация действующая). Налоговый орган, не обязанный предъявлять иск, напротив, предъявляет иск преждевременно,

в ряде случаев не соблюдая приведенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 года № 39-П рекомендации, в связи с чем суды закономерно оставляют иски без рассмотрения. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что высказанной высшими судами позиции для эффективной реализации института гражданского иска по делам о налоговых преступлениях недостаточно.

Полагаем, что наделение налоговых органов обязанностью после исчерпания всех правовых оснований взыскания недоимки с налогоплательщика в установленный срок сообщать о необходимости предъявления прокурором гражданского иска в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и при отказе в возбуждении уголовного дела по таким основаниям исключит случаи предъявления иска до исчерпания правовых оснований (что закономерно влечет оставление иска без рассмотрения, пропуск сроков исковой давности), повысит эффективность взаимодействия прокурора и налогового органа в целях принуждения совершившего налоговое преступление лица к обязательному возмещению ущерба.

О более эффективном предъявлении иска прокурором в случае прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности как на судебной стадии, так и в порядке гражданского судопроизводства (когда налоговым органом до прекращения уголовного дела иск не заявлялся по той причине, что не исчерпаны правовые основания), свидетельствует удовлетворение в гражданском процессе 80 % всех проанализированных исков, предъявленных прокурором, тогда как при заявлении их налоговым органом в аналогичных условиях судами удовлетворена лишь треть исков.

В основу распределения обязанностей по предъявлению исков при совершении именно налоговых преступлений полагаем целесообразным положить момент исчерпания налоговым органом правовых оснований взыскания недоимки с налогоплательщика и третьих лиц и его документального подтверждения, по достижении которого налоговый орган получает право предъявить иск к физическому лицу, и существующую в указанный момент стадию уголовного судопроизводства.

Целиком поддерживая позицию ученых о необходимости наделения государственного органа, контролирующего сферу общественных отношений, которым преступлением причиняется материальный ущерб, правом предъявления гражданского иска по уголовным делам в защиту интересов государства, наряду с ранее внесенными нами предложениями об указании в ст. 44 УПК РФ правомочий налогового органа предъявить гражданский иск при совершении предусмотренных ст. 198 – 199.2 УК РФ преступлений [7, с. 75] с учетом тенденции по их дифференциации и с учетом особых условий предъявления такого иска, отличных от случаев причинения вреда иными преступными посягательствами, в рамках нашего исследования выскажем позицию об обязательном нормативном регулировании порядка, сроков предъявления иска при совершении налоговых преступлений, вменения таких правомочий в обязанность налоговых органов, что предлагается предусмотреть путем дополнения раздела 3 (пп. 17 и 19) и раздела 4 (пп. 21 и 24) вышеуказанной Инструкции положением об обязанности налогового органа после установления окончательной суммы налоговой задолженности и невозмещении ущерба при наступлении условий для предъявления иска – исчерпании правовых оснований для применения

предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или третьих лиц — предъявлять гражданский иск на стадии предварительного расследования, в судебной стадии либо после постановления приговора. В случае, если на момент исчерпания вышеуказанных правовых оснований уголовное дело в отношении налогоплательщика прекращено по нереабилитирующим основаниям либо следственным органом отказано в возбуждении уголовного дела по основанию, изложенному в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, налоговым органом в срок не позднее десятого числа месяца, следующего за истекшим кварталом, в котором получены документы, подтверждающие исчерпание либо отсутствие таких оснований, информируются о данных фактах органы прокуратуры для решения вопроса о предъявлении гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Наделение прокурора, на первый взгляд, дополнительными обязанностями в сфере противодействия налоговой преступности тем не менее имеет очень существенное значение для обеспечения имущественных интересов государства. Как справедливо указывают ученые, у прокурора больше возможностей для отстаивания имущественных интересов государства, потерпевшего от преступле-

ния [4, с. 126]. Вносимые предложения минимизируют случаи пропуска сроков исковой давности, игнорирования налоговыми органами своих обязанностей по неукоснительному применению всех возможных мер взыскания налоговой задолженности с налогоплательщика и взаимозависимых лиц, после исчерпания которых данные обстоятельства сообщаются прокурору, контролирующему и меры, и сроки их реализации, в дальнейшем уполномоченному доказывать в гражданском суде материально-правовые основания виновности конкретного лица в причинении вреда. В указанных целях прокурором при подготовке гражданского иска истребуются из налоговых органов и следственных органов документы, подтверждающие предмет, основание иска, установленные налоговыми и следственными органами материально-правовые основания виновности конкретного лица в причинении вреда, а также документы, подтверждающие невозможность взыскания налоговой задолженности с организации-налогоплательщика либо с лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам, для законного и обоснованного предъявления гражданского иска и его удовлетворения судом в целях обеспечения неотвратимости возмещения причиненного налоговыми преступлениями ущерба бюджетной системе Российской Федерации.

Список источников

1. Гладких С.Н. Проблемы расследования налоговых преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Гладких Сергей Николаевич. Москва, 2006. 179 с.
2. Баркалова Е.В. Актуальные вопросы наложения ареста на имущество и предъявления иска о возмещении ущерба по уголовным делам о налоговых преступлениях // КриминалистЪ. 2022. № 3 (40). С. 84–91.
3. Козлов В.А. Состояние и перспективы развития национальной системы противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4 (102). С. 63–69.
4. Боков Д.К. Гражданский иск прокурора в уголовном процессе в защиту интересов государства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Боков Дмитрий Константинович. Москва, 2012. 202 с.

5. Дык А.Г. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Дык Александр Геннадьевич. Смоленск, 2007. 247 с.
6. Пашкова Е.В. О необходимости судебной модели института гражданского иска в уголовном процессе // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 235–238.
7. Пушторская Е.В. О некоторых вопросах предъявления гражданского иска при совершении налоговых преступлений // Правда и закон. 2024. № 3 (29). С. 71–79.
8. Тигранян А.Р. Гражданский иск в уголовном процессе как альтернатива субсидиарной ответственности в банкротстве // Юрист. 2020. № 10. С. 57–62.
9. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Практика освобождения от уголовной ответственности по делам о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2017. № 5. С. 4–12.
10. Баркалова Е.В. Лысенков Т.А. Типичные нарушения УПК на досудебных стадиях производства по делам о налоговых преступлениях // Уголовный процесс. 2021. № 4 (196). С. 70–80.

Информация об авторе

Е.В. Пушторская – заместитель начальника Межрайонной инспекции ФНС России № 11 по Ленинградской области.

Information about the author

E.V. Pushtorskaya – Deputy Head of the Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 11 for Leningrad region.

Научная статья
УДК 343.3/7

**НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 282.4 УК РФ, В ПАРАДИГМЕ ОХРАНЫ
РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Карина Олеговна РУСИНОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, karina_ru@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется проблема установления непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, в контексте утверждения традиционных российских духовно-нравственных ценностей как стратегического приоритета государственной политики. Анализируются существующие подходы, обосновывается авторская позиция, согласно которой непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения по охране личности, общества и государства от распространения и негативного влияния нацистской, экстремистской и иной запрещенной идеологии.

Ключевые слова: экстремизм, нацизм, объект преступления, символика, атрибутика, ценности, национальная безопасность

Для цитирования: Русина К.О. Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, в парадигме охраны российских духовно-нравственных ценностей // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 67–74.

Original article

**THE DIRECT OBJECT OF THE CRIME UNDER ARTICLE 282.4
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
A PARADIGM OF SAFEGUARDING TRADITIONAL
RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES**

Karina O. RUSINOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, karina_ru@mail.ru

Abstract. The article explores the issue of determining the direct object of the crime provided for by Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation within the context of establishing traditional Russian spiritual and moral values as a key focus of state policy. Various scholarly perspectives are reviewed. The author argues that the direct object of this crime involves the social relations aimed at protecting the individuals, society, and the state from the dissemination and harmful impact of Nazi, extremist, and other prohibited ideologies.

Keywords: extremism, Nazism, object of crime, symbols, attributes, values, national security

For citation: Rusinova K.O. The direct object of the crime under Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: A paradigm of safeguarding traditional Russian spiritual and moral values. Criminalist. 2026;1(54):67-74. (In Russ.).

© Русина К.О., 2026

Современная парадигма уголовно-правовой охраны в Российской Федерации претерпевает кардинальный пересмотр в контексте курса на утверждение традиционных духовно-нравственных ценностей и сохранение национальной идентичности как стратегического ориентира государственной политики. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно отмечал, что «совершенствование госполитики в области защиты традиционных ценностей крайне важно»¹, аргументируя это тем, что «если мы не будем опираться на наши традиционные ценности, нас просто не будет. Россия утратит свою идентичность. Это с точки зрения будущего страны в высшей степени опасно... я... начал об этом говорить... чтобы воспрепятствовать развалу российской государственности изнутри»².

Данные положения нашли отражение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы³, Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года⁴, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации⁵, Основах

государственной языковой политики Российской Федерации⁶, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года⁷ и других документах.

Имплементация данных стратегических установок обусловила последовательную адаптацию уголовного законодательства, направленную на охрану традиционных духовно-нравственных ценностей (далее также – традиционные ценности). К числу соответствующих законодательных изменений относится ст. 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), введенная в действие Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ⁸ и устанавливающая ответственность за неоднократные пропаганду и публичную демонстрацию нацистской, экстремистской символики или атрибутики.

Вместе с тем легитимация традиционных ценностей в качестве основы государственной политики и их внедрение в уголовно-правовое поле сталкиваются с серьезным теоретическим препятствием. Речь идет о конституционном запрете на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной (ст. 13 Конституции Российской Федерации).

¹ Путин: уважение к истории и верность своим корням важны для гражданина России. 10.06.2025, 18:52 // Вести.RU : сайт. URL: <https://www.vesti.ru/article/4543673?ysclid=mhyjyo1w wf365552008> (дата обращения: 14.11.2025).

² Путин заявил о важности традиционных ценностей для сохранения государственности // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1031291> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы : утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г.

№ 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Основы государственной языковой политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : утв. Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевым в данном вопросе является содержание термина «идеология». В классическом понимании идеология — это «система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики (классов, наций, политических партий) и выступает формой санкционирования либо существующего господства и власти (консервативные идеологии), либо их радикального преобразования» [1, с. 81].

В свете этого преодоление обозначенной проблемы, на наш взгляд, видится в последовательном установлении места института традиционных ценностей в системе объектов уголовно-правовой охраны и выявлении их функционального назначения в контексте стратегических ориентиров уголовно-правовой политики государства.

Наиболее соответствующей для установления этого функционального назначения представляется точка зрения Ф.В. Чиркова, который полагает, что «идея традиционных ценностей возникла в отечественном политико-правовом пространстве не в связи с формированием каких-либо официальных рамок, ограничивающих идеологическое многообразие, а в связи с темой безопасности» [2, с. 35].

Действительно, защита традиционных ценностей как одно из условий обеспечения национальной безопасности России на протяжении длительного времени получала нормативное закрепление в документах стратегического планирования государства, таких как Стратегии национальной безопасности 2015, 2021 годов¹, а также в Основах госу-

дарственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей². В тексте указанных актов подчеркивается связь между традиционными ценностями и национальной безопасностью, что раскрывает их функциональное назначение, и приводится их легальное определение.³

Таким образом, категория безопасности формирует легитимный правовой контекст, позволяющий инкорпорировать традиционные ценности в правовое поле, не нарушая конституционный запрет на государственную идеологию. В данном контексте традиционные ценности выступают в качестве своеобразного «идеологического рубежа безопасности» [2, с. 36], чья охрана обусловлена не предпочтением одной идеологии другой, а необходимостью обеспечения фундаментальных основ национальной безопасности и суверенитета.

Эмпирические исследования подтверждают эту тенденцию. Как свидетельствуют данные, полученные Ф.В. Чирковым по результатам социологического опроса 213 специалистов в области теории государства и права, конституционного и уголовного права с использованием методики закрытых вопросов, 78 % опрошенных указывают на связь «между нормативным утверж-

---

2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Нормативный перечень таких ценностей включает жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России.

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от

дением традиционных российских духовно-нравственных ценностей и политикой национальной безопасности страны» [2, с. 36, 444].

Обозначенное функциональное назначение актуализирует не менее значимый с научной точки зрения вопрос о том, могут ли традиционные ценности, участвуя в трансформации уголовно-правовой политики, сами по себе быть объектом уголовно-правовой охраны.

Аксиологический подход к интерпретации объектов уголовно-правовой охраны исключает возможность признания традиционных ценностей в их непосредственном бытии. Будучи аксиологическими ориентирами, не обладая самостоятельным юридическим статусом конкретного правового блага, они тем не менее формируют содержательное наполнение социально значимых интересов, в особенности тех, которые связаны с идеологической безопасностью, культурной идентичностью, сохранением исторической памяти, нравственностью [2, с. 19 – 20, 253 – 254].

Таким образом, именно система социальных ценностей определяет иерархию и выбор тех общественных отношений, которые подлежат уголовно-правовой охране, выступая фундаментом для содержательного наполнения объекта.

Изложенная концепция локализации традиционных ценностей в системе уголовно-правовой политики и их соотношения с объектом уголовно-правовой охраны получает наглядное подтверждение при обращении к системной иерархии объектов на примере ст. 282.4 УК РФ¹.

Так, общий объект охватывает всю совокупность охраняемых уголовным

законом общественных отношений, отражая тем самым стратегические приоритеты государства, которые, как было показано выше, сегодня включают и блок традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Месторасположение нормы в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти» позволяет определить родовый объект данного состава преступления как общественные отношения, обеспечивающие стабильное существование государства.

Далее систематизация глав Особенной части УК РФ подводит нас к определению видового объекта, который, исходя из положения в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», представляет собой комплекс общественных отношений по обеспечению национальной безопасности в ее широком понимании, включая, помимо государственной безопасности, охрану основ конституционного строя, а также национальные приоритеты, в том числе защиту традиционных духовно-нравственных ценностей².

Верным представляется мнение Е.Ю. Пудовочкина и О.Г. Румянцева, рассматривающих охрану конституционного строя как неотъемлемый элемент государственной безопасности [4, с. 21; 5, с. 22]. Вместе с тем мы придерживаемся мнения, что национальная безопасность понятие более широкое. Данным понятием охватывается государственная безопасность, а также качество жизни, духовно-нравственное и физическое здоровье нации, ее способность к самосохранению и прогрессу в изменяющемся мире [6, с. 41]. Таким образом, видовой объект преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, образуют обще-

¹ В рамках настоящего исследования принимается классическая теоретическая позиция, определяющая объект преступления как охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые направлено преступное посягательство, выражающееся в причинении или угрозе причинения вреда [3, с. 8].

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. П. 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственные отношения по обеспечению национальной безопасности, которые в современной интерпретации включают отношения по охране традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Дальнейшее последовательное вычленение объектов в их системной иерархии требует установления непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ. Однако ввиду относительной новизны анализируемой нормы и отсутствия комплексных доктринальных исследований в уголовно-правовой науке не сформировалось единообразное понимание содержания непосредственного объекта исследуемого преступления. Существующие в научной литературе подходы к определению непосредственного объекта данного преступления демонстрируют значительные концептуальные различия: от узкого понимания — как общественные отношения, связанные с реализацией установленного на уровне федерального законодательства запрета на демонстрацию нацистских, экстремистских и иных запрещенных символов, знаков и прочих атрибутов [7, с. 175; 8, с. 328; 9, с. 439–440], до расширительной трактовки — как общественные отношения по поводу обеспечения состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера, включая историческую память о жертвах, понесенных в период Великой Отечественной войны [10, с. 571]. Встречается также позиция, согласно которой непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану идеологических основ государства [11, с. 947].

Представленные интерпретации отражают отдельные аспекты охраняемых законом общественных отношений. Однако, по нашему мнению, сведение непосредственного объекта к пассивной

обязанности воздерживаться от определенных действий обедняет его социально-правовую сущность. Избыточно широкая трактовка через общую концепцию противодействия экстремизму также представляется методологически уязвимой и приводит к непреодолимым трудностям в отграничении данного состава от смежных преступлений экстремистской направленности.

Позиция группы авторов, выделяющих охрану идеологических основ государства, на наш взгляд, является более перспективной, предлагающей новый подход к разрешению проблемы непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, хотя и требует определенной корректировки. В условиях конституционного принципа идеологического многообразия (ст. 13 Конституции Российской Федерации) более правильным представляется говорить не о государственной идеологии, а о конституционной системе ценностей, формирующих нормативно-ценностный фундамент общественных отношений в современной России.

Как справедливо отмечает известный конституционалист С.А. Авакьян, Основной закон государства не только закрепляет систему ключевых ценностей, но и нацеливает на формирование у каждого члена общества на ее основе соответствующих взглядов [12, с. 15].

В этом контексте принцип идеологического многообразия занимает особое положение. Данный принцип обладает сложной правовой природой, поскольку базируется на реализации таких субъективных прав, как право на свободу мысли, слова и убеждений (ст. 29 Конституции Российской Федерации), свободу совести (ст. 28 Конституции Российской Федерации), свободу творчества (ст. 44 Конституции Российской Федерации). Эти права создают основу для свободного развития личности, формирования ее убеждений и взглядов, т. е. лежат в ос-

нове индивидуального и общественного мировоззрения.

Конституционный запрет на установление обязательной идеологии (ст. 13 Конституции Российской Федерации) не отменяет право государства на защиту правового поля от деструктивных доктрин. Ключевым основанием для такой защиты выступает злоупотребление правом на идеологическое многообразие, которое, выражаясь в навязывании враждебных ценностей, провоцирует структурную деформацию общественной жизни. Наиболее опасной формой этого злоупотребления выступает экстремизм, который, будучи многомерным социально-политическим явлением, представляет собой деятельность, осуществляемую посредством идеологического обоснования и практической реализации нелегитимного насилия, пропаганды вражды на политической, этнической, национальной, социальной и религиозной почве. Именно эта прямая связь между распространением экстремистских идеологий и дестабилизацией общества — уровнем социальной напряженности, динамикой протестной активности и склонностью к использованию негативных практик в общественно-политической сфере [13, с. 225] — оправдывает установление уголовно-правовых запретов.

При этом в правовом поле уже давно применяется понятие идеологии экстремизма, под которой в самом общем виде подразумевают «систему взглядов, идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов» [14, с. 89].

Термин «деструктивная идеология» официально введен в российское правовое поле с утверждением Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных россий-

ских духовно-нравственных ценностей. Так, под деструктивной идеологией в Основах понимается идеологическое и психологическое воздействие на граждан, которое ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (п. 14).

Следовательно, в контексте ст. 282.4 УК РФ символика и атрибутика, подпадающие под правовой запрет, выступают носителями деструктивного идеологического содержания — деструктивной информации. Их правовой статус произведен от характера транслируемой ими идеологии. Посягательство на объект уголовно-правовой охраны осуществляется именно через использование данных орудий (средств) совершения преступления.

Согласно результатам анкетирования 139 специалистов в области уголовного права¹, проведенного автором в период с 2024 по 2025 год с соблюдением требований репрезентативности, 46,7 % респондентов констатируют значительное усиление распространения запрещенных идеологий (30,2 % отмечают общий рост, 16,5 % — значительное увеличение), что подтверждает актуальность рассматриваемой проблемы. При этом лишь 8,6 % опрошенных наблюдают уменьшение подобных проявлений (5 % — существенное снижение, 3,6 % — незначительное сокращение), а 16,5 %

¹ Работники органов прокуратуры, прошедшие повышение квалификации в рамках плана набора слушателей в Университет прокуратуры Российской Федерации.

затруднились оценить текущую ситуацию, что может свидетельствовать либо о недостаточной информированности, либо о сложности объективной оценки происходящих процессов.

Кроме того, 69,1 % респондентов считают, что распространение деструктивных идеологий может привести к разрушению принятых в обществе ценностей, 56,1 % – нарушению прав и свобод человека и гражданина, 41 % – утрате доверия к органам государственной власти, 71,2 % видят угрозу безопасности государства.

Наглядно иллюстрирует приведенные выводы классификация организаций, включенных в соответствующие перечни Министерства юстиции Российской Федерации¹, как нацистские, экстремистские, позволяя выявить, что каждая из них посягает на конкретное фундаментальное правовое благо, производное от традиционных ценностей.

Например, движение ЛГБТ², пропагандируя свою идеологию, подрывает такие традиционные ценности, как институт семьи и духовно-нравственное здоровье нации; религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России»³ и входящие в ее

¹ Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения 07.12.2024) ; Перечень организаций, предусмотренных статьей 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций // Министерство юстиции Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/7825/> (дата обращения: 07.12.2024).

² Признано экстремистским по решению Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г.

³ Признана экстремистской по решению Верховного Суда Российской Федерации от

структуру местные религиозные организации и иные посягают на благо общественной безопасности и гражданской идентичности, противопоставляя ее религиозной. Иные националистические организации направляют свою деятельность против благ межнационального и межконфессионального мира, исторической памяти и т. д.

В данном ключе правильной представляется мнение Ф.В. Чиркова о соблюдении баланса путем «точечного воздействия» на информацию, обладающую «разрушительным воздействием и признанную недопустимой со стороны любых действующих в конституционно-правовом поле страны идеологических течений» [2, с. 316 – 317].

С учетом вышеизложенного непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, следует считать общественные отношения, охраняющие личность, общество и государство от распространения и негативного влияния нацистской, экстремистской и иной деструктивной идеологии.

В завершение следует отметить, что нацистская, экстремистская символика и атрибутика, выполняющие роль средства совершения преступления, не включены в структуру непосредственного объекта ввиду того, что их применение имплицитно вытекает из законодательной конструкции состава, описанного в диспозиции частей ст. 282.4 УК РФ. Одним из ключевых критериев отграничения анализируемого состава от смежных деяний служит совокупность признаков, определяющих реализацию его объективной стороны. Неоднократность также не подлежит включению в непосредственный объект уголовно-правовой охраны ст. 282.4 УК РФ, поскольку выступает лишь в качестве характеристики определенного правового статуса субъекта.

20 апреля 2017 г. (Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2017 г. № АПЛ 17-216. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Список источников

1. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин [и др.]. Москва : Мысль, 2001. 634, [2] с.
2. Чирков Ф.В. Теоретические основы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ... д-ра юрид. наук / Чирков Филипп Викторович. Краснодар, 2025. 454 с.
3. Попов А.Н., Аистова Л.С. Объект преступления : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. 40 с.
4. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства : [науч.-практ. коммент. : пособие]. Москва : Юрлитинформ, 2008. 330, [2] с.
5. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. Москва : Юрист, 1994. 288 с.
6. Юсупов Р.Г., Тимербулатов Т.А. Соотношение понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» в праве. Место ФСБ России в обеспечении государственной безопасности // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 39 – 51.
7. Волков А.С., Швыркин И.А. Нормативное закрепление признаков составов преступлений, определенных положениями гл. 29 УК РФ // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 175 – 178.
8. Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 282.4 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Евразийский юридический журнал. 2024. № 6 (193). С. 327 – 331.
9. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Н.А. Горшкова, Т.А. Зезюлина, С.А. Пичугин [и др.]. Москва : ИНФРА-М, 2024. 642 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. Т. 1 / П.В. Агапов, Д.А. Безбородов, Я.Ю. Васильева [и др.]. Москва : Проспект, 2024. 528 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая и Особенная части / И.Я. Козаченко, Т.Р. Сабитов, М.Н. Косарев [и др.]. Москва : Проспект, 2024. 1216 с.
12. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва : РЮИД, 2000. 528 с.
13. Найденко В.Н. Разновидности экстремизма и их влияние на социально-политическую жизнь России // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 225 – 244.
14. Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 88 – 93.

Информация об авторе

К.О. Русинова – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

K.O. Rusinova – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.9

ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 207.3 УК РФ

Елена Васильевна СИДОРЕНКО

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, es195@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы криминалистической характеристики преступления, связанного с публичным распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: объект преступления, субъект преступления, способ совершения преступления, место и обстоятельства совершения преступления

Для цитирования: Сидоренко Е.В. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 75 – 83.

Original article

PROBLEMATIC ISSUES IN THE INVESTIGATION OF OFFENCES UNDER ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN

Elena V. SIDORENKO

North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, St. Petersburg, Russia, es195@yandex.ru

Abstract. The article examines the forensic characteristics of a crime related to the public dissemination of knowingly false information concerning the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the exercise of powers by state authorities of the Russian Federation, and the provision of assistance by volunteer formations, organizations, or individuals in carrying out tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation or the troops of the National Guard of the Russian Federation.

Keywords: object of the crime, subject of the crime, the way of committing the crime, place and circumstances of committing the crime

For citation: Sidorenko E.V. Problematic issues in the investigation of offences under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Criminalist. 2026;1(54):75-83. (In Russ.).

Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также – УК РФ) статьи 207.3 об ответственности за пу-

бличное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации

© Сидоренко Е.В., 2026

вызвано тем, что после начала специальной военной операции на территории Украины в средствах массовой информации, в том числе в сети «Интернет», получили массовое распространение заведомо ложные сведения относительно действий военнослужащих, участвующих в проведении специальной военной операции, сопровождающиеся обвинениями российской стороны в совершении воинских преступлений (негуманное обращение с населением занятых территорий, массовые убийства мирных жителей, жестокое обращение с военнопленными и др.).

Статья введена в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2022 году¹ и через небольшой промежуток времени дважды была изменена².

Развитие современных информационных технологий сделало мир не только высокоинформационным, но и одновременно с этим зависимым от информации.

Заведомо ложная информация распространяется стремительно, а ее вредные последствия трудно переоценить.

Распространение ложной информации является составной частью деятельности, направленной против интересов общества и государства, т. е. носит противоправный характер, в связи с чем общество и государство вынуждены защи-

щаться, вводя ответственность за данные действия.

Ложная информация о Вооруженных Силах Российской Федерации, дискредитирующая их, может быть размещена в социальных сетях, через посты, комментарии или репосты, форумы и блоги.

С.В. Бочаров привел анализ уголовных дел, который показал, что «в большинстве случаев такая информация размещается в социальной сети „ВКонтакте“ – 50 %. Далее идет „Telegram“ – 20 % размещения. В „Instagram“ и „Facebook“ по 10 % размещения на каждую социальную сеть и по 5 % на „WhatsApp“ и „YouTube“. Преобладание „ВКонтакте“ вызвано тем, что данная социальная сеть является наиболее известной и используемой на территории Российской Федерации. По данным исследования, более чем 70 % населения России заходят в „ВКонтакте“ хотя бы один раз в месяц, а более чем 40 % – ежедневно. Это наивысший процент среди всех социальных сетей. В среднем пользователи посещают „ВКонтакте“ 16 дней в месяц с мобильных устройств и хотя бы раз в течение 11 дней с компьютера» [1].

Установление уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, требует формирования криминалистической характеристики таких преступлений, с тем чтобы разработать частную криминалистическую методику их расследования.

Уголовная ответственность по ст. 207.3 УК РФ наступает в случае, если: распространение информации

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Статья действует в редакции Федерального закона от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 58-ФЗ ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 641-ФЗ. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

происходит публично; распространяемая информация заведомо ложная; информация распространяется под видом достоверных сообщений; информация касается обстоятельств, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, или принимаемых мер по обеспечению безопасности населения и территорий, приемов и способов защиты от указанных обстоятельств либо является общественно значимой, распространение которой повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерти или иные тяжкие последствия.

Публичность распространения сведений означает возможность доведения информации до неограниченного круга лиц, сведения должны быть распространены непосредственно в присутствии нескольких лиц либо способом, который делает возможным доведение этих сведений до сторонних лиц. Сообщение сведений конкретному лицу в ходе частной беседы не может рассматриваться как их публичное распространение.

Заведомая ложность распространенных сведений означает, что лицо, распространяющее сведения, должно заведомо знать, что данные сведения являются ложными.

Виновный должен преподносить ложные сведения как правдивые и достоверные, не подлежащие сомнению. Распространение ложных сведений с оговоркой о том, что это является личным мнением лица, должно исключать привлечение к уголовной ответственности.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 207.3 УК РФ в информации должны быть данные об использовании армии или исполнении полномочий властными органами исключительно в целях защиты интересов Российского государства, его граждан или для поддержания мира и безопасности.

Основные элементы криминалистической характеристики преступления:

1. Данные об объекте преступного посягательства.

2. Данные об обстановке, в которой протекает процесс преступной деятельности (место, время, способ совершения преступления).

3. Данные о механизме преступной деятельности (подготовка, совершение, сокрытие преступной деятельности, используемые орудия и средства, следы преступления, вероятное противодействие расследованию).

4. Данные о личности преступника (субъектами преступления могут быть как граждане, так и лица, которым информация доступна в силу выполнения ими служебных обязанностей).

5. Вред, причиненный в результате совершения преступления (страх, неуверенность, а также недоверие и гнев в отношении как отдельных институтов, так и всей системы власти).

6. Наиболее значимые связи между этими элементами.

Заведомо ложная информация, предусмотренная ст. 207.3 УК РФ, — это недостоверная информация об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации.

Внесением Федеральными законами от 18 марта 2023 года № 58-ФЗ и от 25 декабря 2023 года № 641-ФЗ в указанную норму изменений был исправлен существенный недостаток, допущенный законодателем при разработке и принятии статьи: правовая защита от недостоверной, а зачастую и откровенно ложной информации была распространена на добровольческие формирования, организации, войска национальной гвардии, а также лиц, как физических, так и юри-

дических, оказывающих содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, определяется тем, что в результате его совершения нарушаются права граждан на получение достоверной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами своих полномочий за пределами территории Российской Федерации, направленных на защиту интересов нашей страны и ее граждан, поддержание международного мира и безопасности, подрывается авторитет войск и государственных органов России, дестабилизируется их деятельность, снижается ее эффективность.

Совершаемое деяние способно пагубно повлиять на обстановку в обществе, сформировать негативное мнение о Вооруженных Силах Российской Федерации и породить недоверие граждан к ним и в целом к органам государственной власти, показать их неспособность обеспечить безопасность и в итоге спровоцировать отдельных граждан на противоправные действия.

Способы придания заведомо ложной информации достоверного вида могут быть различными: фальсификация ссылок на компетентные источники, перефразирование высказываний публичных лиц и прочее, использование поддельных видео- и аудиозаписей, фальшивых документов либо записей, якобы имеющих отношение к рассматриваемым событиям.

Таким образом, в предмет доказывания по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 207.3 УК РФ, входят, помимо обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дополнительные элементы, образующие локальный предмет доказывания, а именно:

публичность распространения информации;

ложность (недостоверность) распространенных сведений;

значимость распространенных сведений для неопределенного круга лиц;

возможность распространителя ложной информации проверить ее достоверность перед распространением и отказаться от ее распространения, если в ее достоверности имеются сомнения.

В настоящее время основным способом распространения информации является размещение ее в сети «Интернет». Распространить информацию легко — достаточно создать заведомо ложное сообщение, а затем в социальной сети нажать кнопку «поделиться», и публичное распространение состоится. Сюда же следует отнести и распространение заведомо ложной информации посредством размещения ее в СМИ, как печатных, так и электронных, в том числе в качестве комментария к размещенной достоверной информации, в листовках, на плакатах и рекламных баннерах, СМС-сообщениях и т. д.

Но вместе с тем такая информация может быть распространена в выступлениях на телевидении или радио, на митингах (в том числе несанкционированных), при организации и осуществлении одиночных пикетов, а также в любых местах массового скопления граждан.

Распространение заведомо ложной информации следует признавать публичным, если такая информация адресована как минимум двум лицам. Но, как показывает практика, заведомо ложная информация, размещаемая посредством сети «Интернет» или распространяемая в местах массового скопления граждан, в том числе на несанкционированных митингах, пикетах, становится доступна сначала определенной группе лиц, которой она адресована, а затем и неограниченному кругу лиц.

Под заведомо ложной информацией можно понимать такую информацию,

которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему, но, несмотря на это, лицо предприняло все действия по ее распространению.

Заведомость в рамках уголовно-правовой сферы следует понимать как осведомленность о тех или иных обстоятельствах, т. е. достоверное знание о юридически значимых фактах. Лицо должно осознавать, что оно распространяет именно ложную информацию, которая не соответствует действительности.

Логично, что привлечь лицо к уголовной ответственности за распространение заведомо ложных сведений нельзя, если лицо, распространяющее сведения, уверено в их достоверности, например добросовестно заблуждалось относительно правдивости информации.

Однако мы не согласны с мнением авторов, которые полагают, что этого достаточно. Например, адвокат В.И. Саркисов в материале «Статья 207.3 УК РФ: основные признаки состава, практика применения» обращает внимание на то, что «органы следствия и суда ограничиваются лишь доказыванием ложности распространенных сведений, а к признаку заведомости относятся формально и с нарушением основных принципов уголовного права и процесса, включающих презумпцию невиновности. При этом и ложность распространенных сведений оценивается правоприменителями весьма специфично: путем проведения экспертного исследования с получением заключения, согласно которому распространенные сведения не соответствуют официальной позиции органов государственной власти и управления России» [2].

Ссылка на то, что лицо в момент распространения недостоверной информации полагало ее правдивой, должна уточняться вопросом: какие действия лицо совершало для выяснения досто-

верности распространяемой информации? Необходимо признать, что наличие возможности, но отсутствие желания перепроверить распространяемые сведения является умышленным отказом от проверки достоверности распространяемой информации.

Отсутствие времени для проверки распространяемой информации, изначально доверие к первоначальному источнику ее распространения, на что ссылается лицо, распространившее ложную информацию, также не являются основанием для освобождения от уголовной ответственности.

В обоснование нашего исследования рассмотрим некоторые судебные решения, вынесенные судами Российской Федерации по указанной статье и вступившие в законную силу.

На сайте «Коммерсантъ» описывается преступление, в совершении которого обвиняется П. М-в: «Как установлено следствием и судом, в марте 2022 г. М-в, являясь администратором публичной группы в одном из мессенджеров, дважды размещал в группе заведомо ложную информацию под видом достоверной, кроме того, подсудимый размещал в этой же группе комментарии по поводу указанной темы» [3].

Из анализа приговора видно, что П. М-в сознательно размещал на своей странице в Интернете изображения сфальсифицированных текстовых документов Министерства обороны Российской Федерации, а также видеозаписи с информацией, содержащей заведомо ложные сведения о целях, задачах и порядке проведения специальной военной операции на Украине, преследуя цель сформировать негативное отношение у граждан России и иностранных граждан, посещающих российские сайты, к военнослужащим Российской армии, участвующим в проведении спецоперации, а также к органам власти Российской Федерации. Была ли у виновного

возможность проверить достоверность размещаемой информации? Да, была, но он ею не воспользовался. Представляется, что именно нежелание перепроверить размещаемые для всеобщего доступа сведения и умысел на распространение заведомо ложных сведений, дискредитирующих Вооруженные Силы Российской Федерации, образовали состав преступления.

В части 2 ст. 207.3 УК РФ предусмотрены квалифицирующие признаки:

лицом с использованием своего служебного положения;

группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

с искусственным созданием доказательств обвинения;

из корыстных побуждений;

по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Приговором Мещанского районного суда г. Москвы от 8 июля 2022 года депутат Совета депутатов муниципального округа А.А. Г-в осужден по пп. «а», «б», «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. Суд посчитал доказанной вину Г-ва в совершении публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, лицом с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору, по мотивам политической ненависти.

Установлена его вина в том, что при проведении заседания Совета муниципалитета совместно с другим лицом, «действуя умышленно, осознавая противоправный характер и общественную

опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде подрыва авторитета и дискредитации действующей государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации, а также то, что своими действиями они введут в заблуждение неограниченный круг лиц относительно правомерности действий Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении специальной военной операции, создав видимость противоправной, нарушающей международное законодательство деятельности как Вооруженных Сил Российской Федерации в отдельности, так и органов государственной власти Российской Федерации в целом, вызовут у граждан чувство тревоги, страха, беспокойства и незащищенности со стороны государства, руководствуясь мотивом политической ненависти, выразившейся в пренебрежительном, недружелюбном, враждебно-агрессивном отношении к действующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, в присутствии не менее 5 лиц, принимавших участие в данном мероприятии, устно сообщил указанным лицам под видом достоверных сведений заведомо ложную информацию, содержащую данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а именно:

о ведении Российской Федерацией на территории иного суверенного государства военных агрессивных действий, именуя их не специальной военной операцией, а войной;

о направлении Вооруженных Сил Российской Федерации на территорию Украины с целью захвата ее территории, ликвидации ее независимости, изменения ее политического или общественного строя;

о ежедневной гибели на территории Украины детей в результате ведения Российской Федерацией военных действий;

о том, что действия Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины, как элемент системы государственной власти, являются действиями „фашистского государства”.

При этом содержание выявленных утверждений Г-ва и другого лица о фактах использования Вооруженных Сил Российской Федерации либо об их действиях на территории Украины не соответствует содержанию официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации, изложенной в официальных брифингах 24 февраля 2022 г. и 26 февраля 2022 г.

Высказывания Г-ва негативно характеризуют действия Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляемых на территории Украины, в его высказываниях имеются лингвистические и психологические признаки обоснования необходимости противодействия использованию Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины.

В продолжение реализации своего умысла на распространение заведомо ложной информации, с целью максимальной огласки своих домыслов видеозапись указанного заседания продолжительностью 1 ч 47 мин 33 с была размещена с ведома А. Г-ва в ИТКС „Интернет”, имеющей неограниченный доступ для пользователей. С указанной видеозаписью ознакомилось не менее 43 000 пользователей ИТКС „Интернет”¹.

Согласно информации, размещенной на сайте Мещанского районного суда города Москвы, приговор в отно-

шении А. Г-ва рассмотрен 19 сентября 2022 года в апелляционной инстанции в Московском городском суде, приговор был изменен, но остался обвинительным и вступил в законную силу.

Таким образом, в приведенных примерах судебной практики в процессе судебного разбирательства было доказано, что виновные распространили сведения, не соответствующие действительности; виновные осознавали ложность распространяемых сведений, но тем не менее сделали все, чтобы недостоверная информация была распространена и стала доступной для неопределенного круга лиц; распространяемая виновными информация являлась достаточно значимой для населения; виновные имели возможность перепроверить достоверность распространяемых сведений.

Таким образом, все дополнительные элементы предмета доказывания по вменяемой статье следователем и судом были установлены и доказаны.

Следует отличать распространение заведомо ложной информации от обсуждения такой информации в целях изобличения ее ложности, выяснения соответствия действительности, влияния на общественное мнение и тому подобного.

Необходимо выделять и добросовестное заблуждение, когда достоверная информация трансформируется в не соответствующую действительности вследствие индивидуальных особенностей личности либо внешних условий, воздействий, повлиявших на восприятие, запоминание и воспроизведение какой-либо информации.

Добросовестное заблуждение может возникать и развиваться на всех стадиях формирования распространяемой данным лицом информации. И в этом случае обязательным является выяснение мотива действий лица по размещению информации для публичного доступа, поскольку мотивы распространения такой информации могут быть различ-

¹Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 8 июля 2022 г. в отношении депутата Совета депутатов муниципального округа Г-ва // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2022/62c7ff969a79472a29190bef> (дата обращения: 22.04.2025).

ными, такими как намерение обратить внимание органов власти на неправильные действия конкретных должностных лиц или организации в целом в надежде на исправление ситуации в лучшую сторону, обратить на себя внимание, прославиться, получить одобрение, приобрести значимость, увеличить число подписчиков (с последующим увеличением выплат от сайта и от размещения рекламы) и так далее.

Йошкар-Олинским городским судом Республики Марий Эл осужден Ф-в А.В., его действия квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ как публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, по мотивам политической ненависти (в ред. Федерального закона от 18 марта 2022 года № 58-ФЗ).

Достоверно зная о популярности интернет-сайтов и осознавая, что опубликованный материал станет доступным неограниченному кругу лиц, Ф-в разместил в открытом доступе контент «Обращение Арнольда Шварценеггера к россиянам! Русская озвучка», «Война России и Украины: взгляд со стороны украинца» и «Разбор обращений Арнольда и Марьяны... Кто прав? Кто виноват?», сопровождающиеся его согласием и одобрением, тем самым распространил неопределенному кругу лиц под видом достоверных сведений заведомо ложную информацию, содержащую данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности:

о ведении Российской Федерацией на территории иного суверенного государства военных агрессивных действий,

именуя их не специальной военной операцией, а войной;

о ведении Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Украины боевых действий против всего населения Украины, а не против националистических формирований либо вооруженных сил Украины, связанных с нанесением ударов по жилым кварталам, объектам гражданской инфраструктуры;

о том, что действия Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины как элемент системы государственной власти характеризуются как «захватнические».

В судебном заседании подсудимый Ф-в А.В. вину в совершении преступления не признал, показал, что он не имел цели вводить в заблуждение кого-либо, порочить Вооруженные Силы Российской Федерации и подрывать их авторитет не собирался и не мог, так как не обладает специальными познаниями и необходимой информацией, позволяющей достоверно оценивать действия Вооруженных Сил Российской Федерации. Он лишь комментировал информацию, полученную из разных источников.

Суд посчитал, что, вопреки позиции стороны защиты, Ф-ву А.В. было достоверно известно о том, что распространяемая им информация является ложной, т. е. не соответствует действительности, поскольку участие Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции законодательно закреплено. Нормативно-правовые акты были своевременно опубликованы, находятся в открытом доступе. Позиция Президента Российской Федерации о целях и задачах специальной военной операции, а именно защита интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержание международного мира и безопасности, 24 февраля 2022 года официально доведена до граждан Российской Федерации не только через

средства массовой информации путем обращения Президента Российской Федерации к нации, но и официально опубликована на официальном сайте Кремля.

Суд пришел к выводу, что Ф-в А.В. действовал умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий и желал этого¹.

До настоящего времени отсутствует официально озвученная правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по указанному преступлению, поэтому мы можем рекомендовать в процессе расследования и рассмотрения по существу уголовных дел о данном преступлении руководствоваться теми нор-

мативными актами, которые не рассматривают напрямую вопросы, затронутые в ст. 207.3 УК РФ, но дают толкование по схожим позициям [4, с. 31 – 32].

Так, необходимо учитывать положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»² и Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Тем самым можно более полно раскрыть характеристику совершенного преступления и аргументировать выводы о виновности либо невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности по ст. 207.3 УК РФ.

Список источников

1. Бочаров С.В. Типичные следственные ситуации распространения ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и их дискредитации // Научный аспект. 2024. № 6. Право. URL: <https://na-journal.ru/6-2024-pravo/12668-tipichnye-sledstvennye-situacii-rasprostraneniya-lojnoi-informacii-ob-ispolzovanii-voorujennyh-sil-rossiiskoi-federacii-i-ih-diskreditacii> (дата обращения: 10.11.2025).

2. Саркисов В.И. Статья 207.3 УК РФ: основные признаки состава, практика применения. 29 июля 2022 // Судебный адвокат : сайт. URL: <https://www.advo24.ru/publication/statya-207-3-uk-rf-osnovnye-priznaki-sostava-praktika-primeneniya.htm> (дата обращения: 10.11.2025).

3. Армию дискредитировали на миллион / М. Старикова, В. Никифоров. 31.05.2022 // Коммерсантъ : сайт. URL: www.kommersant.ru/ (дата обращения: 15.07.2025).

4. Конин В.В, Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2. С. 18 – 32.

Информация об авторе

Е.В. Сидоренко – доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук.

Information about the author

E.V. Sidorenko – Associate Professor at the Department of criminal procedure law, North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Science (Law).

¹ Приговор Йошкар-Олинского городского суда (Республика Марий Эл) от 17 мая 2023 г. по делу № 1-418/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 22.04.2025).

² О средствах массовой информации : Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 : текст с изм. и доп. на 23 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : текст с изм. и доп. на 24 июня 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.985.2

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Михаил Александрович СИЛЬНОВ

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, silnov@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные для научного дискурса 60–70-х годов прошлого века категории объективизации уголовно-процессуального доказывания и формирования доказательств. Утверждается, что с течением времени они не утратили злободневности и даже обнаружили новые практические аспекты в определении методологических характеристик применительно к деятельности по собиранию, проверке и оценке электронных доказательств.

По мнению автора, категорию формирования электронных доказательств следует рассматривать как особый элемент в структуре уголовно-процессуального доказывания, предполагающий деятельность следователя по разработке следственных версий и их проверке, собиранию доказательственной информации и устранению ее внутренних противоречий.

В статье ставится вопрос о корректировке содержания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» применительно к уточнению правил обеспечения достоверности доказательств.

Ключевые слова: формирование доказательств в уголовном судопроизводстве, объективизация уголовно-процессуального доказывания

Для цитирования: Сильнов М.А. Формирование электронных доказательств в контексте объективизации уголовно-процессуального доказывания // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 84–90.

Original article

FORMATION OF ELECTRONIC EVIDENCE IN THE CONTEXT OF OBJECTIVIZATION OF CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

Mikhail A. SILNOV

University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia, silnov@yandex.ru

Abstract. This article examines the categories of objectivization of criminal procedural proof and the formation of evidence, which were relevant to the academic discourse of the 1960s and 1970s. It is argued that over time, these categories have maintained their relevance and have even gained new practical dimensions in defining methodological standards for the collection, verification, and evaluation of electronic evidence.

According to the author, the category of formation of electronic evidence should be considered as a distinct element in the structure of criminal procedural proof, involving the investigator's activities in developing and verifying investigative versions, gathering evidentiary information, and resolving internal contradictions.

The article also addresses the need to amend the content of Resolution No. 55 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated of November 29, 2016, «On the Court Verdict», to clarify the rules for ensuring the reliability of evidence.

© Сильнов М.А., 2026

Keywords: formation of evidence in criminal proceedings, objectivization of criminal procedural proof

For citation: Silnov M.A. Formation of electronic evidence in the context of objectivization of criminal procedural proof. *Criminalist*. 2026;1(54):84-90. (In Russ.).

Появление концепции формирования доказательств в уголовном процессе и объективизации уголовно-процессуального доказывания, по справедливому суждению В.А.Лазаревой, «было явлением закономерным, подготовленным предшествующим развитием науки, стимулированным принятием в 1960 году УПК РСФСР как символа новой, освобожденной от негативных последствий предшествующего периода, эпохи» [1, с. 43 – 48].

Под объективизацией уголовно-процессуального доказывания в криминалистике и уголовно-процессуальной науке в тот период понимался набор познавательных средств и методов их использования, с помощью которых проверялись на предмет соответствия объективной действительности установленные следствием фактические данные. К числу таких средств относились методы реконструкции при расследовании, применения звукозаписи и других технических средств при производстве допросов, очных ставок, проверок показаний на месте, следственных экспериментов и др. [2, с. 106 – 113].

Значительный творческий вклад в развитие концепции внес А.А. Леви¹, который отмечал, что «объективизации доказывания, а следовательно, и соблюдению прав участников процесса, способствует надежная фиксация получаемых вещественных доказательств, документов, а также личных доказательств» [3, с. 47].

¹ Александр Абрамович Леви (1922 – 2020) – заслуженный юрист РСФСР, почетный работник прокуратуры СССР, доктор юридических наук, профессор.

Объективизация уголовно-процессуального доказывания представляет собой, по сути, методологический принцип, который требует, чтобы процесс доказывания по уголовному делу был направлен на всестороннее, полное и непредвзятое установление объективной истины, а не на подкрепление заранее сложившейся у стороны обвинения или защиты версии.

Если говорить проще, это средство борьбы с субъективизмом в расследовании. Цель его применения – добиться, чтобы выводы следователя, дознавателя, прокурора и суда основывались не на личных убеждениях, домыслах или предубеждениях, а на неопровержимых, проверенных и объективных данных.

Объективизация доказывания предполагает полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела, проверку всех возможных версий, недопустимость ориентации на «обвинительный уклон», широкое использование научных и технических средств, обеспечение относимости и достоверности доказательств.

С концепцией объективизации доказывания тесно связана категория *формирования доказательств*, у истоков научного обоснования которой стояли С.А. Шейфер [4], Ц.М. Каз [5], В.Я. Дорохов [6, с. 108 – 117], А.А. Леви [7] и другие известные процессуалисты. С.А. Шейфер полагал что формирование доказательств – это весь процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные

(извлечение информации из следов), так и удостоверительные элементы (объективизация воспринятых сведений с помощью средств фиксации) [8, с. 33–34].

С.А. Шейфер¹ высказал научный тезис о том, что «готовых доказательств, то есть показаний, заключений, протоколов и т. д., не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеется лишь полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями» [9, с. 33].

Иными словами, по мысли авторов, обогативших процессуальную науку этим понятием, доказательства выступают своего рода пазлами, отдельными событийными фрагментами (фактическими данными), формирующими целостную картину преступления, наполняя конкретным смыслом и содержанием всю процессуальную деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. То есть деятельность по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, приобретает не спонтанный и хаотичный характер, а более продуманный, осмысленный и цельный.

В основе популярной доктрины того времени — концепции формирования доказательств в уголовном процессе лежит научная и практическая идея о том, что доказательства по уголовному делу не возникают как некие готовые данные или документы, а формируются в ходе специальной процессуальной деятельности уполномоченных субъектов (следователь, дознаватель, прокурор, суд) посредством установленных законом процедур и применения системы средств процессуального доказывания.

¹ Семен Абрамович Шейфер (1924–2017) — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Учение С.А. Шейфера о формировании доказательств в процессе их собирания является стройной, научно обоснованной концепцией, в основе которой позиция автора о единстве формы и содержания доказательства (ст. 69 УПК РСФСР), т. е. идея, которую уже в 2001 году воспринял законодатель и подтвердил ее во вновь принятом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), заменив понятие «фактические данные» более широкой категорией «сведения», продемонстрировав, с одной стороны, смысловой акцент на содержании доказательства, а с другой — оставаясь на платформе единства доказательственной информации и ее процессуальных источников.

Интересной представляется позиция Е.А. Доли о том, что концепция формирования доказательств сегодня во многом утратила актуальность, поскольку воспринималась многими как синоним их собирания и соответствовала существовавшей во время ее возникновения модели уголовного судопроизводства [10, с. 14–16, 19, 22, 43–48].

На первый взгляд, действительно, в уголовном процессе советского периода отсутствовал акцент на принципе состязательности, перед уголовным судопроизводством стояли специфические задачи «быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных» (ст. 2 УПК РСФСР), на собирание доказательств следователем, лицом, производящим дознание, и прокурором распространялось требование полноты, всесторонности и объективности (ст. 20 УПК РСФСР), участие защитника в уголовно-процессуальном доказывании было минимальным, так как, по общему правилу, он допускался к участию в деле с момента окончания расследования (ст. 201 УПК РСФСР), и др.

Однако, по нашему мнению, категории формирования доказательств и объективизации доказывания актуальны и в настоящее время, поскольку служат средствами обеспечения достоверности доказательств, которая, по мысли М.С. Строговича, то же самое, что и их истинность [11, с. 33 – 39].

Полагаем, что критерий «достоверности» по-прежнему важен для оценки доказательств, хотя в известной мере и ограничен возможностями их проверки в условиях состязательного процесса [12, с. 78 – 72].

Результаты проводившихся в разное время исследований свидетельствуют, что выполнение требований Уголовно-процессуального кодекса о проверке доказательств на предмет их достоверности всегда служило действенным средством повышения качества расследования и эффективности следственных действий [13, с. 108 – 112; 14, с. 17 – 26].

Формирование доказательственной информации в виде стройной, логичной и завершенной картины совершенного преступления обеспечивается за счет тщательного планирования расследования, выдвигания возможных следственных версий, разработки детализированных планов следственных действий и других мероприятий [15, с. 122 – 127].

Именно на такую скрупулезную работу нацеливал правоприменителя Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 апреля 1996 года № 1 «О судебном приговоре». В нем говорилось, что *обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.*

Указанное определение на практике было весьма удобным инструментом определения не только достоверности

доказательств, но и их достаточности, а также границ и пределов доказывания.

Уместно напомнить, что под следственными версиями понимают логически обоснованные предположения о природе расследуемого события и его отдельных аспектах, основанные на установленных фактах. В соответствии с криминалистическими требованиями по тактике расследования преступлений по каждому делу следователем должен быть составлен план расследования, содержащий типовые для данного вида преступлений версии и перечень (набор) следственных действий, с помощью которых их можно проверить.

Устранение противоречий в доказательствах по правилам ст. 87 УПК РФ также важно для целей объективизации доказывания.

К сожалению, действующее сегодня постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» не содержит столь универсального правила определения достоверности доказательств, что, однако, не исключает возможности обращения судей, прокуроров и следователей в сложных ситуациях к прежнему постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре».

О востребованности указанного правила однозначно свидетельствует судебная практика, сформированная уже в русле постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре». Суды различных инстанций, мотивируя свои решения, продолжают использовать апробированный и надежный алгоритм проверки версий и устранения противоречий как средство обеспечения достоверности доказательств¹.

¹ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 3 октября 2023 г. по делу № 10-18564/2023 ; Апелляционное определение Московского городского суда

Очевидно, что категории формирования доказательств и объективизации доказывания остаются востребованными в современной науке и практической деятельности как действенные средства обеспечения достоверности теперь уже электронных доказательств [16, с. 8].

На длительный срок указанные категории выпали из научного оборота. Обозначенные в трудах ученых в 60–70-е годы, данные категории не использовались в теории, однако сегодня в эпоху всеобщей цифровизации они обретают новые смыслы.

Несмотря на активные научные исследования по вопросам цифровизации доказывания [17], объективно сохраняется потребность в методологической проработке и теоретическом обосновании института *формирования электронных доказательств* в уголовном процессе.

Применение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве представляет собой перспективное направление в расследовании уголовных дел, современные технологии уже повсеместно используются для сбора и фиксации доказательственной информации.

В качестве специфических средств процессуального доказывания, собирания, проверки и оценки электронных доказательств, а также обеспечения этого процесса на практике активно используются «обыск компьютерного аппаратного обеспечения; выемка компьютерного аппаратного обеспечения или компьютерных данных; распоряжение о предо-

ставлении информации о подписчиках; распоряжение о предоставлении хранимых данных о потоках информации; распоряжение о предоставлении хранимых данных о содержании; сбор в режиме реального времени данных о потоках информации; сбор в режиме реального времени информации о содержании данных; использование результатов проведенной удаленной компьютерно-технической экспертизы; трансграничный доступ к компьютерной системе или данным и др.» [17, с. 17–18].

Не все из указанных средств доказывания получили регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. На практике для фиксации соответствующих сведений следователи подбирают наиболее подходящие по операциональной структуре и познавательной направленности следственные действия и иные средства доказывания.

С.Б. Россинский в данной связи справедливо пишет «о назревшей необходимости в надлежащей процессуальной регламентации приобщения к уголовному делу готовых информационных ресурсов, возникающих вне процессуальной формы и попадающих в распоряжение дознавателя, следователя или суда путем представления, истребования либо изъятия, например, „иных“ документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности» [18, с. 101–103].

Специфика электронных доказательств состоит в том, что в их основе лежит цифровая информация. Она не существует сама по себе вне соответствующих носителей. Для ее обнаружения, фиксации, изъятия и интерпретации требуются соответствующие аппаратные средства. Именно их использование и предполагает чаще всего экспертную

от 19 июля 2023 г. по делу № 10-10831/2023 ; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2023 г. № 77-1337/2023 (УИД 11RS0001-01-2022-001594-32) ; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июня 2022 г. № 77-2484/2022 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 марта 2022 г. № 7У-1722/2022 и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

проверку достоверности электронных доказательств.

Категорию формирования электронных доказательств мы рассматриваем как особый элемент в структуре уголовно-процессуального доказывания, предполагающий деятельность следователя по разработке следственных версий и их проверке, сбору доказательственной информации и устранению ее внутренних противоречий. Существует необходимость в разработке понятий и изучении закономерностей, касающихся

механизма формирования электронных доказательств и функционирования элементов, составляющих его систему.

В заключение скажем, что теоретические разработки 60–70-х годов прошлого века сегодня оказались востребованными и предопределили вектор научного поиска в направлении совершенствования форм и методов уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств и развития средств и методов их физической интерпретации.

Список источников

1. Лазарева В.А., Шейфер С.А. Концепция формирования доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 43–48.
2. Исаенко В.Н. Александр Абрамович Леви — человек, солдат, ученый // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 106–113.
3. Участники уголовного процесса и прокурорский надзор за обеспечением органами расследования их прав и законных интересов : метод. пособие / Ф.Н. Багаутдинов, Л.В. Батищева, А.А. Леви [и др.] ; Генеральная прокуратура Российской Федерации, НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1995. 115 с.
4. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Москва : Юрлитинформ, 2004. 183 с.
5. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1960. 106 с.
6. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.
7. Леви А.А. Избранные научные труды. Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2012. 646 с.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва : Норма, 2008. 240 с.
9. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе : учеб. пособие / отв. ред. П.А. Лупинская. Москва : ВЮЗИ, 1972. 130 с.
10. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва : Проспект, 2014. 373 с.
11. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 384 с.
12. Сильнов М.А. О соотношении понятий «истина» и «достоверность» и их роли в уголовно-процессуальном доказывании // Следственная практика : сб. ст. / Генеральная прокуратура Российской Федерации, Ун-т прокуратуры Российской Федерации. Москва : Ун-т прокуратуры Российской Федерации. 2019. Вып. 209. С. 78–82.
13. Казинян Г.С., Соловьев А.Б. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван, 1987. С. 108–112.
14. Шишкина Е.В. Условия эффективности следственных действий // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1. С. 17–26.
15. Боруленков Ю.П. Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 122–127.

16. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Оконенко Роман Иванович. Москва, 2016. 158 с.

17. Собрание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. Москва : Проспект, 2022. 168 с.

18. Россинский С.Б. Собрание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 91 – 103.

Информация об авторе

М.А. Сильнов – доцент кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M.A. Silnov – Associate Professor at the Department of fundamentals of prosecutorial activities of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ (СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ) СЛЕДСТВЕННЫХ ГРУПП
С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ**

Светлана Вячеславовна СТРАХОВА

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия, svestr-2021@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций, а также вопросы взаимодействия следственных групп с иными правоохранительными органами. Отмечается ведущая роль прокуратуры Российской Федерации в организации взаимодействия правоохранительных органов путем использования одной из форм координации деятельности правоохранительных органов — создания следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений. Рассматриваются направления взаимодействия следственных групп с МЧС России при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций, обосновывается позиция относительно правоохранительного характера деятельности МЧС России.

Сделан вывод о необходимости разработки федерального закона для закрепления понятия правоохранительных органов Российской Федерации и их системы, а также разработки совместного организационно-распорядительного документа правоохранительных органов, определяющего порядок взаимодействия специальных (специализированных) следственных (следственно-оперативных) групп с правоохранительными органами при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: следственные группы, правоохранительные органы, взаимодействие, расследование преступлений, условия чрезвычайных ситуаций

Для цитирования: Страхова С.В. К вопросу об организации взаимодействия специальных (специализированных) следственных групп с правоохранительными органами при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 91 – 99.

Original article

**ON COORDINATING SPECIAL (SPECIALIZED) INVESTIGATIVE TEAMS
WITH LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN CRIMINAL INVESTIGATIONS
DURING EMERGENCY SITUATIONS**

SVETLANA V. STRAKHOVA

Crimean law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Simferopol, Russia, svestr-2021@mail.ru

Abstract. The article analyses the interaction between preliminary investigation and inquiry bodies in the investigation of crimes, as well as issues of interaction between investigative teams

---

© Страхова С.В., 2026

and other law enforcement agencies during emergency conditions. The author emphasizes the leading role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in organizing inter-agency coordination by creating investigative and operational teams for investigating specific crimes. The author also examines the areas of interaction between investigative teams and the Ministry of Emergency Situations of Russia in investigating crimes during emergency situations and suggests that EMERCOM's activities have a law enforcement nature.

It is concluded that there is a need to draft a federal law defining law enforcement agencies of the Russian Federation and their organizational structure. Additionally, a joint directive for law enforcement agencies should be developed to establish the procedure for cooperation between special (specialized) investigative (or joint investigative-operational) teams and other law enforcement entities in the investigation of crimes during emergencies.

Keywords: investigative teams, law enforcement agencies, interaction, investigation of crimes, emergency situations

For citation: Strakhova S.V. On coordinating special (specialized) investigative teams with law enforcement agencies in criminal investigations during emergency situations. *Criminalist*. 2026;1(54):91-99. (In Russ.).

Вопросы организации взаимодействия следственных групп, осуществляющих расследование преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций, с правоохранительными органами являются приоритетными для обеспечения качественного, эффективного процесса расследования.

Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, регламентирующие вопросы организации расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе взаимодействия следственных групп с правоохранительными органами, а также понятие и исчерпывающий перечень правоохранительных органов. Единого научного мнения относительно организации следственных групп и форм их взаимодействия с правоохранительными органами в условиях чрезвычайных ситуаций, а также относительно понятия правоохранительных органов и их системы также не сформировано.

Расследование преступления следственной группой (ст. 163 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ) является примером процессуальной формы взаимодействия правоохранительных

органов для решения задач предварительного расследования. По субъектному составу в научной литературе выделяют два вида следственных групп: основные и специальные. М.С. Лубягин, в частности, отмечает, что к работе в составе специальных следственных групп кроме следователей «могут быть привлечены иные должностные лица — должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, следователи-криминалисты, участковые уполномоченные полиции и т. д.» [1, с. 17]. В этой связи С.В. Харченко подчеркивает, что в современных условиях «особо важную роль играет взаимодействие следственных органов Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ) с оперативными подразделениями МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФТС России, поскольку следователи СК РФ в оперативном плане остались „безоружными“» [2, с. 190]. М.А. Васильева по этому поводу указывает, что в качестве «непроцессуальной (организационно-тактической) формы взаимодействие следователя и органов дознания реализуется в виде следственно-оперативных групп (СОГ), которые формируются для расследования конкретных преступлений. В практике орга-

нов внутренних дел существует два вида СОГ, которые утверждены ведомственной инструкцией: дежурная и специализированная. Специализированные СОГ создаются для раскрытия отдельных тяжких и особо тяжких преступлений, серийных преступлений, преступлений прошлых лет и других преступлений, а также для производства расследования и оперативного сопровождения конкретных уголовных дел» [3, с. 260]. В пособии по расследованию гибели людей в чрезвычайных условиях обосновывается, что в «условиях чрезвычайных ситуаций наиболее эффективной является форма организации расследования преступлений в виде специализированных следственных групп, в состав которых могут быть включены работники оперативных подразделений, которым поручается проведение поисковых мероприятий. Они организуются следователем и проводятся поисковыми группами под руководством оперативных работников с участием в необходимых случаях самих следователей с целью обнаружения и изъятия орудий преступления, оружия, взрывных устройств, горючих веществ, зажигательных смесей, похищенных вещей, розыска очевидцев. На оперативных работников может возлагаться сопровождение уголовных дел в суде (розыск эвакуированных свидетелей и потерпевших, обеспечение их явки в суд, предоставление видеотехники для просмотра во время судебного следствия приобщенных к делу видеоматериалов и т. д.)» [4, с. 15].

Д.В. Галкин одновременно использует понятия следственной и следственно-оперативной группы [5, с. 43, 49], а также специализированной следственной группы [5, с. 48, 50, 170], отмечая, что расследование большинства уголовных дел в условиях чрезвычайных ситуаций осуществляется специализированной следственной группой [5, с. 170].

Вместе с тем, исходя из толкования значения терминов «специальный» (предназначенный исключительно для чего-либо, имеющий особое назначение) и «специализированный» (закрепленный за какой-либо специальной областью деятельности, имеющий специальное назначение) [6], к обозначению следственной (следственно-оперативной) группы, осуществляющей расследование преступления в условиях чрезвычайной ситуации, на наш взгляд, применимы оба термина. Термин «специализированный» указывает на специализацию расследования определенных категорий преступлений и на особые условия, в которых осуществляется расследование; термин «специальный» обозначает особое назначение следственной (следственно-оперативной группы), которая создается и направляется для расследования преступлений в особых условиях. В любом случае следственные (следственно-оперативные) группы, осуществляющие расследование преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций, решают ряд специфических задач, связанных, как справедливо указывает Д.В. Галкин, «с гибелью значительного количества людей, значительным объемом производимых следственных действий, сосредоточением значительного объема следственной работы за пределами непосредственной зоны чрезвычайной ситуации (изъятием документации в органах и организациях для поиска и закрепления доказательств, указывающих на влияние действий или бездействия отдельных лиц на процесс возникновения чрезвычайной ситуации), длительным сроком первоначального этапа расследования, что вызывает необходимость ревизии материалов первоначальных следственных действий, необходимостью систематизации и перераспределения материалов между

следователями (в зависимости от последовательности развития чрезвычайной ситуации и наступления уголовно-правовых последствий или по территориальному принципу), планированием расследования на нескольких уровнях (специализированной группы в целом, отдельных следственных подгрупп по зонам (участкам) расследования и по конкретным эпизодам преступлений). <...> При этом основной целью работы всех субъектов, взаимодействующих в период развития чрезвычайной ситуации, является спасение людей, сохранение их жизни и здоровья. Дополнительными целями являются максимально возможное предотвращение последствий чрезвычайной ситуации, их скорейшая ликвидация. Работа следственных органов в этот период подчинена достижению этих общих целей. Таким образом, следственные подразделения, находясь на месте чрезвычайной ситуации, оказывают содействие в спасении людей и вместе с тем решают сугубо следственные задачи» [5, с. 45–52].

Ведущая роль в организации взаимодействия правоохранительных органов при расследовании преступлений в соответствии с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 года № 567, отведена прокуратуре Российской Федерации [7].

В Толковом словаре государственного языка Российской Федерации координация (лат. *coordinatio*) определяется как «согласование, приведение чего-либо в соответствие друг с другом (понятий, действий, составных частей и т. п.)» [6]. Среди важнейших координационных мероприятий следует отметить проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных

органов; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению, и др. Одной из форм координации является создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений [7]. М.В. Колесов в этой связи указывает, что данное координационное мероприятие направлено на «обеспечение взаимодействия следственных и оперативных подразделений с целью всестороннего, объективного и своевременного расследования и обладает наиболее быстрым положительным эффектом, позволяющим сосредоточить руководство входящих в состав СОГ сотрудников различных ведомств в руках одного лица – следователя (руководителя следственного органа)» [8, с. 169]. Полагаем, что в условиях чрезвычайной ситуации этот фактор имеет существенное значение.

Как отмечает Д.В. Галкин, «руководитель следственной (следственно-оперативной) группы по прибытии на место происшествия организует взаимодействие следственной группы с представителями прокуратуры, органов ФСБ, МВД и МЧС России, прибывшими на место происшествия, обменивается с ними информацией по вопросам, относящимся к расследованию. <...> При этом по уголовным делам о преступлениях, связанных с возникновением чрезвычайных ситуаций, следственные органы прежде всего осуществляют взаимодействие с государственными

органами и иными организациями, задействованными в единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС), среди которых наиболее тесное взаимодействие осуществляется с учреждениями и структурными подразделениями МЧС России» [5, с. 43 – 44, 51]. Не указывая на принадлежность Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) к правоохранительным органам, Д.В. Галкин вместе с тем подчеркивает, что «в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при расследовании гибели людей следственные органы СК РФ совместно с учреждениями и структурными подразделениями МЧС России осуществляют работу на местах происшествий при ликвидации чрезвычайных ситуаций (пожаров, взрывов, аварий на производственных объектах) по установлению обстоятельств произошедшего события, фиксации и сохранению следов, отысканию и изъятию вещественных доказательств; по обеспечению доставки криминалистической и специальной техники, применение которой требуется для реализации поставленных задач; по организации и осуществлению поисково-спасательных мероприятий; проведению в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях МЧС России судебных экспертиз, назначаемых следователями СК РФ в ходе расследования уголовных дел; по обмену информацией по вопросам, отнесенным к ведению СК РФ и МЧС России» [5, с. 54 – 55].

Между тем, как отмечалось выше, в законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное закрепление понятия «правоохранительные

органы», а также перечня правоохранительных органов. В юридической литературе в настоящее время не сложилось единого мнения относительно системы правоохранительных органов. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что мы разделяем точку зрения о том, что «система правоохранительных органов Российской Федерации включает судебную систему Российской Федерации, прокуратуру, органы обеспечения охраны порядка и общественной безопасности, органы государственной безопасности, органы юстиции, органы предварительного расследования (органы дознания и предварительного следствия), органы, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности» [9, с. 31]. При этом представляется обоснованным мнение Н.С. Пономарева о том, что базовой характеристикой, отражающей сущность и природу правоохранительных органов, является борьба с преступностью, которая включает в себя выявление, раскрытие и расследование преступлений, а также профилактику правонарушений [10, с. 61].

В этой связи заметим, что к органам дознания, наряду с органами внутренних дел, органами принудительного исполнения и иными органами исполнительной власти, наделенными полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности (органами федеральной службы безопасности, федеральным органом исполнительной власти в области государственной охраны, таможенными органами Российской Федерации, службой внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службой исполнения наказаний), относятся органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы (п. 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ), которые входят в структуру

МЧС России. Согласно пп. 1, 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ сотрудники указанной службы обладают собственной компетенцией – осуществляют дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, и выполняют неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК РФ.

Наряду с этим работники органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы включаются в состав следственно-оперативных групп (специализированных следственно-оперативных групп) по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с пожарами. Организация взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов управления и подразделений федеральной противопожарной службы регламентируется совместным приказом МЧС России и МВД России и соответствующими совместными приказами указанных ведомств по субъектам Российской Федерации.

В качестве примера организации взаимодействия органов внутренних дел и подразделений МЧС России можно привести специализированные следственно-оперативные группы, которые создаются для повышения эффективности деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с пожарами (поджогами), в том числе в лесных массивах, в Иркутской области и Удмуртской Республике [11; 12]. В зависимости от степени тяжести последствий пожара на место происшествия направляется специализированная следственно-оперативная группа либо под руководством следователя территориального органа МВД России, либо под руководством

дознавателя отдела надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России [11].

Среди существенных признаков, наличие которых, на наш взгляд, позволяет отнести МЧС России к правоохранительным органам, следует выделить его задачи и функции. В этой связи необходимо подчеркнуть особую роль МЧС России в обеспечении безопасности государства и общества, которая отражена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. Так, одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности как составляющих национальную безопасность в Стратегии определена защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Достижение указанной цели осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на повышение эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [13].

МЧС России является федеральным органом государственной власти, осуществляющим следующие функции: 1) предупреждение, минимизация и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, что следует расценивать как основное направление деятельности; 2) государственный контроль (надзор), который реализуется посредством проведения соответствующих проверок, выявления нарушений федерального и регионального законодательства в рамках компетенции МЧС России, выдачи предписаний об их устранении, привлечения виновных лиц к юридической ответственности; 3) оказание государственных услуг, что заключается в ли-

цензировании отдельных видов деятельности, выдаче разрешений, проведении экспертных исследований и т. д.; 4) правоохранительная деятельности, реализуемая посредством выявления, раскрытия и расследования преступлений, отнесенных к компетенции МЧС России [9, с. 155 – 156].

Одной из основных функций МЧС России является управление в установленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 года № 794 [14] порядке единой государственной системой предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [15].

Министр и подчиненные ему руководители территориальных подразделений МЧС России принимают участие в соответствующих координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов, реализуют иные возможности, предоставленные Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 года № 567 (ред. от 14 июня 2024 года) [9, с. 155].

Таким образом, исходя из сущности деятельности и выполняемых функций, а также в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации имеются основания говорить об МЧС России как о правоохранительном органе. Об этом, в частности,

свидетельствуют приказы Генерального прокурора Российской Федерации, в которых МЧС России указано в числе правоохранительных органов [16].

С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что «действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет процедуру дознания и предварительного следствия в условиях нормального (стабильного) функционирования государства, государственных органов и общества в целом без учета особенностей уголовного преследования в условиях чрезвычайных ситуаций» [17, с. 13], для обеспечения слаженного взаимодействия следственных (следственно-оперативных) групп с правоохранительными органами в указанных условиях актуальность приобретают вопросы совершенствования законодательства в данной сфере. Такими направлениями, по нашему мнению, являются разработка федерального закона, в котором должны найти отражение понятие правоохранительных органов Российской Федерации и их система, а также совместного организационно-распорядительного документа правоохранительных органов, определяющего порядок взаимодействия специальных (специализированных) следственных (следственно-оперативных) групп с правоохранительными органами при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций.

Список источников

1. Лубягин М.С. Следственные группы в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы, порядок формирования и деятельности : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лубягин Михаил Сергеевич. Иркутск, 2024. 23 с.
2. Харченко С.В. Некоторые особенности взаимодействия следственных органов СК России с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 189 – 191.
3. Васильева М.А. Специализированные следственно-оперативные группы по проверке сообщений и при расследовании экологических преступлений // E-SCIO. 2020. № 10 (49). С. 459 – 464.

4. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях : учеб. пособие / А.М. Багмет, Ю.В. Васильченко, В.Н. Григорьев [и др.] ; отв. ред. Я.В. Комиссарова. Москва : Проспект, 2020. 304 с.

5. Расследование гибели людей в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : науч.-практ. пособие / Следственный комитет Российской Федерации, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) ; под ред. А.И. Бастрыкина. Москва : [б. и.], 2021. 178 с.

6. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации / Санкт-Петербургский государственный университет ; ред. Н.М. Кропачев [и др.]. Санкт-Петербург, 2025. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast2_OJa.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

7. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 : текст с изм. и доп. на 14 июня 2024 г. // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9217> (дата обращения: 22.08.2025).

8. Колесов М.В. Соотношение координации деятельности правоохранительных органов и межведомственного взаимодействия при осуществлении уголовного преследования должностных лиц правоохранительных органов, виновных в сокрытии преступлений от учета // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 168 – 170.

9. Правоохранительные органы. Учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / О.Н. Коршунова, И.И. Головкин, Е.Л. Никитин [и др.] ; под ред. О.Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2024. 135 с.

10. Пономарев Н.С. Правоохранительные органы как конституционно-правовой феномен // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 46 – 68.

11. О создании специализированных следственно-оперативных групп и мерах по повышению эффективности деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с пожарами, поджогами, в том числе в лесных массивах, а также в сфере оборота древесины и лесоматериалов на территории Иркутской области : Приказ ГУ МЧС России по Иркутской области № 384, ГУ МВД России по Иркутской области № 225, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области № 51, Министерства лесного комплекса Иркутской области № 43-мпр от 14 мая 2019 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561421767?ysclid=mdeqq8f571897654982> (дата обращения: 22.07.2025).

12. Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений МВД по Удмуртской Республике и Главного управления МЧС России по Удмуртской Республике по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с пожарами : Приказ МВД по Удмуртской Республике № 164, ГУ МЧС России по Удмуртской Республике № 84 от 7 марта 2012 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428638294mdeqq8f571897654982> (дата обращения: 25.07.2025).

13. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.07.2025).

14. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 г. № 794 : текст с изм. и доп. на 30 сент. 2025 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45914/492eda9f08b2b56e284a2ab0b4c8d3719f3a2585/ (дата обращения: 22.10.2025).

15. Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий : Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868 : текст с изм. и доп. на 21 июля 2025 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48356/ecfca50bcc6f0b9f0972a492f90e1ee8263e9c7/ (дата обращения: 22.07.2025).

16. О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 182, МВД России № 189, МЧС России № 153, ФСБ России № 243, Следственного комитета Российской Федерации № 33, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков № 129, Федеральной таможенной службы № 800, Федеральной службы судебных приставов № 220, Федеральной службы по финансовому мониторингу № 105 от 29 марта 2016 г. // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71463454/?ysclid=mdev8sqf71744957950> (дата обращения: 22.07.2025).

17. Сергеев А.Б. Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... д-ра юрид. наук / Сергеев Андрей Борисович. Челябинск, 2003. 366 с.

Информация об авторе

С.В. Страхова – заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S.V. Strakhova – Head of the Department of criminal procedure, criminalistics and the prosecutor's participation in criminal proceedings, Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342

ПРИЗНАНИЕ ИНФОРМАЦИИ ЗАПРЕЩЕННОЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Ольга Андреевна ГУРЕЕВА¹, Дарья Сергеевна ШЕРШЕНЕВИЧ²

¹ Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, olga-gur@yandex.ru

² Прокуратура города Великие Луки, Великие Луки, Псковская область, Россия, dashunya.shershenevich@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам судебного порядка запрета на распространение информации в сети «Интернет». Законодательство о запрете информации рассмотрено через призму эффективного способа защиты природных ресурсов, в частности водных биологических ресурсов. Проведен анализ действующих правовых норм и механизмов, регулирующих распространение информации, а также влияние рассматриваемой проблематики на экологическую безопасность государства и защиту окружающей среды. На основе правоприменительной практики сделан вывод о том, что в условиях активного использования интернет-ресурсов доступ к запрещенной информации может негативно сказаться на правосознании граждан, способствуя совершению правонарушений в сфере рыболовства и охраны водных биологических ресурсов.

Ключевые слова: административное судопроизводство, информация, водные биологические ресурсы, экологическая безопасность, запрещенные орудия добычи (вылова), сеть «Интернет»

Для цитирования: Гуреева О.А., Шершеневич Д.С. Признание информации запрещенной к распространению в сети «Интернет» как способ защиты водных биологических ресурсов // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 100 – 105.

© Гуреева О.А., Шершеневич Д.С., 2026

Original article

RECOGNITION OF INFORMATION AS PROHIBITED FOR DISTRIBUTION ON THE INTERNET AS A MEANS OF PROTECTING AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

Olga A. GUREEVA¹, Daria S. SHERSHENEVICH²¹ St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, olga-gur@yandex.ru² Prosecutor's Office of the city of Velikiye Luki, Velikiye Luki, Pskov region, dashunya.shershenevich@mail.ru

Abstract. The article discusses current issues concerning judicial procedures for protecting information on the Internet. Legislation governing the prohibition of information is examined as an effective method of protecting natural resources, particularly aquatic biological resources. The article analyses the existing legal norms and mechanisms regulating information distribution, as well as the impact of the issues under consideration on the environmental security of the state and environmental protection. Based on law enforcement practices, the authors conclude that in the context of active Internet usage, access to prohibited information may adversely affect citizens' legal awareness and encourage unlawful conduct in fishing practices and the protection of aquatic biological resources.

Keywords: administrative proceedings, information, aquatic biological resources, environmental safety, prohibited means of capture (fishing), Internet

For citation: Gureeva O.A., Shershenevich D.S. Recognition of information as prohibited for distribution on the Internet as a means of protecting aquatic biological resources. *Criminalist*. 2026;1(54):100-105. (In Russ.).

Российская Федерация обладает уникальными природными ресурсами, которые служат основой устойчивого и эффективного развития государства. Однако в использовании таких богатств кроется серьезная угроза как экологической, так и экономической безопасности государства. Нерациональное использование природных ресурсов подразумевает под собой процесс, выраженный в неограниченном и бесконтрольном их потреблении, что зачастую наносит непоправимый ущерб экосистеме и оказывает негативное влияние на жизнь общества.

Обращаясь к ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», отметим, что одним из основополагающих принципов хозяйственной и иной деятельности физических и юридических лиц, органов местного самоуправления,

а также органов государственной власти Российской Федерации является охрана, рациональное использование природных ресурсов и их воспроизводство¹.

Огромное влияние на биологические ресурсы оказывает деятельность по добыче (вылову) водных биоресурсов — рыболовство. Водные биологические ресурсы способны удовлетворять не только частные интересы отдельных граждан, но и экономические интересы страны в целом. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 года № 2567-р утверждена Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года,

¹ Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

направленная на обеспечение их динамичного развития¹.

Важное значение в рассматриваемой сфере имеет Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее — Закон о рыболовстве), который предписывает приоритет сохранения водных биоресурсов и их рационального использования².

В целях защиты и охраны водных биологических ресурсов указанный Закон предусматривает ограничения деятельности по добыче (вылову) водных биоресурсов, устанавливаемые федеральным органом исполнительной власти. Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 года № 694 «Об утверждении перечня запрещенных к ввозу на территорию Российской Федерации орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов» определены орудия лова, запрещенные к ввозу на территорию Российской Федерации, в числе которых электроловильные системы³.

При электролове поражающим фактором является электрический ток, при этом наносится значительный ущерб не только рыбе, но и всем живым объектам, находящимся поблизости точки поражающего воздействия.

¹ Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р : текст с изм. и доп. на 19 дек. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении перечня запрещенных к ввозу на территорию Российской Федерации орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов : Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 г. № 694 : текст с изм. и доп. на 26 апр. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Несмотря на запрет применения электроловильных систем, граждане так или иначе стараются обойти закон с целью удовлетворения своих потребностей, извлечения прибыли или без таковой. Приведем в качестве примера материалы уголовного дела, рассмотренного Ленинским районным судом Волгоградской области. Гражданин признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации, в связи с осуществлением незаконного вылова рыбы способом массового истребления водных биологических ресурсов, путем воздействия на них электрическим током при помощи электроприбора кустарного изготовления — электроудочки⁴.

В сети «Интернет» часто можно встретить сайты, содержащие предложения о покупке подобных электроудочек или же содержащие информацию об их самостоятельном изготовлении. Такого рода информация в связи с нарушением права каждого на благоприятную окружающую среду должна признаваться запрещенной к распространению в соответствии с главой 27.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ).

Понятие информации, запрещенной к распространению, законодательно не определено. Запреты на распространение и размещение информации в сети «Интернет» устанавливаются различными нормативными правовыми актами. В представленном выше случае такой запрет связан с нормой, предусмотренной ч. 4 ст. 26 Закона о рыболовстве, запрещающей ввоз на территорию Российской Федерации рыболовных сетей из синтетических материалов и электроловильных средств.

⁴ Апелляционное постановление Ленинского районного суда (Волгоградская область) от 7 марта 2017 г. по делу № 10-2/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cVEjB1WTPxZW/> (дата обращения: 05.10.2025).

В соответствии со сложившейся правоприменительной практикой административным истцом в рассматриваемой сфере правоотношений выступает прокурор [1]. Органы прокуратуры Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении законности и защиты прав и свобод граждан, выступая от имени государства. Прокурор обладает широким спектром полномочий, где фундаментальное значение имеет прокурорская проверка, осуществляемая в целях получения информации о нарушениях законов и их пресечения. В настоящее время Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26 августа 2019 года № 596 утверждена Инструкция о порядке рассмотрения уведомлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», в соответствии с которой прокурорам предписано проводить проверки исполнения законов об информации, информационных технологиях и о защите информации¹.

В ходе координационного совещания Генеральный прокурор Российской Федерации отметил тенденцию к снижению количества запрещенной информации в сети «Интернет» и эффективную работу прокуратуры. За 8 месяцев 2024 года в Роскомнадзор направлено 642 требования об ограничении доступа к противоправной информации (в 2023 году — свыше 1,2 тыс.). Заблокирован доступ либо удалена такая информация с 54,8 тыс. интернет-ресурсов (в 2023 году — 95,4 тыс.)². Однако число

¹ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 августа 2019 г. № 596 : текст с изм. и доп. на 24 марта 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Под председательством Игоря Краснова состоялось координационное совещание по

нарушений все равно остается значительным, что требует всеобъемлющего контроля.

Так, прокуратурой Куньинского района Псковской области проведена проверка в рассматриваемой сфере, по итогам которой подано административное исковое заявление в суд о признании информации, размещенной на сайте в сети «Интернет», запрещенной. «Прокуратура Куньинского района выявила нарушения закона об информации и ее защите на сайте, где посетителям предлагалось приобрести различные модели электродочек. Сайт не содержал никаких ограничений доступа для пользователей, в том числе по возрасту. При этом действующим законодательством предусмотрен запрет на осуществление добычи (вылова) водных биоресурсов с использованием электроловильных систем. „Таким образом, продажа электродочек оказывает негативное влияние на правосознание граждан, формирует искаженное представление о законных способах добычи водных биоресурсов. Незаконное распространение в сети Интернет указанной информации противоречит целям и задачам действующего законодательства о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов“», — сделали вывод в прокуратуре и обратились в суд с соответствующим административным исковым заявлением [2].

Согласно ст. 265.1 КАС РФ с административным исковым заявлением вправе обращаться и иные лица. При этом возникает вопрос, каким иным лицам предоставлено право обращения в суд в защиту своих нарушенных прав на благоприятную окружающую среду.

Анализ судебной практики дает понять, что граждане подают административным вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092> (дата обращения: 05.10.2025).

тивные исковые заявления в связи с нарушением их прав путем разглашения информации ограниченного доступа или иного неправомерного использования такой информации, ссылаясь на ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

Представляется, что по административным делам, касающимся запрета информации к распространению в связи с нарушением требований законодательства о рыболовстве и охране окружающей среды, административными истцами выступают соответствующие органы, в полномочия которых входит осуществление контрольно-надзорных функций в указанной сфере. Граждане, как правило, не выступают в качестве административных истцов по таким административным делам, что позволяет сделать вывод о том, что их нельзя отнести к категории «иные лица».

Несмотря на то что граждане не могут инициировать судебный порядок рассмотрения исследуемых административных дел, они так или иначе играют важную роль в защите и охране водных биологических ресурсов путем предоставления информации в уполномоченные органы, где ключевую роль играет именно прокуратура. Такое активное содействие граждан способствует эффективному выявлению незаконных действий нарушителей, непосредственному инициированию проверки сведений, поступивших от граждан, и привлечению виновных лиц к ответственности.

При установлении виновного лица возникают некоторые вопросы. Согласно ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ в административном исковом заявлении указываются сведения о лице, действия которого послужили поводом для обращения с та-

кого рода иском заявлением, только в случае его установления. Однако такая формулировка не способствует пониманию, кого именно следует привлекать в качестве административного ответчика, что приводит к практике привлечения ненадлежащего ответчика или вовсе отсутствию о нем каких-либо сведений. Исходя из такой формулировки, можно подумать, что привлечь в качестве ответчика можно и администратора доменного имени, и владельца сайта. Данная позиция, на наш взгляд, является ошибочной. В научной литературе также существует мнение, что нельзя привлекать в качестве ответчика технических посредников, в обязанности которых входит только обеспечение технической составляющей [3, с. 50]. Но стоит отметить, что такие лица могут оказать непосредственную помощь в доказывании виновности того или иного лица.

Доказательства по административному делу подразумевают под собой конкретные сведения о фактах совершения правонарушения. Однако нельзя говорить о достаточности таких доказательств. Исходя из материалов административных дел в рассматриваемой сфере, можно заключить, что в качестве таковых выступают: рапорт помощника прокурора об обнаружении факта нарушения требований законодательства в сфере информации, а также скриншоты сайтов с указанием их доменного имени с рабочего компьютера. В таком случае констатируем, что зачастую упускается возможность обращения к владельцам сайтов с требованием о предоставлении сведений о лице, разместившем запрещенную информацию, что позволяет нарушителям продолжать свою преступную деятельность.

Информация о продаже незаконных орудий лова, несомненно, подлежит блокировке, однако на практике возникает вопрос о блокировке видеообзоров и привлечении к ответственности лиц,

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : текст с изм. и доп. на 24 июня 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

демонстрирующих в таких видеоматериалах кустарное производство электроловильных приспособлений.

Согласно анализу судебной практики, наиболее распространенным основанием для признания информации запрещенной является нарушение запрета на распространение информации, создающей угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан и общества в целом, за распространение которой предусмотрена ответственность [4]. Получается, что суд, рассматривая дело о признании информации запрещенной к распространению, должен устанавливать нарушение запрета именно на распространение такой информации, а не запрета на осуществление какой-либо деятельности в нарушение требований законодательства. Например, зачастую суд признает информацию на сайте запрещенной к распространению, если деятельность, предусмотренная на сай-

те, не отвечает требованиям законодательства. По мнению некоторых исследователей, признание размещенной информации запрещенной на данном основании является необоснованным.

Однако, по нашему мнению, такие видеоматериалы также подлежат блокировке в связи с их демонстрацией и формированием искаженного правосознания о законных способах добычи водных биоресурсов.

Информация о продаже и создании незаконных орудий лова не только побуждает неопределенный круг лиц к совершению правонарушений и преступлений, создающих угрозу существованию водных биоресурсов, но и способствует нарушению федерального законодательства об охране окружающей среды, что требует незамедлительного пресечения и предупреждения совершения таких деяний в последующем.

Список источников

1. Бывальцева С.Г., Макарова Н.Г. Анализ законопроекта о внесении изменений в КАС РФ, касающихся порядка рассмотрения заявлений прокурора о признании запрещенной информации, распространяемой посредством сети «Интернет» // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 40 – 44.
2. Куньинская прокуратура просит суд признать запрещенной информацию об электроудочках // Псков. Великие Луки. Новости Пскова и Псковской области : сайт. URL: <https://pln-pskov.ru/society/417780.html> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Опалев Р.О. Проблемы ограничения доступа к информации в сети «Интернет» // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 448 – 52.
4. Воложанинова П.П. Проблема злоупотребления процессуальными правами при рассмотрении дел о признании информации в сети Интернет запрещенной к распространению в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 41 – 43.

Информация об авторах

О.А. Гуреева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Д.С. Шершеневич – помощник прокурора города Великие Луки Псковской области.

Information about the authors

O.A. Gureeva – Associate Professor at the Department of state and legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

D.S. Shershenevich – Assistant Prosecutor of the city of Velikiye Luki, Pskov region.

Научная статья
УДК 347.963

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРОК ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ

Алёна Александровна МИРОШНИКОВА

Прокуратура Оренбургской области, Оренбург, Россия, miroshnikova-pr@mail.ru

Аннотация. В статье приведены основные этапы развития института прокурорской проверки как важнейшего инструмента прокурорского надзора. Выделено четыре стадии проверки, отмечены их особенности применительно к историческим аспектам становления прокурорской деятельности в сочетании с существовавшими моделями функционирования государства и права. С учетом результатов проведенного анализа предпринята попытка формирования перспектив развития проверки с учетом специфики предъявляемых к прокурорской деятельности требований на современном этапе.

Ключевые слова: прокурор, проверка, историческое развитие, прокурорский надзор

Для цитирования: Мирошникова А.А. Некоторые вопросы возникновения и развития института проведения прокурором проверок исполнения законов // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 106 – 112.

Original article

SELECTED ISSUES REGARDING THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH LAWS

Alena A. MIROSHNIKOVA

Prosecutor's Office of the Orenburg region, Orenburg, Russia, miroshnikova-pr@mail.ru

Abstract. The article outlines the main stages of the development of the institution of prosecutorial inspection as a key instrument of prosecutorial supervision. The author distinguishes four stages of the inspection, analysing their distinctive features in relation to the historical development of prosecutorial supervision. This is examined in conjunction with the prevailing models of state and legal organisation. Based on the analysis conducted, an attempt is made to outline potential directions for the future development of prosecutorial supervision, taking into account the evolving requirements currently imposed on prosecutorial activity.

Keywords: prosecutor, inspection, historical development, prosecutorial supervision

For citation: Miroshnikova A.A. Selected issues regarding the emergence and development of the institution of prosecutorial supervision over compliance with laws. Criminalist. 2026;1(54):106-112. (In Russ.).

Система органов надзора за исполне-
нием законов присуща определенному

этапу развития общества и государства,
связанному с появлением институтов

© Мирошникова А.А., 2026

защиты прав граждан, совершенствованием системы органов государственной власти и управления.

Исследование развития отдельных средств прокурорского надзора приводит к пониманию, что каждый этап — это новая веха со своими механизмами и целями, но с отражением общего смысла существования прокуратуры — обеспечение законности и правопорядка. Такой подход позволяет прогнозировать изменение рассматриваемого института в будущем.

В настоящей статье выделены четыре этапа формирования института проведения прокурором проверки исполнения законов, которые отражают смену общественно-политических систем, концепций роли прокурора и методов надзора: дореволюционный, советский, постсоветский, современный.

Предпосылки возникновения прокуратуры в Российском государстве, в частности осуществления ее функций, начинают складываться задолго до 12 января 1722 года. Поиск же механизмов эффективного надзора связан с формированием централизованного государства.

Судебник 1497 года устанавливает надзор за деятельностью наместников и волостелей как путем привлечения к данной работе «целовальников», по-другому называемых «лучшими людьми», так и путем надзора за их деятельностью со стороны Боярской думы.

В середине XVI века создаются губные и земские органы, которые приходят на смену кормлений. При Иване Грозном появляется понятие «опричнина», сложное в своих проявлениях и не отражающее надзор в чистом виде, но проецируемое как система «высшего надзора», направленного на искоренение недовольства деятельностью центральной и местной власти [1, с. 7].

Постепенно создается сеть фискальных органов с двумя основными задачами — борьба с преступностью

и единообразное применение законов. В.Н. Муравьев полагал, что фискалат как более низкая форма организации надзора не выдержал конкуренции с возникшей прокуратурой, вобравшей от него все полезное [2, с. 263].

Учрежденная Петром I прокуратура частично восприняла опыт Франции и Швеции.

Направленность прокуратуры дореволюционного периода сводится к недопущению нарушения незыблемости царской власти, осуществлению обвинительной функции, а также к участию в рассмотрении судебных дел разных категорий, на отдельных этапах — надзору за судами и адвокатурой, уголовному преследованию по государственным преступлениям.

Дореволюционному периоду прокурорского надзора, и института прокурорской проверки в частности, присуща основная черта — осуществление царской воли. Отличительной особенностью данного этапа является расширенный субъектно-объектный состав реализации надзорных функций — от органов государственного управления до судебной власти и адвокатуры.

Рассматриваемый этап исторического развития прокуратуры не отражает специфику прокурорской проверки, а создает предпосылки для совершенствования рассматриваемого средства прокурорского надзора.

Сам термин «прокурорская проверка» появился в советский период, ранее в традиционном понимании данный термин не существовал. В юридической науке термин «прокурорская проверка», как правило, связывается с понятием «общего надзора» прокуратуры, которому в данное время уделяется особое внимание.

Как верно отмечала С. Березовская, «основная, органическая функция прокуратуры, общий надзор является кровным детищем Октябрьской революции

и почти не имеет корней в прошлом» [3, с. 24].

Активные исследования содержания понятия «прокурорская проверка» начались еще в 1950-е годы. В частности, Г. Торопов отмечал, что прокурорская проверка является основным методом осуществления высшего надзора за исполнением законов, ее задача — установление нарушений законности, выяснение причин и условий, порождающих эти нарушения; выявление должностных лиц, виновных в нарушении закона, их пособников и попустителей, чтобы в результате проверки можно было принять меры не только к наказанию лиц, виновных в нарушении закона, но и к ликвидации нарушений законности, к устранению причин и условий, порождающих беззаконие [4, с. 60].

С мнением Г. Торопова можно согласиться, поскольку мы не встречаем ранее более обоснованных точек зрения по рассматриваемому вопросу.

На данном этапе развития института прокурорской проверки определяется и ее субъектно-объектный состав, приближенный к современному, но все-таки отличающийся в соответствии с веяниями времени.

В частности, среди субъектов прокурорской проверки выделяются граждане, суды, в последующем исключенные из реализации прокурорской функции.

Советский период представляется основополагающим в становлении прокурорской проверки. И здесь всецело получили проявление базовые функции проверочных мероприятий, связанные не только с обеспечением выявления нарушений законов и наказания виновных, но и с предупреждением повторного допущения нарушений.

При этом в теории и законодательстве о прокуратуре советского периода прокурорская проверка исполнения законов не выделялась среди правовых средств

прокурорского надзора. Она традиционно рассматривалась в одном ряду с требованием для проверки соответствия закону приказов, инструкций, распоряжений и иных актов от руководителей министерств, государственных комитетов, ведомств, прочих учреждений и должностных лиц, получением объяснений и другими способами выявления обстоятельств правонарушения [5, с. 5].

По более радикальному мнению деятели прокуратуры, такие как А.Я. Вышинский, превратили прокуратуру из органа надзора за законностью в один из карательных органов диктатуры наряду со службой безопасности, милицией, судами и др. [1, с. 5]. Данная позиция не отражает ключевой особенности прокурорской деятельности на любом этапе существования прокуратуры — надведомственный характер, заключающийся не в функции исполнительной власти, а в реализации надзорных полномочий в различных сферах с применением специальных правовых и организационно-методических средств.

На постсоветском этапе своего развития, начало которого следует связывать с принятием Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», прокурорская проверка претерпела изменения в соответствии с пересмотром функций и методов прокурорской деятельности (исключение граждан из числа объектов надзора, невмешательство в хозяйственную деятельность и др.).

Прокурорская проверка относилась к числу наименее изученных средств прокурорского надзора в связи с неопределенностью с достаточной четкостью ее места, значения в системе прокурорской деятельности, неясностью содержания и порядка осуществления, тактики и методики, поскольку законодательство лишь в самых общих чертах определяло порядок и условия ее производства [5, с. 2].

В частности, Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в первоначальной редакции устанавливал полномочия прокурора по проведению проверки, обязательность требований прокурора для исполнения и регламентировал некоторые вопросы организации проверочных мероприятий (обеспечение доступа на территории и в помещения, право требования предоставления документов, материалов, статистических и иных сведений, проведения ревизий и др.). Однако порядок и сроки фактических действий прокурора при проведении проверочных мероприятий на рассматриваемом этапе законодательно не урегулированы и оставлены на усмотрение прокурора в рамках его полномочий.

С одной стороны, такое положение дел позволяло прокурору действовать свободно исходя из целей прокурорского надзора, с другой — в ряде случаев приводило к злоупотреблениям и необоснованному вмешательству, что и потребовало внесения корректив на законодательном уровне.

Четвертый этап развития прокурорской проверки ознаменован принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 17 февраля 2015 года № 2-П, в котором сделаны выводы об обоснованности полномочия прокурора требовать при проведении проверок безусловного предоставления необходимых документов и материалов, статистических и иных сведений; о необходимости вынесения прокурором мотивированного решения о проведении проверки, ограниченности срока проверки; сформулирован ряд иных положений, повлиявших на дальнейшую правовую регламентацию прокурорской проверки [6].

Основной чертой данного периода развития прокурорской проверки надлежит отметить законодательную ре-

гламентацию процедур ее проведения и подготовительных мероприятий в ст. 6, 21, 22 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: направление запросов о предоставлении информации, принятие решения о проведении проверки, составление итоговых документов (акт проверки, в ходе которой не выявлено нарушений законов).

Отдельным особенностям проведения прокурорской проверки на современном этапе посвящены работы ряда авторов: В.Г. Бессарабова, А.Ю. Винокурова, О.Н. Коршуновой, Н.В. Субановой, М.С. Андрианова, Н.Д. Бут и других, исследовавших как понятие, содержание прокурорской проверки, так и отдельные аспекты методики и тактики ее проведения в различных сферах прокурорского надзора.

При этом, по нашему мнению, наиболее полное понятие прокурорской проверки изложено О.Н. Коршуновой: с одной стороны, это способ выявления нарушений законодательства, с другой — полномочие прокурора по надзору за точным и единообразным исполнением законов [7, с. 11].

А.Ю. Винокуров подчеркивает, что проверка является комплексным правовым средством, поскольку представляет собой совокупность осуществляемых мероприятий, основанных на применении конкретным прокурором полномочий, установленных законом [8, с. 444].

Проверочные мероприятия — термин более узкий, определяющий отдельные этапы прокурорской проверки. По общему правилу, это запрос информации, выход на место, изучение документации, подготовка актов прокурорского реагирования и др.

В зависимости от сферы осуществления прокурорского надзора проверка приобретает определенные спецификой данной сферы черты и особенности.

Например, проверка исполнения трудового законодательства включает инструменты выявления нарушения сроков выплаты заработной платы, привлечения специалистов соответствующего профиля. Проверка исполнения законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства предполагает механизмы выявления нарушений при установлении тарифов, подготовке к отопительному сезону.

Свои особенности имеют проверки исполнения законов органами следствия и дознания, органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Проверка присуща преимущественно осуществлению прокурором надзорных функций, однако со своими особенностями реализуется и при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, реализации права на обжалование судебных актов в соответствии с регламентированными законодательством и приказами Генерального прокурора Российской Федерации процедурами.

В зависимости от сферы проведения проверки различаются ее субъектно-объектный состав, поводы и основания проведения.

В настоящее время прокурорская проверка призвана защитить права и свободы граждан, не допустить неправомерного расходования бюджетных средств, неэффективного распоряжения государственным имуществом, обеспечить состояние законности в государстве.

С учетом исторического контекста необходимо выделить некоторые перспективы развития института проверки.

1. Углубление ориентации на соблюдение основных прав человека и гражда-

нина. Данное направление становится приоритетным в связи с развитием новых территорий, значимостью обеспечения населения важнейшими благами и государственной защитой.

Соответствующий вывод нашел отражение в докладе Генерального прокурора Российской Федерации Совету Федерации о проделанной работе за 2024 год. Глава надзорного ведомства говорил о содействии экономическому развитию Донбасса и Новороссии, об актуальности соблюдения трудовых прав граждан, обеспечения надлежащей работы жилищно-коммунального хозяйства, образовательных и иных социальных учреждений [9]. И статистика результатов деятельности прокуроров подтверждает данный вывод: за 2022 и 2023 годы прокурорами выявлено по 2,4 млн нарушений прав и свобод граждан ежегодно, за 2024 год – 2,5 млн нарушений.

2. Активное использование возможностей искусственного интеллекта и цифровых технологий обработки данных, позволяющее оптимизировать процесс получения прокурором необходимой для оперативной проверки информации, в том числе удаленно, путем межведомственного взаимодействия с уполномоченными органами.

Так, в настоящее время расширены возможности прокурора при получении информации посредством информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, способствующей быстрому получению интересующих прокурора сведений без необходимости направления требований и запросов в традиционном порядке.

Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации ведет к активному использованию прокурорами доступных баз данных, о чем свидетельствует рост количества запросов о предоставлении инфор-

мации. Например, органами прокуратуры Оренбургской области в 2022 году посредством ИС МЭВ направлено 86 тыс. запросов, в 2024 году — 199 тыс., на сентябрь 2025 года — 217 тыс.

По мнению автора, перспективным представляется укрупнение действующих электронных систем с созданием в них данных для выявления взаимосвязей между объектами проверки — гражданами и юридическими лицами.

В последующем целесообразно развитие межведомственного взаимодействия прокурора с уполномоченными органами для обеспечения проведения отдельных этапов проверки в удаленном режиме. Например, предоставление специалистам дистанционного доступа к полученным в результате прокурорской проверки данным (не требующим лабораторных и очных исследований) в целях предметной оценки и формирования соответствующих выводов о нарушениях законодательства.

Пределами использования современных технологий видится расширение доступа прокурора к информационным данным при одновременном неукоснительном соблюдении требований по их защите и усилении информационной безопасности.

3. Предложенное рядом авторов (В.К. Артеменков [10, с. 23] и др.) расширение круга проверяемых объектов и сфер деятельности, включая осуществление проверки физических лиц в определенных, связанных с социально значимыми правами граждан, случаях.

С учетом введения налога на профессиональный доход и самозанятости

расширение возможностей прокурора приобретает особое значение для обеспечения законности.

Таким образом, возникновение и развитие института проведения прокурором проверок исполнения законов неразрывно связано с нарастанием необходимости обеспечения правопорядка и соблюдения законности в государстве. Этот институт начал формироваться в дореволюционный период развития государства, где роль государственных контролирующих органов со становлением публичной власти постепенно усиливалась. В России институт прокурорских проверок вырос из надзорных функций, закрепленных в законодательстве XVIII — XIX веков, правовых норм о надзоре за исполнением законов. В советский период этот институт стал важной составляющей системы государственного контроля, что обеспечивало стабильность и единство правового поля. В постсоветское время процессы реформирования и модернизации системы прокурорского надзора привели к более упорядоченным процедурам проведения проверок и в итоге — к их законодательному урегулированию. Сегодня этот институт включает использование современных технологий, аналитики данных и превентивных мер, делая его более эффективным и комплексным инструментом обеспечения соблюдения законности. Развитие института проверки привело к укреплению системы правового государства, где прокурор выступает гарантом законности и соблюдения прав граждан.

Список источников

1. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 216 с.
2. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : Пособие для прокурорской службы. Москва : Унив. тип. 1889. 554 с.
3. Березовская С. Прошлое и настоящее общего надзора // Социалистическая законность. 1937. № 6. С. 24 — 27.

4. Торопов Г. Проверка исполнения законов // Социалистическая законность. 1950. № 6. С. 60–65.
5. Ломовский В.Д. Прокурорская проверка исполнения законов : учеб. пособие. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1993. 76 с.
6. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр „Мемориал“», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / О.Н. Коршунова, Е.А. Бурмистрова, И.И. Головки [и др.] ; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстиция, 2019. 240 с.
8. Винокуров А.Ю. Избранные статьи. В 3 т. Т. 2. Москва : [б. и.], 2017. 514 с.
9. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://epg.genproc.gov.ru/web/gprt/mass-media/interviews-and-presentations?item=106652895> (дата обращения: 31.08.2025).
10. Артеменков В.К. Физические лица как объекты прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Законность. 2017. № 11. С. 23–27.

Информация об авторе

А.А. Мирошникова – прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Оренбургской области, аспирант Санкт-Петербургского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A.A. Miroshnikova – Prosecutor at the Department for supervision over the implementation of anti-corruption legislation of the Prosecutor's Office of the Orenburg region, Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 340.114

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Елена Евгеньевна НОВОПАВЛОВСКАЯ

*Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева,
Самара, Россия, novopavlovskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые механизмы укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей как фундамента национальной идентичности и государственного суверенитета. Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств, в том числе ростом в современных реалиях потребности в консолидации общества на основе исторически сложившихся ценностных ориентиров в условиях глобализации, информационных вызовов и угроз, а также трансформации социокультурных норм; провозглашением на конституционном уровне положений о защите традиционных ценностей; возрастанием значимости ценностной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности современной России и преемственности поколений; необходимостью системного конституционно-правового регулирования сферы духовно-нравственного воспитания и образования. Автор проводит анализ конституционно-правовой основы укрепления традиционных ценностей, характеризует эволюцию правового регулирования, а также выявляет ключевые правовые инструменты и направления государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: Конституция, поправки, угрозы и вызовы, национальная безопасность, духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Новопавловская Е.Е. Конституционно-правовые основы укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 113 – 120.

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR STRENGTHENING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Elena E. NOVOPAVLOVSKAYA

*Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara, Russia,
novopavlovskaya@gmail.com*

Abstract. This article explores the constitutional and legal mechanisms for strengthening traditional Russian spiritual and moral values as the foundation of national identity and state sovereignty. The relevance of this topic is determined by a number of factors, including the growing need in contemporary realities to consolidate society on the basis of historically established value orientations in the face of globalization, information challenges, and shifting socio-cultural norms. Furthermore, the constitutional recognition of traditional values, the rising importance of value-based policies for national security of modern Russia and intergenerational continuity, and the need for comprehensive constitutional and legal frameworks for spiritual and moral education

---

© Новопавловская Е.Е., 2026

all play a crucial role. The author examines the constitutional and legal basis for strengthening traditional values, characterizes the evolution of legal regulation in this area, and identifies key legal tools and state policy directions aimed at preserving and enhancing traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: Constitution, amendments, threats, challenges, national security, spiritual and moral values

For citation: Novopavlovskaya E.E. Constitutional and legal foundations for strengthening traditional Russian spiritual and moral values. *Criminalist*. 2026;1(54):113-120. (In Russ.).

В постсоветский период наблюдалась тенденция к усилению с каждым годом нестабильности в мире, росту радикальных и экстремистских настроений, что привело к серьезным негативным последствиям, в числе которых разрушение традиционных ценностей, под которыми понимаются идеи, обоснования и убеждения, формирующие наше видение мира, решения и отношения с окружающими. Именно традиционные ценности определяют поведение людей в конкретных жизненных ситуациях, выступая в качестве своеобразного нравственного ориентира, «компас», фундамента национальной идентичности, формирующего мировоззрение граждан. Чтобы не «сбиваться с курса», общество использует такие категории, как справедливость, добро, зло, мораль, нравственность и др., которые помогают людям выстраивать и оценивать свое поведение. Лучшие из них, воплощающие в себе идеалы общечеловеческих ценностей, накопленные веками, вобравшие в себя опыт и мудрость предков, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа, называют традиционными ценностями. Подчеркивая их теоретическую и практическую значимость, ученые с интересом дискутируют о различных аспектах традиционных ценностей: о понятийном аппарате и видах ценностей [1, с. 20 – 24; 2, с. 33 – 38; 3, с. 3 – 7], правовой регламентации и направлениях законодательного реформирования в данной сфере [4, с. 58 – 65; 5, с. 5 – 10;

6, с. 4 – 8], государственной политике по укреплению и сохранению традиционных ценностей [7, с. 5 – 8], в том числе защите традиционных духовно-нравственных ценностей в рамках различных отраслей российского права [8, с. 32 – 37; 9, с. 16 – 19], и др.

Понимают и осознают серьезность последствий разрушения традиционных ценностей представили не только научного сообщества, но и властных структур государства, которые предпринимают различные по своему содержанию меры правотворческого и правоприменительного характера, направленные на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Именно поэтому в последние годы задача по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей транслируется положениями различных законов и подзаконных правовых актов, регламентирующих разнообразные сферы общественных отношений (например, Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 15 октября 2025 года) «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 года) «О молодежной политике в Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 (ред. от 17 июля 2025 года) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» и др.). Нередко подобная задача рассматривается через призму необходимости повышения уровня национальной безопасности, например в Указе

Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Указ № 400).

Справедливости ради заметим, что часть традиционных духовно-нравственных ценностей изначально была предусмотрена еще в 1993 году в тексте Конституции Российской Федерации. Например, в ее преамбуле используются такие категории и конструкции, как «память предков», «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость», «ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями» и др.

Внесенные в 2020 году поправки в Конституцию Российской Федерации расширили перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, провозглашенных с этого момента на конституционном уровне. В частности, среди таковых появились патриотизм, гражданственность и уважение к старшим (ч. 4 ст. 68), историческая память, исторически сложившееся государственное единство, преемственность поколений (чч. 2—4 ст. 67.1), крепкая семья и традиционные семейные ценности (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации) и др.

Президент Российской Федерации в своем Указе № 400 подчеркивает, что человечество столкнулось с серьезной проблемой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, что ставит под угрозу полноценное и эффективное обеспечение национальной безопасности. Возникла реальная необходимость в проведении дальнейших законодательных корректировок в части закрепления видов традиционных ценностей, а также унификации направлений их защиты посредством укрепления гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, межнационального и межконфессионального

согласия; сохранения самобытности многонационального народа Российской Федерации; защиты исторической правды и сохранения исторической памяти; укрепления института семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян; реализации государственной информационной политики по усилению в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей; формирования неприятия гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения; развития системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству; поддержки проектов по патриотическому воспитанию, сохранению исторической памяти и культуры народов России; укрепления культурного суверенитета Российской Федерации и сохранения ее единого культурного пространства и др.

Уже в 2022 году Президент Российской Федерации издает Указ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее — Указ № 809) в качестве базового документа стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России, определяющего инструментарий реализации стратегического национального приоритета «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указы Президента Российской Федерации № 400 и № 809 предусматривают такие традиционные цен-

ности, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Обратим внимание, что большая часть из перечисленных ценностей нашла отражение в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 года № 611 (ред. от 17 ноября 2022 года). Однако с сожалением признаем, что, закрепляя перечень этих ценностей в различных нормативных правовых актах, российский законодатель не конкретизирует многие из них, отсутствует четкий понятийный аппарат и точные юридические трактовки отдельных видов ценностей. Полагаем, что подобный законодательный пробел подлежит устранению.

Проведение единой государственной политики в исследуемом направлении обеспечивает возможность защищать суверенитет, сплотить многонациональный российский народ, поскольку традиционные ценности понятны всем независимо от национальности, вероисповедания, языка и иных критериев. Как точно отмечает по этому поводу Президент Российской Федерации В.В. Путин, «...само существование России — гарантия того, что мир сохранит свою многоцветность, многообразие, сложность, и это залог успешного развития... Мы никому ничего не навязываем и не будем этого никогда делать... Мы руководствуемся своими ценностями, интересами и представлениями о должном, которые укоренены в нашей идентичности, истории и культуре» [10].

Сохранение и укрепление традиционных ценностей требуют консолидации усилий государства и общества, поэтому представляет интерес отношение населения к этим ценностям и их защите. По данным социологического опроса, проведенного в июле 2025 года Всероссийским центром изучения общественного мнения, большинство респондентов разных возрастных групп относят к традиционным ценностям крепкую семью, историческую память и преемственность, жизнь, права и свободы человека, единство народов России. Наименее популярными ценностями, по мнению опрошенных, являются созидательный труд и коллективизм.

Результаты опроса показали, что именно семья является главной ценностью для всех категорий опрошенных. Этот социальный институт важен почти для каждого человека вне зависимости от пола, национальности, вероисповедания, идеологических и политических взглядов. При этом важно отметить, что в понятие «семья» респонденты вкладывают разный смысл. Большинство опрошенных (57 %) идеальной семьей назвали традиционную полную семью с детьми или даже многодетную семью. На втором месте (48 %) расположился ответ тех, кто выделил любовь, дружбу, взаимоуважение и иные эмоциональные связи между членами семьи. Приоритет материального благосостояния выделили всего лишь 19 % опрошенных, 15 % назвали идеальной семьей, состоящую из трех поколений, 5 % опрошенных указали, что традиционная семья построена на идеале патриархальной семьи и предполагает хорошее воспитание и образование детей [11].

Анализ мнений респондентов относительно иных традиционных духовно-нравственных ценностей показывает, что молодежь зачастую делала акцент на самореализации и дружбе, но без потери семьи как связующего ядра. Однако

с возрастом акценты опрошенных смещались в сторону государственно-идентичных ориентиров.

Такая картина может быть вызвана стремлением молодых людей самоутвердиться за счет провозглашения собственных ценностей. Это же можно расценивать как проявление конфликта отцов и детей и юношеского максимализма последних. Полагаем, что не стоит сильно переживать по этому поводу, поскольку с возрастом у человека меняется мировоззрение, происходит переоценка своих убеждений.

За сохранение традиционных ценностей высказалось большинство каждой из групп опрошенных: 61 % — поколение цифры, 80 % — миллениалы, 88 % — реформенное поколение, 89 % — поколение застоя, 93 % — поколение оттепели [11].

Интерес представляет также мнение опрошенных по вопросу о готовности следовать ценностям даже вопреки обстоятельствам. Среди поколения цифры такую готовность выразили 43 % опрошенных, среди миллениалов — 53 %, реформенного поколения и поколения оттепели — по 71 %, поколения застоя — 75 % [11].

Констатируем, что абсолютное большинство каждой из групп респондентов выступает за сохранение традиционных ценностей. При этом наблюдается и уже указанная выше тенденция к уменьшению их популярности у молодежи. Такие показатели позволяют признать, что у страны имеется неплохой фундамент для проведения эффективной государственной политики по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, позволяющей защищать суверенитет России, обеспечивать народное единство, противодействие распространению деструктивной идеологии, а также формировать на международной арене образ Российского государства как хранителя и защитника

традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. В конечном счете все это призвано обеспечивать безопасность личности, общества и государства. Однако для этого необходимо также четкое понимание того, какие угрозы существуют сегодня для традиционных ценностей и как им следует противостоять.

В целях практической реализации Указа Президента Российской Федерации № 809 Правительством Российской Федерации разработан и утвержден План мероприятий по реализации в 2024—2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Распоряжение от 1 июля 2024 года № 1734-р), предусматривающий:

образование специализированных советов по защите традиционных ценностей. Уйдем от нормативной фиксации такого направления в практическое русло. Прошло всего несколько месяцев и уже 25 марта 2025 года состоялось первое заседание подобного совета, на повестке которого стояли вопросы реализации Указа Президента Российской Федерации № 809. В частности, был представлен проект А. Пожилаевой «Мы — Россия. 17 ценностей», направленный на повышение популярности традиционных ценностей среди молодежи [12];

проведение мероприятий по консолидации усилий российского общества в целях противодействия попыткам принизить значимость российской культуры, дискредитировать традиционные российские духовно-нравственные ценности. Сегодня в этом направлении сделано уже достаточно много. Приведем некоторые примеры. В 2022 году в образовательных учреждениях основного общего образования были введены принципиально новые уроки «Разговоры о важном», в ходе которых обучающимся рассказывают о важности традицион-

ных ценностей, освещаются некоторые аспекты истории в контексте исторического наследия и памяти и др. Особую значимость такие уроки представляют для обучающихся младших классов, у которых только начинает формироваться система мировоззрения. Помимо этого знания о значимости традиционных ценностей обучающиеся получают в рамках учебных курсов «История», «Обществознание» и др. На уровне высшего образования обучающимся различных направлений подготовки и специальностей увеличено количество лекционных часов по дисциплине «История России», а также введен новый курс «Основы российской государственности», модули которого предусматривают детальную характеристику отдельных традиционных духовно-нравственных ценностей. Стоит также выделить работу с представителями молодежи вне образовательных учреждений. Современная система образования, стремясь вобрать все лучшее, что было создано ранее, сформировала систему движений для обучающихся: «Орлята России», «Движение первых», «Российское движение школьников», «Российский союз молодежи» и др. Вступают в эти организации добровольно и весьма активно, поскольку они предлагают широкий спектр мероприятий, дополнительных достижений по развитию личностных навыков. Несомненно, система образования вносит значительный вклад в реализацию государственной политики в исследуемой нами сфере, поскольку дети и молодежь — это будущее нашей страны.

Следует сказать также об активно реализуемых сегодня проектах, например проекте «Моя история», направленном на оказание помощи населению в ознакомлении с историей своей семьи посредством выстраивания генеалогического древа и осознания неразрывной связи конкретной семьи с историей страны [13]. В рамках мероприятий данной

группы реализуются иные проекты и проводятся конкурсы, например Всероссийский конкурс «Семья года» в нескольких номинациях (в том числе «Семья — хранитель традиций», в которой представлены профессиональные династии и хранители национальных традиций, «Семья защитника Отечества» и др.), а также проект «Многодетная Россия», призванный улучшить качество жизни семей с детьми, сформировать позитивный образ многодетных семей. Проект «Многодетная Россия» включает в себя форум «Многодетная Россия» для семей с тремя и более детьми и Всероссийский спортивный фестиваль «Здоровая семья — сильная Россия» [14];

проведение мероприятий по поддержке проектов, направленных на продвижение традиционных ценностей в сети «Интернет», средствах массовой информации и книжной индустрии — ярким примером является Всероссийский патриотический форум, организаторами которого выступают ФГБУ «Роспатриотцентр» Росмолодёжи, Российское общество «Знание», «Движение первых», ВВПОД «Юнармия». Его цель заключается в укреплении духовно-нравственных ценностей, развитии патриотизма, укреплении исторической памяти, осмыслении героического прошлого и настоящего России. Форум проводится по нескольким номинациям: «Александр Невский» (борьба за историческую справедливость), «Александр Суворов» (развитие методик патриотического воспитания), «Георгий Жуков» (сохранение памяти о Великой Отечественной войне), «Нурмагомед Гаджимагомедов» (реализация патриотического воспитания на практике [15];

проведение мероприятий по противодействию излишнему использованию иностранной лексики в публичном пространстве, произведениях литературы и искусства, СМИ, образовательной и просветительской деятельности и др.

В завершение констатируем конституционную легитимацию традиционных ценностей, поскольку поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года институционализировали ценности как элемент конституционного строя и связали их с исторической преемственностью и государственным суверенитетом. Стала формироваться полноценная конституционно-правовая основа для защиты традиционных ценностей и продвижения их на всех уровнях публичной власти. Однако такая защита и продвижение должны носить системный характер, а значит, должна проводиться дальнейшая серьезная работа по трансформации права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей [7, с. 7–8], которые в современных сложных реалиях действительности необходимы для сплочения российского общества и поддержания его морального облика. В этой связи интерес представляет предположение ученых (например, А.А. Мохова) о принятии в развитие Указа Президента Россий-

ской Федерации № 809 одноименного федерального закона [см. подробнее: 5, с. 5–10].

Для противодействия угрозам традиционным российским духовно-нравственным ценностям государство реализует комплекс разноплановых мероприятий в области образования, науки, культуры, межнациональных и межрелигиозных отношений, коммуникаций, международного сотрудничества и др., что требует консолидации усилий государственных и негосударственных институтов. Ее целями среди прочего являются передача традиционных ценностей от поколения к поколению, формирование образа России как хранительницы и защитницы традиционных ценностей. Однако всегда следует помнить и учитывать тот факт, что эффективность реализации всех направлений государственной политики по укреплению традиционных ценностей зависит от сбалансированности правотворчества, вовлеченности общества и различных институтов, мониторинга последствий реализуемых мер.

Список источников

1. Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20–24.
2. Вавилин М.В. К вопросу определения патриотизма как правовой категории // Юрист. 2024. № 1. С. 33–38.
3. Пермиловский М.С. Права человека в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 8. С. 3–7.
4. Махина С.Н. Правовое оформление традиционных ценностей: значение, проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 58–65.
5. Мохов А.А. От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. 2024. № 8. С. 5–10.
6. Чеботарев Г.Н. Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 4–8.
7. Мохов А.А. Государственная политика в сфере культуры, направленная на обеспечение сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: правовой взгляд // Современное право. 2024. № 6. С. 5–8.
8. Фиошин А.В. О защите традиционных духовно-нравственных ценностей России в контексте медицинского и семейного законодательства // Нотариус. 2025. № 3. С. 32–37.

9. Кашкина Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны. Часть первая // Российский судья. 2024. № 9. С. 16–19.

10. Выступление В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/990692> (дата обращения: 15.11.2025).

11. Традиционные ценности: ожидание и реальность. 08 июля 2025 // ВЦИОМ. Новости : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 15.11.2025).

12. Национальная политика : информационный портал. URL: <https://национальнаяполитика.рф/news/969> (дата обращения: 15.11.2025).

13. Всероссийский проект «Моя история» : сайт. URL: <https://may9.ru/events/vserossiyskiy-proekt-moia-istoriya> (дата обращения: 15.11.2025).

14. Всероссийский конкурс «Семья года» // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : сайт. URL: [https://fond-detyam.ru/sobytiya-fonda/vserossiyskiy_konkurs_semya_goda/18072](https://fond-detyam.ru/sobytiya-fonda/vserossiyskiy-konkurs-semya_goda/18072) (дата обращения: 15.11.2025).

15. Всероссийский патриотический форум // Роспатриотцентр : сайт. URL: <https://rospatriotcentr.ru/projects/vserossiyskiy-patrioticheskii-forum/> (дата обращения: 15.11.2025).

Информация об авторе

Е.Е. Новопавловская – доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.E. Novopavlovskaya – Associate Professor at the Department of public and municipal administration, Samara National Research University named after S.P. Korolev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)

Владимир Михайлович РЕДКОУС

*Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
rwmmos@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению организационно-правовых мер, которые принимаются в рамках совершенствования государственного управления в целях повышения эффективности деятельности по борьбе с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий. На примере Республики Узбекистан показана важность четкого распределения полномочий между государственными органами в рассматриваемой сфере, необходимость принятия комплексных решений правового, организационного, научного, пропагандистского, воспитательного характера, что позволит добиться наилучшего результата. Дан ряд предложений по учету положительного зарубежного опыта в российских условиях.

Ключевые слова: государственное управление, национальная безопасность, информационные технологии, кибербезопасность, организационно-правовые меры, правонарушения, киберпреступления, административные правонарушения, повышение киберкультуры населения, научное обеспечение, органы внутренних дел, органы прокуратуры, органы государственной безопасности, сравнительное правоведение

Для цитирования: Редкоус В.М. Актуальные направления совершенствования борьбы с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий (опыт Республики Узбекистан) // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 121 – 128.

Original article

PRIORITY DIRECTIONS FOR IMPROVING MEASURES TO COUNTER OFFENCES COMMITTED BY MEANS OF INFORMATION TECHNOLOGIES (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)

Vladimir M. REDKOUS

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
rwmmos@rambler.ru*

Abstract. The article discusses organizational and legal measures being implemented to improve public administration and enhance the effectiveness of combating offences committed by using information technologies. The example of the Republic of Uzbekistan illustrates the importance of a clear delineation of powers among state authorities in this area, as well as the necessity of adopting comprehensive legal, organizational, scientific, propagandistic, and educational solutions to achieve optimal results. The author offers recommendations for incorporating positive foreign experiences into the Russian context.

© Редкоус В.М., 2026

Keywords: public administration, national security, information technologies, cybersecurity, organizational and legal measures, offences, cybercrimes, administrative offences, enhancement of public cyberculture, scientific support, internal affairs agencies, prosecutorial agencies, state security agencies, comparative law

For citation: Redkous V.M. Priority directions for improving measures to counter offences committed by means of information technologies (experience of the Republic of Uzbekistan). *Criminalist*. 2026;1(54):121-128. (In Russ.).

В государствах — участниках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) возрастающее значение приобретает деятельность по обеспечению кибербезопасности, важнейшей составляющей которой выступает борьба с правонарушениями, как преступлениями, так и административными правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий. О.И. Лепешкина в своей статье делает обоснованный вывод о том, что киберпреступность является серьезнейшей угрозой национальной безопасности [1, с. 65 — 69], с которой необходимо бороться всеми имеющимися средствами организационно-правового характера.

В качестве страны, меры которой по борьбе с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий, предлагается рассмотреть, не случайно выбрана Республика Узбекистан. Ее правовая система значительно трансформировалась в связи с проводимыми реформами системы государственного управления [2, с. 130 — 136], затронувшими все области жизнедеятельности страны [3, с. 190 — 193], о чем говорится в ряде работ автора. Опыт Республики Узбекистан может быть востребован как в Российской Федерации, так и в иных государствах — участниках СНГ. Российские ученые не сидят сложа руки и достаточно активно разрабатывают данную проблематику по самым различным направлениям. В частности, следует обратить внимание на работы О.В. Зиборова, Н.Т. Джафаровой [4, с. 200 — 202], А.С. Дугенец, Н.Г. Канунниковой [5, с. 23 — 29], В.Н. Амельчаковой,

А.Н. Кокорева [6, с. 181 — 186], О.И. Семькиной [7, с. 104 — 113] и ряда других авторов. Однако многоаспектность и сложность научных задач требуют продолжения и углубления начатых исследований.

В Республике Узбекистан Указом Президента от 24 мая 2023 года № УП-76 были утверждены Приоритетные направления деятельности Министерства цифровых технологий, Основные направления цифровизации сфер, отраслей и регионов, Программа реорганизации и переименования организаций в системе Министерства цифровых технологий, Организационная структура Министерства цифровых технологий, «Дорожная карта» по углублению реформ в сфере цифровых технологий и трансформации деятельности системы¹. Приоритетными направлениями деятельности Министерства цифровых технологий названы: а) организация разработки и утверждения нормативно-правовых актов и нормативных актов в области технического регулирования; б) внедрение цифровых технологий, реализация программ в сферах телекоммуникаций и почтовой связи, цифровой экономики и цифрового правительства, внедрение космических технологий и технологий искусственного интеллекта, осуществление, развитие и определение приоритетных направлений единой го-

¹ О мерах по эффективной организации государственного управления в сфере цифровых технологий в рамках административных реформ : Указ Президента Республики Узбекистан от 24 мая 2023 г. № УП-76 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 25.09.2025).

сударственной политики в сфере цифровизации услуг и сервисов на основе принципов «государство – гражданин» и «государство – предприниматель»; в) координация процессов внедрения информационных систем и ресурсов в республиканских органах исполнительной власти, органах исполнительной власти на местах, а также органах хозяйственного управления; г) развитие цифровой индустрии, создание благоприятных условий для отечественных и иностранных компаний путем поддержки деятельности технопарков в данной сфере; д) управление и обеспечение эффективного функционирования инфраструктуры телекоммуникаций и почтовой связи, а также координация деятельности по оказанию услуг в сфере телекоммуникаций; е) лицензирование деятельности в сфере телекоммуникаций, осуществление государственного контроля в сферах качества услуг информационных технологий, телекоммуникаций и почтовой связи и информационной безопасности, а также оказание услуги доверенной третьей стороны; ж) регулирование использования спектра радиочастот и регистрации мобильных устройств, развитие направления информационной безопасности; з) развитие образования в сфере цифровых технологий, включая организацию подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров; и) повышение цифровых знаний и навыков молодежи, женщин и других слоев населения, проведение научных исследований в данной сфере; к) разработка приоритетных направлений цифровизации сфер, отраслей и регионов, определение точек роста цифровизации в разрезе сфер и формирование проектов, подлежащих реализации.

Приказом председателя Службы государственной безопасности Республики Узбекистан от 4 сентября 2023 года № 91 утверждено Положение о порядке оценки уровня обеспечения кибербезо-

пасности объектов кибербезопасности и критической информационной инфраструктуры Республики Узбекистан¹.

Был принят Закон Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 года № ЗРУ-764 «О кибербезопасности»², что явилось следствием процесса институционализации кибербезопасности как самостоятельного вида национальной безопасности на правовом пространстве СНГ, осуществляемого путем принятия национальных законов и подзаконных нормативных правовых актов о кибербезопасности, создания специализированных государственных органов, ведающих вопросами кибербезопасности, установления и совершенствования механизмов привлечения к юридической ответственности за совершение правонарушений в рассматриваемой области. Например, в государствах СНГ приняты и действуют Закон Кыргызской Республики от 17 июля 2024 года № 121 «О кибербезопасности Кыргызской Республики»³; Закон Республики Молдова от 16 марта 2023 года № 48 «О кибербезопасности»⁴; Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 года

¹ Об утверждении Положения о порядке оценки уровня обеспечения кибербезопасности объектов кибербезопасности и критической информационной инфраструктуры Республики Узбекистан : Приказ председателя Службы государственной безопасности Республики Узбекистан от 4 сентября 2023 г. № 91 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 25.09.2025).

² О кибербезопасности : Закон Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 г. № ЗРУ-764 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 25.09.2025).

³ О кибербезопасности Кыргызской Республики : Закон Кыргызской Республики от 17 июля 2024 г. № 121 // Эркин Тоо. 2024. 19 июля. № 54.

⁴ О кибербезопасности : Закон Республики Молдова от 16 марта 2023 г. № 48 // Официальный монитор Республики Молдова. № 151 – 153, 28 апреля 2023 года. Ст. 225. URL: <https://monitorul.gov.md/ru/> (дата обращения: 07.08.2025).

№ 40 «О кибербезопасности»¹. В Российской Федерации законодательного акта о кибербезопасности пока нет, хотя необходимость в его принятии очевидна.

В Республике Узбекистан борьба с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий, осуществляется в рамках реализации комплекса мер по дальнейшей цифровизации всей системы государственного управления страны в условиях ее реформирования. Ряд актуальных и своевременных мер закреплен в Постановлении Президента Республики Узбекистан от 30 апреля 2025 года № ПП-153².

Министерство внутренних дел Республики Узбекистан (далее – МВД) определено уполномоченным органом по внедрению единой рабочей практики в сфере борьбы с киберпреступлениями, координации деятельности и организации адресного взаимодействия всех ответственных государственных органов и учреждений в данном направлении. Очень верное решение с учетом особенностей компетенции МВД.

На каждый уполномоченный государственный орган, а также на организации, банки, операторов платежных систем и платежные организации возложена строгая ответственность за принятие всех необходимых мер, направленных на предупреждение киберпреступлений и повышение киберкультуры населения, что полностью согласуется с положениями концепту-

альных документов страны в области обеспечения общественной безопасности³. Также предписано при организации своей повседневной деятельности банкам, операторам платежных систем и платежным организациям определить обеспечение интересов и финансовой безопасности клиентов в качестве приоритетной задачи.

Большой комплекс мер предусмотрен в рамках нормотворческой деятельности. Так, МВД совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами предложено посредством комплексного изучения текущей практики, современных требований и передового зарубежного опыта разработать и внести в Кабинет Министров проект закона «О борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий», определяющий приоритетные направления и механизмы функционирования сферы, а также ответственность государственных органов, банков, операторов платежных систем и платежных организаций за предупреждение и раскрытие киберпреступлений.

Аналогичного закона в национальных правовых системах государств – участников Содружества нет, поэтому опыт Республики Узбекистан в плане подготовки и принятия данного законодательного акта представляет повышенный научный и практический интерес, в том числе и для Российской Федерации.

Результатом взаимодействия ряда государственных органов Республики Узбекистан (МВД, Службы государственной безопасности, Генеральной прокуратуры, Центрального банка) в рассматриваемой сфере стала выработка ряда предложений – мер, на-

¹ О кибербезопасности : Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 // Pravo.by : национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/> (дата обращения: 20.08.2025).

² О мерах, направленных на дальнейшее усиление деятельности по борьбе с преступлениями, совершаемыми с помощью информационных технологий : Постановление Президента Республики Узбекистан от 30 апреля 2025 г. № ПП-153 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 20.08.2025).

³ О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан : Указ Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 г. № УП-27 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 20.10.2025).

правленных на предупреждение киберправонарушений, путем: установления административной и уголовной ответственности для лиц (дропперов), допустивших использование оформленных на них банковской карты, банковского счета, SIM-карты, электронного кошелька (электронных аккаунтов) при совершении киберпреступления; совершенствования действующих норм, устанавливающих ответственность за несоблюдение требований информационной безопасности и кибербезопасности, на предмет наступления ответственности при отсутствии последствий; внедрения порядка взыскания за счет банков, операторов платежных систем, платежных и других организаций материального ущерба, нанесенного вследствие киберпреступления, совершенного в результате несоблюдения ими требований информационной безопасности и кибербезопасности; усиления установленных уголовным законодательством мер наказания за преступления в сфере информационных технологий, а также незаконную деятельность по привлечению денежных средств либо иного имущества; определения использования информационных технологий при совершении преступления в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность и наказание; внедрения порядка, предусматривающего определение конкретных сроков обеспечения исполнения запросов и решений правоохранительных органов, отнесенных к банковской тайне, а также упрощение механизмов и требований к их исполнению.

Предупреждение преступлений организационно-правовыми средствами всегда было надежным средством решения задачи снижения криминальной деликтности. Это активно используется и в Республике Узбекистан.

В целях совершенствования механизмов по предупреждению киберпреступлений установлено, что МВД в целях

усиления ответственности банков и платежных организаций за соблюдение политики информационной безопасности и требований кибербезопасности внедряет практику обнародования по итогам каждого месяца перечня банков и платежных организаций, в системах которых зафиксировано наибольшее количество киберпреступлений (в результате уязвимости и недостатков). В этих же целях Центральным банком внедряется система выявления признаков мошеннических схем («финансовых пирамид») или вызывающих подозрение случаев, направленных на привлечение денежных средств населения, путем ведения мониторинга осуществления транзакций физическими и юридическими лицами, а также оперативного оповещения правоохранительных органов о них. А в рамках правительства страны – Кабинетом Министров Республики Узбекистан ежегодно утверждается комплексная пропагандистско-разъяснительная программа, направленная на повышение киберкультуры и формирование кибергигиены населения, а также устанавливается строгий контроль за ее исполнением. В ходе пропагандистско-разъяснительных мероприятий по предупреждению киберпреступлений особое внимание будет уделено: ежегодному проведению в ноябре «Месячника повышения киберкультуры» в масштабе Республики; новым видам киберпреступлений и способам их совершения; использованию на бесплатной основе услуг целевой (таргетированной) рекламы в Интернете и социальных сетях для оповещения о видах киберпреступлений и способах их совершения.

Центральному банку предложено реализовать неотложные меры: по осуществлению интеграции транзакций и других необходимых данных банков, операторов платежных систем, платежных организаций и кредитных бюро с Единой платформой Центрального банка; завершению внедрения центра-

лизованной антифрод-системы в Центральном банке и антифрод-систем (сессионных, транзакционных и телекоммуникационных) банков, операторов платежных систем и платежных организаций; разработке проектов технических заданий платформ и специальных систем защиты по согласованию с ГУП «Центр кибербезопасности», МВД и Центром развития электронных технологий.

Министерству цифровых технологий совместно с заинтересованными ведомствами и учреждениями предложено завершить меры по внедрению в полном объеме системы ограничения ложных звонков.

Также Центральному банку необходимо: разработать и внедрить на практике соответствующие требования к открытию несовершеннолетними банковских счетов и банковских карт; внедрить практику оповещения банками родителей о подозрительных (фрод) операциях, связанных с их несовершеннолетними детьми; обеспечить ведение реестра лиц (дропперов), которым граждане предоставили данные своей банковской карты, банковского счета и электронного кошелька для совершения киберпреступлений; принять меры по установке банками и платежными организациями систем антивирусной защиты на своих мобильных приложениях и внедрению практики уведомления пользователей при выявлении наличия признаков вредоносных программ в их устройствах.

В рамках совершенствования механизмов раскрытия киберпреступлений МВД и Центральному банку предложено принять совместные меры по созданию системы оперативных действий по раннему пресечению и оперативному раскрытию киберпреступлений, а также предупреждению вывода денежных средств за пределы страны: оперативная блокировка банковских карт, причастных к сомнительным операциям

денежных переводов на основе запросов ответственных подразделений ОВД; незамедлительное предоставление сведений о банковских картах, причастных к сомнительным операциям денежных переводов ответственным подразделениям ОВД. Также предполагается внедрить порядок выдачи ГУП «Центр кибербезопасности» заключения по соблюдению требований кибербезопасности в период доследственной проверки и предварительного следствия по совершенным киберпреступлениям.

К организационным мерам, направленным на совершенствование контроля в области борьбы с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий, следует отнести: создание в структуре Управления по надзору за исполнением законодательства в органах внутренних дел Генеральной прокуратуры отдела по обеспечению законности в сфере борьбы с киберпреступлениями, а также введение соответствующих должностей в целях организации деятельности его групп в отделах по надзору за исполнением законодательства в органах внутренних дел территориальных прокуратур и Транспортной прокуратуры; осуществление указанными подразделениями прокурорского надзора за исполнением законодательства в процессе деятельности ОВД по расследованию и раскрытию киберпреступлений; принятие Генеральной прокуратурой меры по обучению на специальных курсах переподготовки Правоохранительной академии сотрудников создаваемых в структуре прокуратуры подразделений по обеспечению законности в сфере борьбы с киберпреступлениями.

МВД будет запущена платформа электронного обмена данными между МВД, Генеральной прокуратурой и Центральным банком в целях оперативной передачи данных и принятия неотложных мер по поступающим обращениям в сфере борьбы с киберпреступлениями; совместно с МИД приняты меры по ор-

ганизации служебных командировок в зарубежные государства сотрудников подразделений кибербезопасности в целях изучения передового зарубежного опыта и повышения квалификации.

МИД совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами предложено создать межведомственную рабочую группу и обеспечить всестороннее изучение ею вопроса присоединения к Будапештской конвенции Европейского союза «О компьютерных преступлениях»¹.

Организационные меры приняты и в целях совершенствования научного обеспечения в сфере борьбы с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий. Так, в структуре Научно-исследовательского института цифровой криминалистики Правоохранительной академии образуется Центр содействия цифровому расследованию и борьбе с киберпреступлениями, основными направлениями деятельности которого являются: разработка обоснованных рекомендаций путем изучения на основе научных подходов документов доследственной проверки, дел по административным правонарушениям и уголовных дел, внедрение их в правоприменительную практику в целях выявления причин и условий совершения киберпреступлений; разработка научно обоснованных предложений по выявлению и решению проблем, имеющих в практике раскрытия и расследования киберпреступлений; научное и методическое обеспечение повышения эффективности следственной деятельности и совершенствования образовательного процесса в направлении киберпреступлений.

Постановлением Президента Республики Узбекистан от 20 января 2025 года

¹ Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях : заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // Совет Европы : офиц. сайт. URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 01.08.2025).

№ ПП-14 создан Государственный университет «Cyber university» Министерства цифровых технологий (далее – Университет)² для подготовки высококвалифицированных кадров в сфере защиты информации, информационной и кибербезопасности для потребностей Республики, создания дополнительных возможностей получения молодежью знаний в направлении цифровых технологий и овладения конкурентоспособными на рынке труда профессиями путем реформирования системы высшего образования на основе передового зарубежного опыта и внедрения инновационных форм и методов образовательного процесса. Отметим, что немаловажную роль в его создании сыграла Служба государственной безопасности страны, так как с учетом ее предназначения она также прямо заинтересована в подготовке высококвалифицированных кадров в области информационных технологий и обеспечения кибербезопасности. В качестве основных задач Университета закреплены: создание автоматизированных информационно-аналитических систем, основанных на защите информации, информационной и кибербезопасности, цифровых технологиях и цифровой экономике, искусственном интеллекте, а также подготовка кадров в области робототехники и иных смежных направлениях; переподготовка и повышение квалификации специалистов в сфере цифровых технологий; организация учебного процесса на основе передового зарубежного опыта и современных образовательных технологий, а также оказание содействия в развитии открытой информационно-образовательной среды; создание дополнительных условий для получения знаний и овладения молодежью профессиями, отбор и расширение охвата при обеспечении кадрами государственных

² Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 01.08.2025).

органов, предприятий и иных организаций; осуществление сотрудничества с ведущими республиканскими и зарубежными высшими образовательными и научно-исследовательскими организациями, производителями и потребителями цифровых технологий, другими отраслевыми предприятиями в реализации учебных и научных проектов и ряд других.

Таким образом, опыт Республики Узбекистан свидетельствует о том, что совершенствование борьбы с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий, является важной государственной задачей, которая не может быть решена в рамках

одного ведомства, какими бы широкими полномочиями оно ни наделялось. Следствием институализации кибербезопасности как вида национальной безопасности является пересмотр организационно-правовых основ ее обеспечения, уточнение и расширение использования организационно-правовых средств противодействия угрозам кибербезопасности. Также немаловажным фактором эффективной борьбы с правонарушениями, совершаемыми с помощью информационных технологий, являются киберпросвещение населения, активная пропагандистская деятельность и соответствующее научное обеспечение.

Список источников

1. Лепешкина О.И. Киберпреступность как угроза национальной безопасности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2 (12). С. 65 – 69.
2. Редкоус В.М. Административные реформы в государствах – участниках СНГ // Актуальные проблемы науки административного права : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Б.М. Лазарева, Москва, 11 февраля 2020 года / Ин-т государства и права Российской акад. наук. Москва : ОнтоПринт, 2020. С. 130 – 136.
3. Редкоус В.М. Основные направления административной реформы в Республике Узбекистан // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 190 – 193.
4. Зиборов О.В., Джафарова Н.Т. Некоторые особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения в области оборота информации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 200 – 202.
5. Дугенец А.С., Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 4. С. 23 – 29.
6. Амелчакова В.Н., Кокорев А.Н. Анализ опыта государств – участников Содружества Независимых Государств по обеспечению безопасности информационного пространства и его имплементация в законодательство России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 181 – 186.
7. Семькина О.И. Противодействие киберпреступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6 (61). С. 104 – 113.

Информация об авторе

В.М. Редкоус – ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V.M. Redkous – Leading Research Fellow at the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ
(С 1991 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)**

Денис Андреевич ШЕСТАВИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, dschestavin18@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрываются особенности развития конституционного права граждан на обращение в Российской Федерации с 1991 года по настоящее время. Для исследования основных моментов становления конституционно-правового института обращения предложена авторская периодизация. Выделяются следующие периоды развития права на обращение: первый период – с 1991 по 1993 год; второй период – с 1993 по 2006 год; третий период – с 2006 по 2010 год; четвертый период – с 2010 года по настоящее время. Учитывая процесс цифровизации жизнедеятельности общества, автор акцентирует внимание на необходимости теоретического осмысления содержания права граждан на электронное обращение и содержания электронного обращения. Сформулированы соответствующие определения, предложены критерии надлежащей реализации конституционного права на обращение в электронной форме и тенденции его развития. Представлены пути совершенствования деятельности органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан.

Ключевые слова: конституционное право на обращение, обращение, электронное обращение

Для цитирования: Шеставин Д.А. Особенности и перспективы развития конституционного права граждан на обращение (с 1991 года по настоящее время) // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 129 – 135.

Original article

**DISTINCTIVE FEATURES AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF CITIZENS'
CONSTITUTIONAL RIGHT TO PETITION (FROM 1991 TO THE PRESENT)**

Denis A. SHESTAVIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, dschestavin18@yandex.ru.

Abstract. The article explores the evolution of citizens' constitutional right to petition in the Russian Federation from 1991 to the present. The author introduces a unique periodization to analyze the key stages in the establishment of the constitutional-legal institution of petitions. The following periods in the development of the right to petition are identified: the first period (from 1991 to 1993); the second period (from 1993 to 2006); the third period (from 2006 to 2010); the fourth period (from 2010 to the present). Considering the ongoing digitalization of society, the author highlights the importance of a theoretical understanding of the content of citizens' right to submit electronic petitions and the nature of electronic petitions themselves. The article offers relevant definitions, suggests criteria for the proper exercise of the constitutional right to petition

---

© Шеставин Д.А., 2026

in electronic form, and outlines the trends in its development. Furthermore, the author proposes ways to enhance the procedures of public authorities in handling and reviewing citizens' petitions.

Keywords: constitutional right to petition, petition, electronic petition (e-petition)

For citation: Shestavin D.A. Distinctive features and development prospects of citizens' constitutional right to petition (from 1991 to the present). *Criminalist*. 2026;1(54):129-135. (In Russ.).

Право граждан на обращение является конституционным правом, через реализацию которого заявители могут добиться восстановления или защиты субъективных прав и свобод, ходатайствовать о содействии в осуществляемой деятельности, а также высказывать рекомендации по совершенствованию законодательства и деятельности органов публичной власти.

Процесс становления института обращений граждан и его современное состояние позволяют предположить возможные перспективы дальнейшего развития данного института. В функционировании правового института ключевую роль играют нормативные правовые акты, в которых отражен и легализован определенный порядок общественных отношений. С принятием каждого нового акта, регламентирующего фундаментальные особенности конституционно-правового института, начинается новый этап развития правового конструкта. Не является исключением и право граждан на обращение.

В 1991 году с прекращением существования СССР формируются новые политические и правовые институты, требующие нормативного регулирования. Начинается первый этап развития права граждан на обращение в Российской Федерации. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 года № 1920-1 утверждается Декларация прав и свобод человека и гражданина, в статье 21 которой закреплялось «право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы и должностным лицам, которые в пределах своей компетенции обязаны

рассмотреть эти обращения, принять по ним решения и дать мотивированный ответ в установленный законом срок»¹. С.А. Широбоков, отмечая значимость права на обращение как для личности, так и для государства, определяет его как «возможность человека реализовать, исходя из личной заинтересованности, свои субъективные потребности и нужды в самых различных сферах его бытия» [1, с. 161]. Несмотря на утверждение Декларации и принятие в дальнейшем Конституции Российской Федерации, работа с обращениями граждан продолжала регулироваться Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»² вплоть до 2006 года.

В 1993 году в результате всенародного голосования была принята Конституция Российской Федерации, в статье 33 которой закреплялось «право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»³, что на тот момент придало документированному волеизъявлению «некую завершенность и особые юридические свойства» [2, с. 54].

¹ О Декларации прав и свобод человека и гражданина : Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Утратил юридическую силу в связи с принятием Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Начинается второй этап развития конституционного права граждан на обращение. Немаловажным является то, что право обращаться закреплено в главе 2 Основного закона среди прав и свобод человека. Отметим, что без реализации права на обращение невозможна полноценная реализация иных субъективных прав.

В Конституции Российской Федерации отмечено «право обращаться» и право «направлять обращения». Таким образом, законодателем придается конституционная значимость не только самому праву на обращение, но и реализации этого права в индивидуальной и коллективной форме. Исходя из буквального толкования конституционной нормы, правом на обращение обладают только граждане Российской Федерации, а адресатами обращений могут выступать государственные органы и органы местного самоуправления. Однако частью 3 статьи 62 Основного закона иностранцы и апатриды наравне с гражданами Российской Федерации наделены соответствующими правами и обязанностями, а адресатами обращений могут быть не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и иные организации.

Интересным представляется вопрос относительно предмета конституционного права граждан на обращение. Так, Ю.Н. Алистратов отмечает, что содержание конституционно-правового института права граждан на обращение представлено формой народовластия и формой защиты прав. При этом, являясь комплексным институтом, право граждан на обращение представляется личным субъективным правом, одной из форм непосредственной демократии, а также элементом обратной связи между гражданами и органами публичной власти [3, с. 10–11]. Для М.А. Миронова обращение гражданина как конституционно-правовой институт представ-

лено законным действием «по восстановлению, защите или реализации его конституционных прав» [4, с. 3]. Аналогично раскрывает право на обращение М.В. Скрябина [5, с. 7–8]. А.В. Савоскин полагает, что «обращения граждан являются проявлением власти народа» [6, с. 12]. Действительно, право граждан на обращение является не только способом реализации субъективных прав (заявление, жалоба), но и юридической возможностью выразить свою политическую волю (предложение).

Отметим, что в период с 1993 по 2006 год возможность обратиться в органы публичной власти частично регулировалась нормами различных специализированных законов, например Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Жилищным кодексом Российской Федерации и др. Однако указанные нормативные правовые акты не являлись универсальными в сфере работы с обращениями граждан. Порядок работы с заявлениями по-прежнему регулировал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан». Немаловажным является то, что работа с обращениями граждан регламентировалась законами субъектов Российской Федерации. Так, до 2006 года 74 субъекта Российской Федерации имели соответствующие законы, однако после принятия специализированного закона в 44 субъектах их упразднили [7, с. 49]. Как отмечают

А.В. Безруков, А.В. Савоськин, В.А. Мещерягина, во время действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» в субъектах полагали необходимым урегулировать общественные отношения, но с принятием Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» большинство субъектов во избежание противоречий с федеральным законодательством, а также считая, что «соответствующее правовое поле полностью занято», прекратили свою правотворческую деятельность на данном направлении [8, с. 51].

С принятием Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в развитии института обращений граждан начинается новый этап. Б.В. Маслов отмечает, что специализированный закон содержит множество недостатков, которые отражаются и приумножаются в подзаконных нормативных правовых актах [9, с. 3]. Кроме того, Закон не обеспечивает регламентацию работы со всеми видами обращений [9, с. 8]. С.П. Степкин полагает, что специализированный закон необходимо актуализировать [10, с. 77].

Следует отметить, что в Федеральном законе от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» законодатель предпринял попытку раскрыть термин «обращение гражданина» путем перечисления видов обращения. Характеризующие признаки указанной дефиниции в специализированном законе не содержатся. В связи с чем сохраняются дискуссии относительно термина «обращение гражданина». Так, под обращением А.В. Савоськин предлагает понимать «конституционно гарантированное волеизъявление человека» в форме тре-

бования о реализации субъективных прав к органам публичной власти [6, 33]. Для Л.Н. Верещагиной обращения граждан являются комплексным институтом и формой «прямого способа осуществления общественного контроля» за органами власти [11, с. 11]. По мнению Д.А. Сергеевой, конституционно-правовой институт обращений граждан представлен совокупностью материальных и процессуальных норм, регулирующих правоотношения между заявителем и государством [12, с. 7] в сфере реализации прав и свобод.

Отдельные исследователи рассматривают «право на обращение» как самостоятельный термин. Так, М.В. Скрябина считает, что право на обращение является «неотъемлемой возможностью» обращаться в устной или письменной форме в целях защиты или реализации прав и свобод [5, с. 7]. В.А. Мещерягина под правом на обращение понимает юридически закрепленную и обеспеченную средствами защиты возможность реализовать волеизъявление с целью достижения результата в рамках конституционного правоотношения с органами и организациями [13, с. 9].

Таким образом, под правом на обращение следует понимать конституционную возможность реализовывать право, а под обращением — непосредственную реализацию права через волеизъявление.

В условиях информатизации общества цифровой трансформации подвергаются все сферы жизнедеятельности социума. Право граждан на обращение в связи с обозначенным процессом дифференцировалось на два вида: право на обращение в письменной форме и право на обращение в форме электронного документа. А.В. Савоськин отмечает, что регулирование порядка работы с электронными обращениями прошло два этапа развития: первый — это признание возможности электронного обращения (2006 — 2010 годы), вто-

рой – совершенствование и дальнейшее регулирование работы с электронными обращениями (с 2010 года по настоящее время) [6, с. 344].

Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг“» в Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» внесены изменения – была нормативно урегулирована возможность подачи обращения в форме электронного документа. Полагаем, что данная новелла способствовала развитию института электронного обращения, ознаменовав тем самым новый этап развития конституционного права граждан на обращение.

Вместе с тем определение электронного обращения и его отличительные признаки не содержатся в специализированном законе. Не исключено, что указанный пробел в законодательстве может способствовать в правоприменительной практике тенденции интерпретирования различных коммуникативных связей между населением и органами публичной власти как цифровые обращения [14, с. 11].

Активная реализация конституционного права граждан на обращение через информационно-телекоммуникационные ресурсы формирует необходимость в публично-правовой сфере теоретического осмысления происходящего процесса цифровизации и его влияния на конституционно-правовые институты. Полагаем, что раскрытие терминов «право граждан на электронное обращение» и «электронное обращение» является необходимым, в связи с чем предлагаем авторское определение данных терминов. Так, право граждан на электронное обращение представля-

ется юридическим конструктом, предусматривающим реализацию конституционно определенной возможности совершать активные действия посредством изложения основного содержания волеизъявления в форме электронного документа, применяя информационно-телекоммуникационные ресурсы. Электронное обращение представляется выраженным в требовании о реализации субъективных прав волеизъявлением в форме электронного документа, направленного в органы и организации с применением информационно-телекоммуникационных ресурсов.

Исходя из изложенного, отметим критерии надлежащей реализации конституционного права на обращение в форме электронного документа и его возможные тенденции развития.

Так, для качественного функционирования института электронного обращения необходимо наличие следующих условий. Во-первых, соблюдение обеими сторонами правоотношения требований информационной безопасности. Во-вторых, обеспечение всеобщей доступности реализации конституционного права на обращение в удобной для заявителя форме. В-третьих, прохождение заявителем обязательной процедуры идентификации и (или) аутентификации.

В марте 2025 года вступил в силу новый закон, согласно которому электронное обращение в органы и организации можно направить только через портал «Госуслуги», информационную систему или официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (при условии обеспечения идентификации и (или) аутентификации заявителя)¹. В связи с чем закрепленный в специализированном законе обновленный порядок распространяет-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 547-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ся на электронные обращения, поступившие указанным способом. Однако между органами публичной власти и населением коммуникация может осуществляться посредством различных мессенджеров и социальных сетей. Так, многие губернаторы для оперативной связи, политической коммуникации и информирования населения используют «Telegram» и «VK»¹. В связи с чем, учитывая принятие государством мер по созданию многофункционального сервиса обмена информацией², полагаем необходимым урегулировать возможность граждан реализовывать конституционное право на обращение через таковой.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Развитие конституционного права граждан на обращение в Российской Федерации можно разделить на следующие периоды:

первый период (с 1991 по 1993 год) характеризуется возникновением Российской Федерации, а также осознанием необходимости мер по разработке и принятию новых норм права, отвечающих запросам тех лет;

второй период (с 1993 по 2006 год) характеризуется принятием Конституции Российской Федерации, в которой право на обращение находит свое отражение в статье 33, что подчеркивает его значимость в системе конституционных прав граждан. Продолжают действовать нормативные правовые акты Советского Союза, регламентирующие работу с обращениями граждан. Отсутствует

систематизация федерального законодательства в указанной сфере правоотношений;

третий период (с 2006 по 2010 год) характеризуется принятием специализированного Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Возникают электронные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления;

четвертый период (с 2010 года по настоящее время) — юридическое закрепление в специализированном законе возможности обращаться в органы публичной власти в форме электронного документа. Активное развитие способов подачи электронных обращений.

Полагаем, что предложенная периодизация позволяет проследить основные моменты становления конституционно-правового института обращений граждан. Процесс развития конституционного права граждан на обращение в эпоху цифровизации требует теоретического осмысления содержания права граждан на электронное обращение и содержания электронного обращения. Сформулированные авторские определения указанных правовых явлений, а также обозначение условий для их надлежащего функционирования с предложением возможных тенденций развития расширяют направления дальнейших исследований в сфере реализации конституционного права граждан на обращение.

Список источников

1. Широбоков С.А. Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 32. С. 158 – 164.

¹ Telegram и VK стали ведущими платформами для губернаторов. 2 мая 2025 // it.speaker : сайт. URL: <https://itspeaker.ru/news/telegram-i-vk-stali-vedushchimi-platformami-dlya-gubernatorov/?ysclid=md0eopvzvq294564040> (дата обращения: 12.09.2025).

² О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращения: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства (к 40-летию НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / Генеральная прокуратура Российской Федерации, НИИ проблем укрепления законности и правопорядка ; под ред. В.Н. Лопатина. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс. 2003. С. 54–61.

3. Алистратов Ю.Н. Право граждан на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Алистратов Юрий Николаевич. Москва, 1995. 21 с.

4. Миронов М.А. Обращения граждан как конституционно-правовой институт. Проблемы реализации : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Миронов Михаил Алексеевич. Москва, 2002. 52 с.

5. Скрыбина М.В. Реализация конституционного права граждан на обращения в органы публичной власти : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скрыбина Марина Викторовна. Санкт-Петербург, 2007. 22 с.

6. Савоськин А.В. Обращения граждан в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Савоськин Александр Владимирович. Екатеринбург, 2019. 482 с.

7. Карасев А.Т., Савоськин А.В. Законы субъектов Российской Федерации об обращениях граждан // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 48–54.

8. Безруков А.В., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Конституционное (уставное) законодательство субъектов Российской Федерации о праве на обращение: состояние и развитие // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 50–58.

9. Маслов Б.В. Институт обращений граждан в административном праве : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Маслов Борис Васильевич. Москва, 2008. 23 с.

10. Степкин С.П. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: проблемы и противоречия // Lex russica. 2022. Т. 75, № 4. С. 76–85.

11. Верещагина Л.Н. Практика отстаивания интересов граждан через обращения в органы государственной власти как форма социального контроля : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореф. дис. ... канд. социолог. наук / Верещагина Лилия Николаевна. Ростов-на-Дону, 2011. 26 с.

12. Сергеева Д.А. Институт обращений граждан в России: конституционно-правовое исследование : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сергеева Дарья Александровна. Белгород, 2017. 24 с.

13. Мещерягина В.А. Право граждан на обращение в органы исполнительной власти Российской Федерации (конституционно-правовой аспект) : специальность 12.00.02 : «Конституционное право; муниципальное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мещерягина Вероника Александровна. Екатеринбург, 2018. 28 с.

14. Скокова А.Н. Публично-правовое регулирование цифрового взаимодействия органов государственной власти и населения в субъектах Российской Федерации : специальность 5.1.2 «Публично-правовые, государственно-правовые науки» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скокова Анастасия Николаевна. Воронеж, 2025. 25 с.

Информация об авторе

Д.А. Шеставин – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

D.A. Shestavin – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 34

ПРАВА ДЕТЕЙ НА ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Антонина Анатольевна ШТРИКОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, shtrikova_tonya@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрыты особенности правового регулирования прав детей на достойный уровень жизни. Автором рассмотрены основные критерии достойного уровня жизни детей, необходимость создания государством благоприятных условий для достойной жизни и всестороннего развития личности.

Ключевые слова: достойный уровень жизни, государство, социальные права детей

Для цитирования: Штрикова А.А. Права детей на достойный уровень жизни в Российской Федерации // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 136 – 142.

Original article

CHILDREN'S RIGHTS TO A DECENT STANDARD OF LIVING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Antonina A. SHTRIKOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, shtrikova_tonya@mail.ru*

Abstract. The article examines the specific features of the legal regulation of children's rights to an adequate standard of living. The author analyses the fundamental criteria for ensuring an adequate standard of living for children, as well as the need for the state to foster favorable conditions for a dignified life and comprehensive personal development of the child.

Keywords: adequate standard of living, state, social rights of children

For citation: Shtrikova A.A. Children's rights to a decent standard of living in the Russian Federation. Criminalist. 2026;1(54):136-142. (In Russ.).

Социальная политика Российской Федерации ориентирована на создание благоприятных условий для достойной жизни и всестороннего развития личности. Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собра-

нию от 29 февраля 2024 года вновь подчеркнул важность решения проблемы бедности, определив приоритетом повышение качества жизни семей с детьми: «Нужна постоянная работа, направленная на повышение качества жизни се-

---

© Штрикова А.А., 2026

мей с детьми»¹. Низкие доходы семей, особенно с детьми, рассматриваются как прямая угроза демографическому будущему страны.

Для эффективной государственной политики в области детства предложен комплекс мер, направленных на достижение этой цели. Некоторые из них уже реализуются в настоящее время.

Во-первых, планируется запуск комплексной программы по охране материнства и здоровья детей, включая репродуктивное здоровье, с расширением сети женских консультаций и модернизацией медицинских учреждений. В настоящее время Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года № 615-р утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года².

Во-вторых, особое внимание уделяется поддержке молодых и многодетных семей, в том числе решению жилищных проблем с использованием материнского капитала.

В-третьих, предлагается стимулировать увеличение числа семей с тремя и более детьми путем продления программы материнского капитала и создания для них режима наибольшего благоприятствования.

В-четвертых, планируется увеличение размера налогового вычета на первого ребенка до 2 800 рублей в месяц и начиная с третьего — до 6 тыс. рублей.

В-пятых, Президентом Российской Федерации предложено запустить но-

вый национальный проект «Молодежь России», опираясь на позитивный опыт в сфере молодежной политики. Данное предложение реализовано с 1 января 2025 года в национальном проекте «Молодежь и дети», утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 на период до 2030 года с перспективой до 2036 года³.

Кроме того, предлагается продолжить реализацию программы капитального ремонта и модернизации школ и детских садов во всех регионах: модернизировать условия занятия спортом, а также оснастить общеобразовательные учреждения медицинскими кабинетами, где имеются — обновить.

Все эти меры направлены на создание условий для достойной жизни и развития подрастающего поколения, что является неотъемлемой частью социальной политики государства, необходимой для соблюдения и защиты прав граждан в социальной сфере.

Гарантии социального обеспечения, закрепленные в статье 39 Конституции Российской Федерации, должны рассматриваться в контексте статьи 7 Конституции, определяющей Россию как социальное государство, стремящееся к созданию условий для достойной жизни и всестороннего развития каждого человека⁴. В соответствии с положениями Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года

¹ Послание Президента Федеральному Собранию : Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 29 февраля 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 615-р, приоритетными направлениями социальной политики государства являются поддержка семьи, материнства, отцовства и детства.

Статья 7 Конституции Российской Федерации, определяя характеристики социального государства, гарантирует соблюдение прав граждан, включая ребенка, подчеркивая, что достойное существование и развитие детей обеспечиваются комплексом взаимосвязанных прав и свобод. Принцип социального государства находит отражение в закрепленных в Конституции Российской Федерации правах на труд, семейную жизнь, социальное обеспечение, жилье, здравоохранение, образование, в реализации которых активно участвует государство.

Полагаем, что суть процветающего государства, нацеленного на обеспечение благополучия граждан и всего народа, заключается в использовании имеющихся ресурсов, в первую очередь финансовых, для решения проблем граждан, особенно тех, кто находится в уязвимом положении. Социальная поддержка, оказываемая государством, направлена на защиту людей, социальных групп и общностей от обстоятельств, с которыми они не могут справиться самостоятельно.

Таким образом, концепция социального государства подразумевает такие характеристики, как благополучие, достойный уровень жизни, защита от нищеты. Иными словами, это создание государством благоприятных условий для достойной жизни и всестороннего развития личности.

Однако следует учитывать, что способность человека к самостоятельному обеспечению своих нужд имеет границы. В ситуациях, когда индивид в силу объективных обстоятельств (например, юный возраст или инвалидность) не способен обеспечить себе приемлемый уровень жизни или полноценное развитие,

в силу вступают государственные гарантии. В части 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации закреплено, что в России обеспечивается охрана труда и здоровья граждан, установлен минимальный размер оплаты труда, гарантируется государственная поддержка семьи, материнства и отцовства, а также инвалидов и пожилых людей. Кроме того, развивается сеть социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и другие формы социальной защиты.

Мы придерживаемся мнения, что становление личности начинается в детском возрасте, когда индивид обретает ряд неотъемлемых прав. Дети — ключевая ценность в государственной стратегии нашей страны. Российская Федерация стремится создать благоприятную среду для всестороннего развития подрастающего поколения, включая духовное, моральное, интеллектуальное и физическое воспитание, а также формирование патриотических чувств, гражданской ответственности и уважения к людям. Поддерживая приоритетную роль семьи в воспитании, государство принимает на себя ответственность за заботу о детях, лишенных родительской опеки.

Право ребенка на достойный уровень жизни провозглашено в статье 27 Конвенции о правах ребенка 1989 года: «Государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка»¹. В рамках этой же статьи Конвенции утверждается, что «родитель (и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых

¹ Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. : вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка». Вместе с тем имеется мнение, что Конвенция о правах ребенка обязывает государства-участников содействовать родителям в осуществлении их обязанностей по воспитанию своих несовершеннолетних детей. Однако государственная поддержка, оказываемая семьям с детьми в нашей стране, оставляет желать лучшего [1, с. 7–12].

Сегодня в государстве развернута деятельность, нацеленная на повышение качества жизни подрастающего поколения, гарантирование правовой защищенности детей и воплощение в жизнь положений Конвенции о правах ребенка. Ключевым моментом становится отражение в правовых актах концепции последовательной защиты прав несовершеннолетних.

В связи с тем, что дети составляют четверть всего населения Российской Федерации, возникает потребность в укреплении правовых гарантий такой защиты. Несмотря на это, в национальном законодательстве отсутствует четкое определение достойного уровня жизни детей, как, впрочем, и понятия достойного уровня жизни граждан в целом.

Вновь обратимся к положениям международного права, которые определяют параметры достойного уровня жизни.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, гарантируя «право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточные питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни» (ст. 11)¹, создал еще один юридический фундамент для реализации цели, установленной в Уставе ООН, а именно повышение жизненного уров-

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ня, формирование благоприятных условий для экономического и социального развития.

Согласно Декларации по случаю двадцать пятой годовщины ООН², достойный жизненный уровень – это минимальный стандарт жизни, соответствующий человеческому достоинству, понятие, отражающее концепцию «достойной жизни», которая, основываясь на универсальных международных нормах, конкретизируется в национальных правовых системах в определенный исторический период.

В основе международной системы стандартов, определяющих достойный уровень жизни, лежит статья 25 Всеобщей декларации прав человека, закрепляющая право каждого человека «на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи»³.

Статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах связывает право на достаточный уровень жизни с измеримыми показателями материального благосостояния, такими как доступность товаров и услуг. Это представляет собой попытку установить нормативные рамки для количественной оценки одного из ключевых социальных прав. Такой подход снижает риск ущемления этого права, т. е. ограничения возможностей граждан по сравнению с международными стандартами или конституционными

² Декларация по случаю двадцать пятой годовщины Организации Объединенных Наций : принята в г. Нью-Йорке 24 октября 1970 г. на 1883-м пленарном заседании 25-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://www.un.org/ru/documents/dec1-conv/declarations/un25.shtml> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нормами, а также позволяет сопоставить понятие достойного существования с размером выплат и объемом потребляемых благ, оценивая, насколько они удовлетворяют основные потребности человека.

В дополнение к терминам «достаточный» и «достойный» Декларация социального прогресса и развития в статье 10 использует термин «удовлетворительный» для описания уровня жизни¹.

Некоторые российские ученые полагают, что в состав права каждого индивида на приемлемый и достойный жизненный уровень входит спектр таких правомочий, как право на достаточное питание; право на достаточную одежду; право на достаточное жилище; право на медицинский уход; право на необходимое социальное обслуживание; право на социальное обеспечение; право на непрерывное улучшение условий жизни; право на свободу от голода и др. [2, с. 111 – 112].

Еще до официального закрепления в международном праве идея права на достойное существование активно обсуждалась учеными и политическими деятелями. Они видели в нем важный элемент для создания нового типа государства, ориентированного на «всеобщее благополучие», где целью социального прогресса является не содержание граждан на пособиях, а создание условий, когда никто не нуждается в милостыне «призреваемых, ... а в том, чтобы никому не приходилось рассчитывать на благодеяние» [3, с. 554].

Российская Федерация как социальное государство стремится к созданию условий, гарантирующих достойную жизнь и свободное развитие личности, реализуя цели через систему мер, закрепленных на конституционном уровне.

¹ Декларация социального прогресса и развития : принята 11 декабря 1969 г. Резолюцией 2542 (XXIV) на 1829-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Справедливо отмечено Е.А. Лукашевой, что задача преобразования состоит в том, чтобы государство стало сильным, способным влиять на важнейшие процессы, происходящие в обществе и в мире. Сильное государство — это правовое государство, опирающееся на право, закон, несовместимое с насилием и произволом [4, с. 187 – 193].

Принцип уважения достоинства личности, провозглашенный в статье 21 Конституции Российской Федерации, обеспечивающий каждому достойный уровень жизни, находит развитие в статьях 40, 41, 42, 43 Основного закона. Закрепление прав на жилье, охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь, благоприятную окружающую среду, общедоступное и бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование в государственных и муниципальных учреждениях отражает стремление государства обеспечить защиту и признание ценности каждой личности.

Согласимся с мнением В.И. Абрамова, что «человек начинается с детства, и уже в эту пору жизни он становится обладателем определенной совокупности прав» [5]. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики нашего государства, которое создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Социальные права охватывают широкий спектр гарантий, в том числе право на трудоустройство и безопасные условия работы, социальное обеспечение, охрану семейных ценностей, материнства и детства. К ним также относятся право на достойное качество жизни, доступ к образованию, возможность достижения оптимального физического и психического здоровья, а также право на владение имуществом и ведение предпринимательской деятельности.

Полагаем, что социальные права по своей сути являются правовой формой обеспечения достойного существования каждого члена общества, особенно в ситуациях, когда другие правовые возможности не привели к желаемым результатам [6, с. 140]. Достойная жизнь возможна только при условии предоставления каждому человеку равных возможностей для удовлетворения базовых потребностей: в труде, питании, жилище, охране здоровья, образовании и культуре. Ценность социальных прав заключается не только в предоставляемых ими благах, но и в гарантиях, обеспечиваемых государством через систему мер социальной поддержки.

Таким образом, рассматривая критерии по обеспечению права ребенка на достойный уровень жизни, следует определить набор социальных прав, гарантированных государством, и в первую очередь родителями (законными представителями), обязанность которых по содержанию и воспитанию детей закреплена в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 38).

Однако не стоит забывать о категории детей, участие в жизни которых принимает лишь государство, являющееся в этом случае гарантом реализации имущественных и неимущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Набор социальных прав, удовлетворяющих первичные потребности, зависит от возрастной категории детей. Допустим, с 0 до 3 лет приоритетными являются права на питание, охрану здоровья, с 3 до 6 лет к указанным правам добавляется право на образование (дошкольное), а с 6 до 18 лет приоритетными являются права на образование и культуру, появляется право на труд.

В зависимости от возрастных периодов детей усиливаются роль государственной поддержки и гарантии государства в определенных сферах.

Вместе с тем во всех возрастных категориях, безусловно, являются важными основные социальные права: на питание и жилище, на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь, на государственную поддержку и социальную помощь, на образование и культуру, на труд и охрану труда, благоприятную окружающую среду и т. д.

Таким образом, считаем, что реализация совокупности упомянутых выше прав обеспечит в целом достойный уровень жизни ребенка. Право ребенка на достойный уровень жизни представляет собой комплекс социальных прав, которые способствуют гармоничному развитию в физическом, умственном, духовном и моральном аспектах.

В зависимости от возраста детей меняются либо добавляются потребности в реализации определенных социальных прав, однако остаются базовыми основные права, соблюдение и реализация которых обеспечивают не только удовлетворение первичных жизненных потребностей детей, но и нормальную жизнедеятельность детей различных возрастных категорий.

В целях формирования благоприятной правовой и социально-экономической среды для реализации прав и законных интересов детей Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ определяет ключевые гарантии прав и законных интересов ребенка, закрепленных Конституцией Российской Федерации.

Учитывая важность подготовки подрастающего поколения к полноценному участию в жизни общества, развития социально полезной и творческой деятельности, а также формирования высоких моральных принципов, патри-

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ : текст с изм. и доп. на 4 нояб. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отизма и гражданской ответственности, ребенка на достойный уровень жизни в представляется обоснованным на законодательном уровне закрепить право качества одной из гарантий прав ребенка в Российской Федерации.

Список источников

1. Анисимов А.В. Конвенция о правах ребенка и проблемы защиты прав и законных интересов детей-сирот в Российской Федерации // *Via Scientiarum* — Дорога знаний. 2021. № 4. С. 7–12.
2. Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 402 с. (Теория и практика международного права / Ассоц. Юрид. центр, Юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та).
3. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право : очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1916. 587 с.
4. Лукашева Е.А. Совершенствование деятельности государства — необходимое условие обеспечения прав человека // *Государство и право*. 2022. № 2. С. 187–193.
5. Абрамов В.И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Абрамов Владимир Иванович. Саратов, 2007. 55 с.
6. Путило Н.В. Социальные права граждан: история и современность. Москва : Юриспруденция, 2007. 140 с.

Информация об авторе

А.А. Штрикова — аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A.A. Shtrikova — Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПОЛЕМИКА В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

Иван Алексеевич ГАМАНИН

Приволжская транспортная прокуратура, Нижний Новгород, Россия, ivanbelgam@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты взгляды на сущность, понятие, форму и признаки государства в ленинской теории и советской юридической мысли 20-х годов XX века. Рассмотрены различные новаторские направления, выявлены противоречия в научном дискурсе по теории государства. Проанализировано соотношение государства и права в годы становления советской республики. В результате проведенного исследования установлена трансформация понятия государства в классической теории права в классовую идеологию. Методологическую основу исследования составили исторический и системно-структурный методы исследования для анализа взглядов отечественных ученых советского и постсоветского периодов на теорию государства и его формы.

Ключевые слова: ленинская теория государства, классовое государство, правовое государство, диктатура господствующего класса, разделение властей, революционная законность, материалистическая диалектика

Для цитирования: Гаманин И.А. Ленинская теория государства и полемика в советской юридической мысли 20-х годов XX века // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 143 – 149.

Original article

LENIN'S THEORY OF THE STATE AND THE POLEMICS IN SOVIET LEGAL THOUGHT OF THE 1920S

Ivan A. GAMANIN

The Volga Transport Prosecutor's Office, Nizhny Novgorod, Russia, ivanbelgam@mail.ru

Abstract. This article explores conceptions of the essence, concept, form, and characteristics of the state within Lenin's theory and Soviet legal thought of the 1920s. It considers various innovative approaches and identified contradictions within the scientific discourse on state theory. The study analyses the relationship between the state and law during the formative period of the

---

© Гаманин И.А., 2026

Soviet Republic. The research highlights the transformation of the concept of the «state» from classical legal theory to class ideology. The methodological basis of the study includes historical and systemic-structural research methods for analysing the views of scholars from Soviet and post-Soviet periods on the theory of the state and its forms.

Keywords: Lenin's theory of the state, class state, rule of law, dictatorship of the ruling class, separation of powers, revolutionary legality, materialist dialectic

For citation: Gamanin, I.A. Lenin's theory of the state and the polemics in Soviet legal thought of the 1920s. *Criminalist*. 2026;1(54):143-149. (In Russ.).

Понятие «государство» является одним из ключевых в системе юридических наук. Особую остроту и социальную значимость вопрос о его сущности приобрел в советское время в условиях господства марксистско-ленинских взглядов.

Проследить эволюцию подходов к пониманию концепта «государство» вместе с факторами, влияющими на этот процесс, — важная задача для науки.

На этапе создания и становления советской республики наиболее последовательное и развернутое обоснование теории государства нашло отражение в работе В.И. Ленина «Государство и революция» [1].

Формулируя учение о социалистическом государстве, В.И. Ленин исходил из материалистической диалектики и коммунистических идей К. Маркса и Ф. Энгельса, «показал диалектический синтез внешней формы государства („Временное революционное правительство“) и его внутренней формы („революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“» [2, с. 60].

«Государство, — писал Ленин, — есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены» [1, с. 7].

В многочисленных тезисах автора государство определяется как «продукт непримиримости классовых противоречий» [1, с. 5], «орудие эксплуатации угнетенного класса» [1, с. 12], «особая

сила для подавления угнетенного класса» [1, с. 18], «организованный и господствующий класс пролетариат» [1, с. 20], «организация насилия для подавления какого-либо класса» [1, с. 24]. Усиливают эту мысль лозунги «всякое государство несвободно и ненародно» [1, с. 20], «все государства в конечном счете обязательно являются диктатурой господствующего класса» [1, с. 35].

Таким образом, предпосылками возникновения государства, по ленинской теории, являются разделение общества на классы (обусловлено частной собственностью на средства производства) и наличие непримиримых противоречий между ними (неизбежны при классовом делении).

Примечательно, что насильственную классовую диктатуру как обязательный признак государства вождь мирового пролетариата отождествляет с демократией, определяя последнюю как «государство, признающее подчинение меньшинства большинству (или наоборот)» [1, с. 83] и «организованное, систематическое применение насилия к людям, т. е. одной части населения над другою» [1, с. 101].

Советское государство он называл «государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)» [1, с. 35].

Под демократией понималось господство класса большинства (в данном случае пролетариата и беднейшего крестьянства) над классом меньшинства (буржуазии).

В качестве обязательного условия полной демократии определялось достижение коммунизма [1, с. 90]: «Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее „государство“, состоящее из вооруженных рабочих и являющееся „уже не государством в собственном смысле слова“, тем быстрее начинает отмирать всякое государство» [1, с. 101].

Иными словами, ленинская теория предполагала возможность одновременного сосуществования в одном государстве взаимоисключающих политических режимов — демократии и диктатуры.

Примечательно, что в вопросе формы правления и государственного устройства В.И. Ленин отдавал предпочтение централизованной (унитарной) республике [1, с. 73], а не федеративной, на основе которой создавалась Советская Россия.

Большое внимание в «Государстве и революции» уделено преходящему характеру государства, его неизбежному отмиранию при достижении коммунизма. По мнению В.И. Ленина, когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям [1, с. 99], «государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. Государство не „отменяется“, оно отмирает» [1, с. 16].

Под отмиранием государства понималось «неуклонное сокращение, а затем и полная ликвидация государственного аппарата, передача его функций общественным организациям, а также постепенное исчезновение надобности в каком-либо принуждении по отношению к членам общества» [1, с. 99].

Таким образом, к числу признаков государства ленинская теория относилась классовый характер государственной

власти, наличие аппарата принуждения и угнетения, совмещение демократии и диктатуры, преходящий характер государства (неизбежность его отмирания).

Эти тезисы обобщает революционер-правовед А.И. Ангаров, согласно которому В.И. Ленин, развивая марксистскую диалектическую теорию, включил в понятие государства два признака: классово-принудительный характер и наличие особой, отчужденной от общества машины угнетения [2, с. 69].

В этой связи нельзя не отметить, что ленинская теория носила крайне идеологизированный, фрагментарный характер и сводилась к узкому пониманию государства как орудия классовой борьбы, обреченного на отмирание в бесклассовом (коммунистическом) обществе. В свете фактического многообразия признаков, функций и форм государства в разные исторические периоды ленинское видение этого института, ограниченное идеологией и политическими целями (подавление одной частью общества всех других), представляется нам утопичным (в том числе перспектива «отмирания» государства и права, отрицание постулатов классической теории) и противоречивым (совмещение режимов диктатуры и демократии).

Очевиден вывод, что на данном этапе «теория государства» формировалась и существовала в отрыве от «теории права».

В первые послереволюционные годы юридическая мысль еще сохраняла консервативные черты — продолжали публиковаться работы сторонников доктрины конституционного государства (например, В.М. Гессена, П.И. Новгородцева), основанного на принципах «связанности органов государственной власти положительным правом», «правовых гарантий неприкосновенности публичных прав», «единства и равенства прав для всех», «народного суверенитета» [3]. При этом под главной задачей правового государства П.И. Новгородцев пони-

мал «подчинение разрозненных стихий общественной жизни общему правовому порядку» [4, с. 7–9].

Историк и правовед М.А. Рейснер попытался совместить революционный марксизм с психологической теорией права, лишив государство материальных признаков и провозгласив его существование только в психике людей: «...никто, казалось бы, не может считать государственную власть чем-либо иным, как только идеей...» [5, с. 35].

Новая теория государства формировалась и функционировала на основе идеологии, ранее существовавшая теория права в классическом ее понимании фактически была обесценена.

В 20-е годы XX века теория государства получила развитие в работах правоведов и революционеров А.К. Стальгевича, М.Н. Доценко, Е.Б. Пашуканиса, А.Л. Малицкого, П.И. Стучки, которые в последующие годы были преданы забвению в связи со сложной политической, экономической обстановкой и событиями Второй мировой войны. Вместе с тем идеи этих ученых послужили одним из катализаторов трансформации государственно-правовой теории.

Одним из новаторов юридической науки выступил будущий директор Института советского строительства и права (1931–1937) Е.Б. Пашуканис с его «попыткой сближения формы права и формы товара», выраженной в идее капиталистического государства как властного регулятора менового отношения двух субъектов рынка, олицетворения правила общения товаровладельцев [6, с. 12]. То есть государство является надстройкой и регулятором по отношению к базису — рынку, который отождествляется с обществом [7, с. 85].

С классовых позиций марксизма он подверг критике естественную теорию права (с идеей государства как договора независимых и равных личностей), юридический позитивизм (с концепци-

ей правового государства как самостоятельной силы, отделенной от общества) и нормативизм (государство — мысленный предмет, замкнутый порядок норм и долженствований) как «искажающие реальную действительность» [7, с. 91], назвав правовое государство «миражом, удобным для буржуазии» [7, с. 93]. В конечном счете понятие государства сведено к «организованному насилию одного класса над другим».

В то же время государство «как организация классового господства не требует правового обоснования и по сути дела не допускает его». В терминах права государство может быть выражено только как гарант рыночного обмена, «сливаясь» с правом [7, с. 85].

При этом ни одна юридическая теория государства не является адекватной, а «дает лишь идеологическое, то есть искаженное, отражение действительности» [7, с. 86]. Говоря иными словами, марксистско-ленинское понимание государства Е.Б. Пашуканис также признавал ограниченным и необъективным, однако наиболее близким к реальности по сравнению с общей теорией права.

Не оспаривая классовую теорию государства, Е.Б. Пашуканис вносит в нее коррективы, утверждая, что «государственная машина реализует себя как безличная „общая воля“, как „власть права“, поскольку общество представляет собой рынок» [7, с. 90].

В свою очередь, советский юрист, председатель Верховного Суда РСФСР П.И. Стучка называл ленинскую идею «отмирания» государства невежественной и провокационной только на этапе «ожесточенной классовой борьбы», т. е. в переходный период от буржуазного классового строя к бесклассовому коммунистическому, не исключая преходящий характер государства в будущем [8, с. 97].

Е.Б. Пашуканис же категорично отклонил ленинский тезис об «отмира-

нии» государства и права в условиях построения социализма [6, с. 27].

П.И. Стучка называл наличие права признаком государства, говоря о немислимости существования последнего без первого. Однако идея правового государства у него носила условный, иллюзорный характер, так как государство связано законом, изданным только «в согласии с политикой реальной государственной власти», а юридический тип мировоззрения является устаревшим и враждебным [8, с. 99–100].

Идея правового государства была популярна в отечественной юридической мысли именно в первое десятилетие становления советской власти и, помимо Пашуканиса и Стучки, нашла отклик в трудах Д.И. Курского [9, с. 87], М. Доценко, А.Л. Малицкого [10], А.К. Стальгевича и иных исследователей.

Так, вразрез с мнением Е.Б. Пашуканиса, А.Л. Малицкий позиционировал советское государство как правовое, «потому что оно основано на законе, живет в условиях правового режима, но право исходит от государства и творится его нормами, а не стоит над государством» [10, с. 128]. Он утверждал, что право исходит от государства, признавая верховенство последнего. Будущее правовое государство представлялось ему федерацией трудящихся всех наций.

В качестве противоположного советскому привел пример полицейского государства, «где органы власти не ограничены нормами закона и надзором» [10, с. 130].

Е.Б. Пашуканис также противопоставлял понятия «полицейское государство» и «правовое государство», однако исходил из традиционного либерального определения последнего, не подменяя понятия.

Социалист-революционер А.Л. Малицкий, разделяя идею о классовом характере государства и экономических причинах его возникновения [10, с. 18], внес ряд новшеств.

В частности, он определил государство как «средство к достижению бесклассового общества» [10, с. 35], предмет государственного права в виде разграничения интересов, осуществляемых органами государственной власти [10, с. 24], цели государственной власти в виде поддержания порядка, созданного господствующим классом в своих интересах [10, с. 25], в том числе внутри самого господствующего класса [10, с. 31].

По-своему определил преходящий характер государства в зависимости от исторической эпохи, наделив буржуазное государство «нравственной идеей защиты личной свободы отдельного лица и его имущества», а пролетарское — «срывающим с государства всякое покрывало нравственности, всякую видимость чего-то идеального» [10, с. 34]. Пролетарское государство — средство к достижению бесклассового общества [10, с. 35].

Республику как форму государства автор разделил на два вида: демократическую (всеобщее избирательное право в широких народных массах, живущих политической жизнью) и советскую (власть принадлежит исключительно рабочим и беднейшим крестьянам) [10, с. 49].

Апогеем рассуждений А.Л. Малицкого стала идея «свободного государства»: «Нет никакого начальства, которое думало бы и делало за население... проявляйте самостоятельность, организуйте свою государственную власть, организуйте свое народное хозяйство: вы — господа своего положения, над вами нет ни хозяев, ни господ, ни опекунов, ваше будущее в ваших руках» [10, с. 134].

Государство выполняет функции регулятора правовой и экономической жизни, следовательно, резюмировал М.Н. Доценко, «оно является моментом правовой формы и само превращается в правовое государство» [11, с. 141].

А.И. Ангаров через призму материалистической диалектики в категориях

формы и содержания представлял государство как единую форму гражданского общества в двух ипостасях. Во-первых, государство «есть административная власть, аппарат принуждения, политическая организация господствующего класса. Во-вторых, государство, как внутренняя форма общества, есть прежде всего непримиримость классовых противоречий, классовый характер производственных отношений общества, основанного на частной собственности» [2, с. 59]. Идею «правового государства» он критиковал: «Мы, марксисты, никогда не ожидали и не ожидаем превращение государства в „свободную организацию“, исключаящую принуждение и угнетение» [2, с. 67].

Очевиден вывод об активной полемике и взаимной критике в «советском научном фронте» 20-х годов XX века и отсутствии единого мнения по всем аспектам новой теории государства. Ни одна из приведенных концепций не представляется нам научно обоснованной, однако внесенные новшества представляют научный интерес и ценность для дальнейшей эволюции юридической мысли.

Отдельного внимания заслуживает отношение к принципу разделения властей.

А.Л. Малицкий признал классическую теорию разделения властей неприменимой в советской республике в связи с ее нежизнеспособностью и фикцией, утверждая, что «власть должна делиться по принципу делового метода управления, где цель — работоспособность госаппарата, разделения властей не существует, высшие органы госвласти выполняют функции и законодательную, и административную, и хозяйственную» [10, с. 120].

В то же время Малицкий выделял надзорную ветвь власти, оригинально относя к ней не только прокуратуру, но и Верховный Суд СССР [10, с. 128].

На фикцию разделения властей намекал и П.И. Стучка («это все старые, пере забытые вещи») [8, с. 100], поскольку даже в буржуазном государстве, где «государственная власть управляет, то есть в своей политике осуществляет всю власть в совокупности, и только согласно этой политике правительства издаются, отменяются или истолковываются законы» [8, с. 99].

Современные авторы также разделяют мнение о демонтаже прежнего понимания государственно-правового устройства в переходный период, характеризуя его «подменной конституционных аспектов разделения властей, народоправства, верховенства закона эклектическими категориями „пролетарская демократия“ и „революционная законность“» [3].

Таким образом, теория советского государства в рассматриваемый период строилась преимущественно на идеях исторического материализма и классовой борьбы, сводилась к изучению проблем диктатуры пролетариата, советского строительства госаппарата и критике буржуазного государства и права. Марксистская догма в политической мысли, в законотворчестве и на практике заменила правовую науку правовой идеологией [12, с. 115], «теория государства» формировалась и существовала в отрыве от «теории права». С другой стороны, из анализа юридической мысли 20-х годов XX века следует, что на переходном этапе от «буржуазного строя» к «социалистическому» отсутствовали теоретическая база новой теории государства [8, с. 99] и единство в понимании отдельных аспектов. «Разнонаправленность» взглядов теоретиков раннего советского периода подтверждается в том числе демократическими идеями правового государства.

Кроме того, во второй половине 20-х годов в советском политическом дискурсе (а следом и в юридическом) зазвучала

идея о необходимости постепенной замены государства диктатуры пролетариата общенародным государством [8, с. 99].

Представления о государстве и его «отмирании» на протяжении семидесяти лет советской эпохи изменялись. То, насколько актуальны идеи советских ученых и политических деятелей в современных условиях, имеет прямое отношение к науке теория государство и право.

Апогеем формирования нового, материалистического толкования государства советской эпохи стал четырехтомный курс «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», изданный в 1970–1973 годах (к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина) и обобщивший все, что сделано советской наукой в области теоретического осмысления государственно-правовой действительности.

Список источников

1. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 33. Москва : Госполитиздат, 1969. 433 с.
2. Ангаров А.И. О понятии государства // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 58–69.
3. Вышкварцев В.В. Правовое государство в трудах советских юристов 20–30-х годов XX века // Российский юридический журнал. 2012. № 2 (83). С. 46–51.
4. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени, XIX–XX вв. Москва : [б. и.], 1918. 209 с.
5. Рейснер М.А. Государство. Ч. 1. Идеология и метод. Изд. 2-е, доп. и испр. Москва : Социалист. акад. обществ. наук, 1918. 222 с.
6. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. Москва : Наука, 1980. 269 с.
7. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. Москва : [б. и.], 1924. 128 с.
8. Стучка П.И. Право – закон – техника // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 97–102.
9. Курский Д.И. На путях развития советского права : статьи и речи, 1919–1926. Москва : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 118 с.
10. Малицкий А.Л. Советское государственное право : очерки : пособие для ВУЗов. Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1926. 320 с.
11. Доценко М.Н. Против схоластики в теории права // Советское государство и революция права. 1930. № 7. С. 136–155.
12. Поляков А.В. Общая теория права : курс лекций. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. 642 с. (Учебники и учебные пособия / Ассоц. Юрид. центр, Каф. теории и истории государства и права С.-Петерб. гос. ун-та).

Информация об авторе

И.А. Гаманин – старший помощник Приволжского транспортного прокурора по обеспечению безопасности и физической защиты.

Information about the author

I.A. Gamanin – Senior Assistant to the Prosecutor of the Volga Transport Prosecutor's Office for Security and Physical Protection.

Научная статья
УДК 340

ОБЫЧНОЕ ПРАВО – ОСНОВА ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Ирина Борисовна ЛОМАКИНА¹, Милана Алановна МАРГИЕВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹lomakina7311@gmail.com

Аннотация. В статье описывается существование обычного права как первоосновы правовой традиции. Утверждается, что характер и особенности правовой традиции напрямую связаны с обычнo-правовыми должноствоаниями. Они-то и составляют культурную память народа. Отсюда проистекает необходимость изучения обычного права как общетеоретической проблемы, имеющей выход на эмпирику, представленную многочисленными культурными текстами, написанными самим народом. Авторы показывают обычное право во всем многообразии социокультурных форм. Анализируются позиции ученых, чье творчество оказало влияние на становление теории обычного права. Доказывается, что обычное право связано с историей и культурой народа, в нем запечатлена вся социальность, проявляющаяся в повседневных практиках. Обычное право не только в потенции расширяет горизонты замиренной коммуникации, включая других (другого) в себя, но и в реальном измерении формирует масштаб должного и возможного поведения в обществе. Анализируя правовую традицию осетинского народа, авторы приходят к выводу, что в основе обычного права лежит трансцендентный принцип — взаимного признания, без которого ни одна правовая коммуникация невозможна. Сущность же обычного права заключается в восстановлении равновесия и формировании замиренной среды, предсказуемой и понятной для всех членов социума.

Ключевые слова: обычное право, правовая традиция, правовая культура, правовая идентичность

Для цитирования: Ломакина И.Б. Маргиева М.А. Обычное право — основа правовой традиции: общетеоретический и прикладной аспект // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 150–156.

Original article

CUSTOMARY LAW AS THE FOUNDATION OF LEGAL TRADITION:
GENERAL THEORETICAL AND APPLIED ASPECT

Irina. B. LOMAKINA¹, Milana. A. MARGIEVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹lomakina7311@gmail.com

Abstract. The article describes customary law as the primary foundation of legal tradition. It is argued that the nature and distinctive features of any legal tradition are directly linked to customary legal obligations, which collectively constitute the cultural memory of a people. This gives rise to the need to study customary law as a problem of general legal theory with direct empirical

---

© Ломакина И.Б., Маргиева М.А., 2026

relevance, represented by numerous cultural texts created by the people themselves. The authors present customary law in the full diversity of its socio-cultural forms. The positions of scholars whose work influenced the development of the theory of customary law are analysed. It is demonstrated that customary law is connected with the history and culture of a people, encapsulating the entirety of sociality manifested in everyday practices. Customary law not only potentially expands the horizons of reconciliatory communication, including others (the other) within itself, but also, in a real sense, shapes the scope of appropriate and possible behavior within society. Analyzing the legal tradition of the Ossetian people, the authors conclude that customary law is grounded in a transcendent principle -- that of mutual recognition -- without which no legal communication is possible. The essence of customary law lies in restoring equilibrium and forming an environment of reconciliation, predictable and understandable for all members of the social community.

Keywords: customary law, legal tradition, legal culture, legal identity

For citation: Lomakina I.B., Margieva M.A. Customary law as the foundation of the legal tradition: general theoretical and applied aspect. *Criminalist*. 2026;1(54):150-156. (In Russ.).

Проблемам обычного права посвящено огромное количество литературы разной направленности, свидетельствующей о неоднозначности обычного права и его осмысления гуманитарными науками. Анализируя обычное право с точки зрения предмета теории государства и права, выявляя его сущностные признаки применительно к классическим и неклассическим подходам (парадигмам), один из соавторов настоящей статьи в своей докторской диссертации отмечала, что данный феномен лучше всего вписывается в неклассическую методологию [1]. Поэтому его осмысление предполагает исследование не только формы обычая как такового, но и всей социальности человека, так как право не существует вне его жизненного мира. Все правовые долженствования интериоризируются (внешнее преломляется через внутреннее), и только после этого происходит их объективация. Этот процесс непрерывен и диалектичен и был в свое время хорошо описан Бергером и Лукманом в книге по социальному конструированию реальности [2].

Казалось бы, не осталось более «темных пятен» в теории обычного права, все акценты расставлены, все «точки кипения» обнаружены, все дороги пройдены. Однако наличие эмпирического

материала, представленного студентами Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, побудило к новому осмыслению обычного права в рамках совместных творческих проектов.

Взяв на вооружение неклассический антрополого-правовой подход, успешно развиваемый на кафедре теории и истории государства и права Института под руководством профессора И.Л. Честнова, мы в качестве идейной доминанты взяли ценностную составляющую обычного права, хорошо обнаруживающую себя в правовой традиции каждого народа. Поэтому для нас обычное право — это не только совокупность правовых обычаев, но и вся правовая действительность, включающая в себя правоотношения, правоприменение, правосознание, реифицированное в мифологемах и идеологемах. Такой ракурс дает основание утверждать, что в традиционных обществах существуют различные уровни правовой системы с универсальными и не универсальными алгоритмами функционирования обычного права [3, с. 26].

Данное допущение предполагает существование нескольких правовых полей, эвентуально действующих право-

вых подсистем, которые, сосуществуя в одном правовом поле, могут дополнять друг друга и даже соперничать [4, с. 98]. К числу таких полуавтономных систем относится обычно-правовая система [5, с. 39].

Справедливости ради стоит отметить, что в современном государственно организованном обществе не существует исключительной самостоятельности обычно-правовой системы, исключение составляют лишь аборигенные обычно-правовые системы, не интегрированные в государственно-правовое пространство. Например, обычно-правовые системы австралийских аборигенов, племен экваториальной Африки и Новой Зеландии, канадских эскимосов и еще некоторые иные реликтовые обычно-правовые системы базируются исключительно на правовых должностностях, реифицированных (дегуманизированных) местными религиозными культурами. Для народов, имеющих свою государственность и прошедших длительный путь к цивилизованности, характерна обычно-правовая система, которая существует не сама по себе, а в рамках определенной государственно организованной правовой традиции.

Таким образом, обычное право — это разновидность социального права (речь не идет о праве социального обеспечения), и оно не отделено, как в свое время отмечали А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, «китайской стеной» [6, с. 126] от государственно организованного права. Оно, подобно тени, обнаруживает себя в социальной реальности, но его не стоит рассматривать и как правовую дефектность [7, с. 17] или как «закостенелость психики» [8, с. 36].

Поэтому, отказываясь от априорных оценок его дефектности и отсталости, мы полагаем, что рассмотрение обычного права с антрополого-правовых

позиций более привлекательно. Этот подход не маскирует реальность, подгоняя ее под желаемый монистический шаблон, проповедуемый юридическим позитивизмом (этатизмом) [9]. Он дает широкий спектр возможностей в изучении явлений правовой действительности, во-многом указывающих на процесс формирования и развития правовой традиции во всем многообразии ее социокультурных форм. Это, в свою очередь, актуализирует как теоретический, так и прикладной аспект познания и понимания права. И в завершение о достоинстве антрополого-правового подхода в изучении данного феномена. Стоит заметить, что этот подход заявляет о необходимости признания за обычным правом факта данности. Данность в нашем случае выступает не как то, что дано свыше (хотя в обыденном сознании обычное право таковым и видится, т. е. как «завет предков»), а как то, что конструирует сам народ, но забывает о своем авторстве. Поэтому люди находят существующий порядок как положенный. Данный механизм описан в статьях, посвященных интериоризации и реификации правовой традиции [10, с. 112].

Поэтому, не углубляясь в тонкости механизма воспроизводства правовой реальности, признаем факт существования обычного права в любой социальной системе. Рассмотрим правовую традицию осетин на протяжении ее возникновения, становления и развития в целом и применительно к отдельно существующим правовым институтам, включая кровную месть. Кровная месть, с одной стороны, была институтом, восстанавливающим равновесие социальной системы, с другой — формировала культуру чести и ответственности, а также неотвратимости наказания.

Народ Осетии имеет богатую историю, которая привлекала внимание как

российских, так осетинских ученых. Неоценимое значение в ознакомлении с осетинской правовой традицией и определении ее сущности и самобытного характера имеют труды известного российского метра социологии права М.М. Ковалевского. На протяжении всей жизни ученый неустанно собирал и анализировал обычаи осетин, связав их в единую правовую традицию. По М.М. Ковалевскому, обычное право — это продукт замиренности и результат эволюции «гражданственности». Под гражданственностью он понимал все то, «из чего, заодно с правом, складывается в данный момент социальный уклад народа, его экономика и политика, религия и нравственность, наука и искусство» [11, с. 6].

Понятием «гражданственность» ученый определял этническую и культурную принадлежность народа. Обычное право, в интерпретации автора, — этнокультурное явление общественной жизни, которое детерминировано местными условиями жизни народа. Говоря о клятве и ритуале осетин, он раскрывал роль очага в связанных с культом предков идеологических представлениях, которые, в свою очередь, отражали взгляды осетин на проблему жизни и смерти, добра и зла, кары и возмездия. В соответствии с этими представлениями умершие предки осуществляли суд и карали за ложь тех, кто осмеливался говорить неправду, кара могла также постичь родственников и потомков «преступника». Через комплекс идеологических представлений, связанных с очагом и культом предков, М.М. Ковалевский трактовал ряд правовых обычаев [12, с. 36].

Со сходных позиций анализировал обычное право осетинский исследователь А.С. Дзасохов, отмечая, что у осетин издавна ценились честь, достоинство,

осторожность, вежливость, взаимопомощь и равенство [13, с. 35]. Рассмотрим обычай «зиу» — взаимопомощи. Взаимопомощь рассматривалась осетинами в различных аспектах существования осетинского общества, но особенно интересен этот обычай в сфере уголовного права. Его суть заключается в том, что если виновный находил убежище в другом ауле, его должны были принять, накормить и попытаться уладить конфликт мирным путем [14, с. 65]. Для этого собиралось собрание из 100–200 мужчин с целью ведения переговоров, но если пострадавшая сторона отказывалась от примирения, ей объявляли «хъоды» (бойкот) [15, с. 29].

Данный обычай показывает, что в основе обычного права лежали примирительные процедуры разрешения конфликта и основная идея традиционного общества заключалась в замиренности, а не в конфликте и уж тем более не в кровной мести как таковой. Институт бойкота как формы давления на сторону, отказывающуюся от примирения, отражает стремление к балансу между справедливостью и общественным согласием. Интересно, что, несмотря на то что обычай взаимопомощи («зиу») рассматривался преимущественно в контексте существования других обычно-правовых институтов, таких как кровная месть («туг исын») и принесение присяги [16, с. 73], все же этот обычно-правовой институт показывает, что кровная месть не была самоцелью осетинского общества и имела, скорее, вынужденный и ограничительный характер восстановления нарушенного равновесия.

Только самые тяжкие преступления, такие как убийство, ранение, похищение девушки и иные оскорбления чести, как правило, подпадали под отмщение. Отмщение как обычай имело не только индивидуализированный, но и коллек-

тивный характер, так как затрагивало честь не только семьи, но и рода в целом. Известны случаи вражды между семьями и родами, длящейся десятилетиями. Поэтому наряду с кровной мстью постепенно стали формироваться обычаи возмещения вреда. Так, за убийство по неосторожности при искреннем раскаянии полагалась компенсация ущерба и отпущение было необязательным [17, с. 112].

Таким образом, очевиден дифференцированный подход к пониманию правонарушения. Этот подход показывает, насколько глубоко идея замиренности была вплетена в материальные условия жизни и в ментальность осетинского народа. Однако изнасилование, кража невесты или публичное унижение считались не просто личным оскорблением, а позором всего рода, который можно было смыть только кровью [18, с. 32]. Такое отношение к оскорблению подчеркивает коллективную ответственность и высокую значимость чести рода в осетинском обществе. Как полагает исследователь обычного права А.М. Цаллагов, «кровная мсть регулировала поведение внутри сообществ, выступая механизмом саморегуляции, дисциплины и социальной справедливости» [19, с. 12]. Кровная мсть выполняла функцию своеобразного общественного контроля, заставляя людей быть осторожными и ответственными в поступках.

К XX веку отпущение как обычно-правовой институт постепенно замещалось материальными компенсациями и символическими обрядами, что, в свою очередь, демонстрировало некую трансформацию его сущностной составляющей. Однако культура чести и защиты семейного очага сохранялась на уровне повседневных практик. Как отмечает другой исследователь осетинской культуры, А.Б. Цораев, эти изменения

отражают переход от жестоких форм возмездия к более цивилизованным способам восстановления справедливости. Если договор о примирении нарушался, поручители отдавали уважаемого человека своего рода в качестве гаранта [4, с. 90].

Другой обычай, гарантировавший исполнение обязательств, был связан с культом собаки. Собака играла важную роль в жизни осетинского общества, поэтому в случае обмана потерпевшая сторона могла зарезать собаку на фамильном склепе [4, с. 98]. Такая система гарантий подчеркивает серьезность и святость слова в осетинской культуре — нарушение договора воспринималось общественным сознанием как тяжкое преступление перед всем родом. Символические действия, как, например, умерщвление собаки на фамильном склепе, подчеркивали глубину моральной ответственности и носили предупреждающий характер, удерживая ответственную сторону от обмана.

Появление и укоренение христианства, впрочем, как и упрочение государственной судебной власти, также повлияло на методы восстановления нарушенного равновесия. К середине XX века отдельные обычно-правовые институты превратились в культурную память, сохранившись в эпосе, пословицах и народных песнях. Но в целом обычное право не утратило свою жизнеспособность и на уровне обыденных практик, оно по-прежнему воспроизводится в кругу семьи, друзей, а также в правоприменительной практике, хотя и в неаутентичной форме.

Подводя итог, отметим следующее. Во-первых, обычное право связано с историей и культурой народа, в нем запечатлена вся социальность, проявляющаяся в повседневных практиках. Во-вторых, обычное право не только

в потенции расширяет горизонты замиренной коммуникации, включая других (другого) в себя, но и в реальном измерении формирует масштаб должного и возможного поведения в обществе. В-третьих, анализируя правовую традицию осетинского народа, авторы приходят к выводу о том, что в основе обычного права лежит трансцендентный принцип — взаимного признания, без которого ни одна правовая ком-

муникация невозможна. В-четвертых, сущность обычного права заключается в восстановлении равновесия и формировании замиренной среды, предсказуемой и понятной для всех членов социума. В-пятых, обычное право, несмотря на свою национальную маркированность, требует изучения и осмысления как на уровне самой социальной структуры, породившей его, так и на общетеоретическом, общеправовом уровне.

Список источников

1. Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ломакина Ирина Борисовна. Санкт-Петербург, 2005. 368 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Моск. филос. фонд, 1995. 322, [2] с. (Первые публикации в России. ППР).
3. Ломакина И.Б. Социокультурные и социопсихические основы обычного права // Политика и общество : сетевое издание. 2004. № 2. С. 25–30. URL: <https://www.nbpublish.com/rsmag/> (дата обращения: 17.10.2025).
4. Цораев А.Б. Правовые традиции Осетии и их влияние на современность. Москва : Наука, 2012. 267 с.
5. Ломакина И.Б. Экономическая основа правовых институтов в традиционной этнической среде // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2004. № 1. С. 32–39.
6. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права : учебник. Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 467 с.
7. Баранов В.М. Техничко-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 15–41.
8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург : Лань, 2000. 606 с.
9. Байтин М.И. Сущность права : (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2001. 413 с.
10. Ломакина И.Б. Правовая идентичность в классическую эпоху // КриминалистЪ. 2023. № 1 (42). С. 112–118.
11. Ковалевский М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1 / под ред. Ю.С. Гамбарова. Санкт-Петербург : О.Н. Попова, 1899. С. 4–25.
12. Ломакина И.Б. Социологические идеи в русле дореволюционного теоретико-правового дискурса // КриминалистЪ. 2020. № 1 (30). С. 33–38.
13. Дзасохов А.С. История Осетии. Владикавказ : Иристон, 1998. 560 с.
14. Гутнов С.В. Гостеприимство на Кавказе как институт разрешения конфликтов. Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. 360 с.
15. Гаджиев М.М. Примирительные практики народов Кавказа. Грозный : Чечен. науч. центр, 2010. 236 с.
16. Сокуров А.И. Обычное право народов Кавказа: от мести к закону. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2010. 389 с.

17. Джанаев Р.С. Обычное право в Северной Осетии: история и современность. Владикавказ, 2015. 190 с.

18. Ходова Л.М. Женщина и честь в традиционной культуре Кавказа. Москва : Восточная литература, 2006. 462 с.

19. Цаллагов А.М. Нартовский эпос как источник права. Владикавказ : СОИГСИ, 2003. 546 с.

Информация об авторах

И.Б. Ломакина – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

М.А. Маргиева – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

И.Б. Ломакина – Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

М.А. Маргиева – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 347.1

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТУЮ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ¹, Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ ekuzbagarov@yandex.ru

² 89219505168lgu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обзору некоторых изменений, внесенных в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 7 июля 2025 года № 214-ФЗ. Данный законодательный акт вносит существенные изменения в регламентацию такого способа защиты исключительного права, как компенсация за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, включая методику ее расчета. Среди нововведений: возможность суда рассчитать и присудить компенсацию в твердом размере, когда определить ее избранным истцом способом невозможно; совокупность противоправных действий, направленных против интересов правообладателя, может быть квалифицирована как единое нарушение при условии их взаимосвязи и достижения единого экономического результата; лица, чьи действия, независимо от их согласованности, нарушают исключительное право правообладателя, несут перед последним солидарную ответственность.

Ключевые слова: исключительное право, способы защиты, компенсация, публичный интерес, множественность нарушений, солидарная ответственность

Для цитирования: Кузбагаров Э.А., Тарасевич К.А. Обзор изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 157 – 162.

Original article

OVERVIEW OF AMENDMENTS TO PART IV OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Edward A. KUZBAGAROV¹, Ksenia A. TARASEVICH²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ ekuzbagarov@yandex.ru

² 89219505168lgu@gmail.com

© Кузбагаров Э.А., Тарасевич К.А., 2026

Abstract. This article provides an overview of certain amendments introduced in Part IV of the Civil Code of the Russian Federation by Federal Law No. 214-FZ of July 7, 2025. This legislative act brings significant changes to the regulation of compensation as a remedy for the infringement of an exclusive right to the result of intellectual activity, or a means of individualization, including the methodology for its calculation. Key innovations include the court's ability to determine and award compensation in a fixed amount when calculation by the method chosen by the claimant is impossible. A set of unlawful actions directed against the right holder's interests may be qualified as a single infringement if they are interconnected and achieve a single economic outcome. Additionally, persons whose actions, regardless of their coordination, infringe upon the exclusive right of the right holder, bear joint and several liability to the latter.

Keywords: exclusive right, remedies, compensation, public interest, multiplicity of infringements, joint and several liability

For citation: Kuzbagarov E.A., Tarasevich K.A. Overview of amendments to Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. *Criminalist*. 2026;1(54):157-162. (In Russ.).

Защита интеллектуальных прав неизменно является неотъемлемой частью судебной практики, демонстрирующей устойчивую тенденцию к росту количества дел данной категории на протяжении многих лет. Так, судами общей юрисдикции в 2022 году рассмотрено 4 241 дело, в 2023 году — 4 510, а в 2024 году — 4 439. В арбитражные суды Российской Федерации в 2022 году было подано 34 524 иска, в 2023 году — 42 372, в 2024 году — 45 306 (данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>).

В то время как колебания в статистике рассмотрения судами общей юрисдикции дел, связанных с защитой интеллектуальных прав, незначительны, количество подобных исков, подаваемых в арбитражные суды Российской Федерации, неуклонно растет, что, в свою очередь, подтверждает насущную потребность в обеспечении защиты интеллектуальных прав. Особенно значительный рост, составивший 22 %, был зафиксирован в 2023 году по сравнению с показателями 2022 года. Не исключено, что поводом для увеличения числа обращений стали в том числе известные политические события 2022 года.

Увеличение количества случаев подачи исковых заявлений о защите интеллектуальных прав может быть связано

и с систематическим внесением изменений в законодательство в области права интеллектуальной собственности. Так, в 2025 году было принято два федеральных закона о внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Федеральным законом от 7 июля 2025 года № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 7 июля 2025 года № 214-ФЗ) ГК РФ дополнен нормами, устанавливающими порядок взыскания и способы расчета компенсации за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (объекты интеллектуальной собственности).

В контексте права на объекты интеллектуальной собственности компенсация выступает как один из способов защиты, а также как мера ответственности, применяемая к нарушителю исключительного права. Форма выражения компенсации — денежная. Истец вправе заявить требование о выплате компенсации вместо возмещения убытков, которые он понес или мог понести в связи с нарушением его права. Наиболее часто заявляемым является требование о выплате компенсации, поскольку для его удовлетворения достаточно доказать факт нарушения исключительного права, в то

время как для взыскания убытков требуется доказать не только сам факт причинения ущерба, но и его размер. Мотивы истца при выборе компенсации, а не возмещения убытков вполне понятны. Как установил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 июля 2020 года № 40-П [1], на практике истцы – правообладатели склоняются к наиболее жесткому для нарушителя варианту из допустимых способов расчета компенсации, что превращает их в экономически более сильное лицо в споре. Упомянутое Постановление, а также ряд других (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 года № 28-П, от 13 февраля 2018 года № 8-П, от 14 декабря 2023 года № 57-П), отмечает Л.А. Новоселова, закрепляют за судами правомочия по снижению размера компенсации и даже отказу в ее взыскании с учетом фактических обстоятельств дела и в соответствии с требованиями справедливости и разумности [2, с. 221].

Установление Федеральным законом от 7 июля 2025 года № 214-ФЗ новых правил назначения компенсации за нарушение исключительных прав позволило решить ряд проблем, возникающих в том числе в судебной практике.

1. Выбор способа расчета компенсации по усмотрению суда.

Как уже было отмечено, истец вправе заявить требование о присуждении компенсации вместо взыскания убытков. Гражданский кодекс Российской Федерации дополнен статьей 1252.1, пункт 2 которой устанавливает конкретные способы расчета компенсации за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации: 1) назначение компенсации в твердом размере; 2) назначение компенсации в размере, кратном стоимости контрафактных носителей; 3) назначение компенсации в размере, кратном стои-

мости права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Эти же способы расчета применялись и ранее, однако теперь они приобрели унифицированный вид и закреплены в общих положениях главы 69 ГК РФ. В пункте 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» содержится следующее разъяснение: «Суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации» [3]. Такой подход создавал для истца проблему, если избранный им способ, например в размере двукратной стоимости контрафактных товаров, не позволял произвести расчет компенсации, что приводило к отказу в удовлетворении исковых требований. Имели место случаи, когда суд самостоятельно изменял способ расчета компенсации, что при последующем обжаловании являлось поводом для отмены решения суда. Представляется, что требуется корректировка способа расчета компенсации в тех случаях, когда истец выбирает неоптимальный способ расчета, а не сам способ защиты исключительного права. При этом суд не вправе директивно указывать истцу на необходимость изменения способа расчета компенсации, поскольку такое вмешательство может быть истолковано как вынесение решения по существу дела, что нарушило бы принципы независимости и беспристрастности, названные в ст. 6 Кодекса судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года).

С введением п. 3 ст. 1252.1 ГК РФ суду предоставлено право изменить способ расчета и взыскать компенсацию в твердом размере по собственной инициативе, если выбранный истцом способ является неприменимым к обстоятельствам нарушения. При этом в целях процес-

суальной экономии суды не должны прибегать к присуждению компенсации в твердом размере, если определение стоимости использования права на объект интеллектуальной собственности осложнено исследованием дополнительных вопросов.

2. Определение размера компенсации при множественности нарушений и множественности правообладателей.

Может возникнуть ситуация, когда на одном материальном носителе размещено несколько объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих одному или нескольким правообладателям. Незаконное использование указанных объектов, зафиксированных на материальном носителе, квалифицируется как нарушение исключительного права, выраженное в форме контрафактного товара. Защищать нарушенное право правообладатель может способами, предоставленными законом, в том числе посредством заявления требования о выплате компенсации. До внесения изменений в часть четвертую ГК РФ правообладатель рассчитывал компенсацию путем сложения стоимости легального использования каждого объекта интеллектуальной собственности, размещенного на контрафактном носителе. При таком подходе итоговая сумма компенсации существенно возрастала, несмотря на то что действия по размещению каждого отдельного объекта были взаимосвязаны и обуславливали единый экономический результат.

В пункте п. 4 ст. 1252.1 ГК РФ установлено правило, согласно которому суд должен применять наибольшие минимальные и максимальные размеры компенсации либо расчет стоимости может основываться на наиболее дорогом объекте [4]. Несмотря на множественность объектов интеллектуальной собственности и множественность нарушений, для цели взыскания компенсации необходимо исходить из того, что допущено одно

нарушение. Логическое обоснование заключается в следующем: все объекты интеллектуальной собственности размещены на одном контрафактном носителе, а значит, экономический результат при его продаже или попытке продажи не меняется независимо от того, сколько объектов интеллектуальной собственности на нем размещено, один или несколько [5].

Таким образом, формируется представление о защите нарушителя от кумулятивного эффекта стоимости права использования объекта (объектов) интеллектуальной собственности, когда экономический результат остается неизменным независимо от количества объектов и действий, составляющих предмет нарушения. Следовательно, представляется целесообразным рассматривать совокупность таких действий как единое нарушение.

Взысканная сумма компенсации нарушения исключительного права подлежит распределению среди правообладателей. Пунктом 6 ст. 1252.1 ГК РФ установлено правило о равенстве долей правообладателей при присуждении компенсации. Лицо, которое взыскало компенсацию, обязано передать соответствующую долю компенсации всем правообладателям. Иной размер долей может быть определен законом, соглашением сторон или следовать из существа отношений. В настоящее время законодательное регулирование распределения долей отсутствует. Стороны часто испытывают трудности при достижении консенсуса относительно изменения причитающейся доли, особенно в случае, когда один из правообладателей настаивает на том, что его доля должна быть больше, чем у других. При обосновании таких требований могут использоваться следующие аргументы: стоимость права легального использования объекта одного из правообладателей выше стоимости права других

правообладателей, и именно она должна быть положена в основу расчета компенсации согласно п. 4 ст. 1252.1 ГК РФ, а значит, его доля должна быть больше. Другой аргумент: хотя стоимость права легального использования одного объекта интеллектуальной собственности выше, другой объект, несмотря на меньшую стоимость права использования, пользуется большей популярностью и востребованностью. В данном случае правообладатель более дорогостоящего объекта, возможно, лишь использует деловую репутацию, создаваемую благодаря популярности и узнаваемости более востребованного, но меньшего по стоимости объекта интеллектуальной собственности, который и привлекает интерес потребителей. В случае недостижения сторонами соглашения действующее законодательство не предусматривает возможности обращения в суд с требованием об изменении распределения долей, поскольку при их формальном равенстве иное распределение может быть установлено исключительно на основании отдельного нормативного акта или соглашения сторон.

3. Солидарная ответственность нарушителей.

Судебная практика свидетельствует о тенденции привлечения к ответственности за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации преимущественно «конечных продавцов», в частности осуществляющих розничную продажу контрафактной продукции. Деятельность данной категории нарушителей характеризуется повышенной открытостью, в том числе необходимостью публичного информирования о себе. Одними из эффективных методов выявления третьими лицами нарушения исключительных прав является мониторинг в сети «Интернет», а также контрольные закупки контрафактной продукции. Подобные действия, как правило, повышают веро-

ятность вынесения судом положительного решения в пользу истца. «Конечный продавец» часто выступает в качестве одного из звеньев в цепочке нарушителей, где другие субъекты могут быть задействованы в производстве, оптовых или мелкооптовых закупках, транспортировке, хранении контрафактной продукции и т. д. Субъекты, не участвующие в судебном процессе, формально не несут ответственности, несмотря на то что они, как и «конечный продавец», нарушают исключительные права правообладателя.

Пунктом 8 ст. 1251.1 ГК РФ установлено правило, согласно которому «если несколько лиц совершили самостоятельные нарушения исключительного права с использованием одних и тех же контрафактных материальных носителей, суд может взыскать с этих лиц компенсацию солидарно». При этом не важно, действовали эти лица организованно, согласованно или нет. Совокупность действий различных субъектов рассматривается как единое нарушение, поскольку каждое из них подчинено общей цели и по отдельности не имеет самостоятельного экономического значения. Привлечение к ответственности одного из нарушителей дает ему право предъявить регрессные требования к остальным солидарным должникам, доля ответственности которых по умолчанию считается равной. Следовательно, ответственность за нарушение исключительного права равномерно распределяется между всеми нарушителями. Тем не менее эффективность применения этого механизма на практике будет зависеть от ряда факторов, в частности от целесообразности привлечения остальных должников к судебным разбирательствам, что может негативно сказаться на деловых отношениях между ними. Кроме того, установленное правило выполняет и другую полезную функцию. Потерпевшее лицо не может обращаться с исковыми требованиями к остальным

нарушителям по цепочке, поскольку это привело бы к его неосновательному обогащению, в то время как свое право он защитил, обратившись к одному из солидарных ответчиков.

Таким образом, ст. 1252.1 ГК РФ установила новые правила расчета компенсации за нарушение исключительного права. Эти положения имеют важное публично-правовое значение [6, с. 34], поскольку затрагивают интересы широкого круга субъектов, включая как правообладателей, так и действующих

или потенциальных нарушителей. Новые правила оптимизируют возможность выбора судом способа расчета компенсации, при этом не подменяя компетенцию истца в выборе способа защиты; множественность действий, объединенных одной экономической целью, является одним нарушением права; «конечный продавец» не должен быть единственным субъектом ответственности, цепочка нарушителей несет солидарную ответственность перед правообладателем.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 5.
2. Новоселова Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития // Вестник ФИПС. 2024. Т. 3, № 3 (9). С. 220 – 231.
3. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
4. Едидович А.М. Анализ новелл в регулировании компенсации за нарушение исключительных прав: множественность нарушений и множественность лиц // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49). С. 111 – 115.
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 411043-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (в части установления порядка использования отдельных объектов авторских и смежных прав, правообладатели которых неизвестны) // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/411043-8> (дата обращения: 18.11.2025).
6. Кузбагаров Э.А. Принуждение в гражданском праве в публичном интересе : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Кузбагаров Эдуард Асхатович. Москва, 2020. 186 с.

Информация об авторах

Э.А. Кузбагаров – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

К.А. Тарасевич – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

E.A. Kuzbagarov – Senior Lecturer at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law);

K.A. Tarasevich – Senior Lecturer at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ. ВОЛЖЕНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, roman888rus@rambler.ru*

Аннотация. В обзоре излагаются основные положения докладов и сообщений участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения», которая прошла 28 ноября 2025 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, обзор конференции

Для цитирования: Кравченко Р.М. Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения» // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 163 – 167.

Review article

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «CRIMINAL LAW OF RUSSIA: STATE AND PERSPECTIVES. VOLZHENKIN READINGS»

Roman M. KRAVCHENKO

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, roman888rus@rambler.ru*

© Кравченко Р.М., 2026

Abstract. This review summarizes the main points of the reports and presentations given by speakers at the X All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation titled «Criminal Law of Russia: State and Perspectives. Volzhenkin Readings», which took place on November 28, 2025 at St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, criminology, conference review

For citation: Kravchenko R.M. Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation «Criminal Law of Russia: State and Perspectives. Volzhenkin Readings». *Criminalist*. 2026;1(54):163-167. (In Russ.).

28 ноября 2025 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее – Институт) состоялась X Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения».

В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав Института, ведущие ученые в области уголовного права А.Г. Антонов, А.Г. Хлебушкин, А.В. Никуленко, М.В. Арзамасцев, представители Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербургского государственного университета, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и других вузов, научных организаций, прокуратур, правоохранительных органов и судов.

Во вступительном слове ведущий конференции директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор В.Ф. Щепельков отметил, что уголовное право, являясь мощным регулятором общественных от-

ношений, должно максимально последовательно и легитимно регулировать сферу, связанную с привлечением виновных к уголовной ответственности, обеспечивать правоприменителя качественным законодательным инструментом, позволяющим эффективно выполнять задачи в сфере реализации уголовной политики. В обстановке активно развивающегося общества и преступности уголовное право встает перед новыми вызовами, каковыми являются, в частности, военные преступления и распространение экстремистской идеологии.

В.Ф. Щепельков заключил, что не теряют своей актуальности вопросы криминологического обоснования уголовно-правового запрета, подробно исследованные Борисом Владимировичем Волженкиным, что и повлияло на выбор темы конференции.

Пленарное заседание открыл заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Института доктор юридических наук, профессор А.Н. Попов с докладом на тему: «Вопросы квалификации состава преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ». В своем докладе А.Н. Попов осветил проблемы определения признаков потерпевшего, а именно отсутствие единства мнений относительно понятия «государственный и общественный деятель», формы вины при посягательстве на жизнь таких лиц, а также мотивов и целей преступления.

А.Г. Хлебушкин, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор

юридических наук, доцент, выступил с докладом на тему: «Основания уголовно-правовых запретов, обеспечивающих охрану основ конституционного строя и безопасность государства». А.Г. Хлебушкин представил результаты анализа уголовно-правовых новелл, направленных на охрану основ конституционного строя и обеспечение общественной безопасности государства, в частности норм ст. 207.1, 207.2, 207.3, 275.1, 280.3, 280.4, 281.1 УК РФ.

С докладом на тему: «Правовой мониторинг как направление совершенствования законодательства об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» выступила ведущий специалист Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь О.А. Сыромаха, осветившая вопросы уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства на уровне СНГ и в Республике Беларусь. Отмечено, что в рамках уголовного закона Республики Беларусь большинство из них входят в группу преступлений против государства, часть — в группу преступлений против порядка управления. Более того, белорусский уголовный закон отдельно выделяет группу преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

О.А. Сыромахой предложены направления совершенствования уголовного законодательства посредством проведения правового мониторинга, сформулирована возможная модель правового мониторинга и обращено внимание на важность использования его специфического инструментария. Так, правовой мониторинг применения рассматриваемой области уголовного законодательства может опираться на статистические показатели в данной сфере, опрос со-

трудников правоохранительных и иных государственных органов, выявление отличительных и сходных характеристик правоприменительной практики других государств, где существуют аналогичные уголовно-правовые нормы, например государств — участников СНГ, сравнительно-правовой анализ международного опыта. Также особым междисциплинарным методом оценки эффективности определено моделирование, позволяющее изучать окружающую действительность на основе построения моделей.

Подводя итог, О.А. Сыромаха заключила, что правовой мониторинг в качестве направления совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства позволяет осуществить комплексное исследование данной области законодательства и правоприменения, опирающееся на различные источники информации и способы ее получения, сформулировать выводы на основе всестороннего анализа полученных данных и их объективной оценки с помощью общих и специальных критериев, что обобщается в форме предложений по совершенствованию объекта правового мониторинга.

А.В. Резцов, прокурор отдела по надзору за исполнением федерального законодательства, за оперативно-разыскной и процессуальной деятельностью управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу, представил доклад на тему: «Механизмы эволюции законодательства (на примере главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации)», в котором раскрыл современные тенденции в уголовно-правовом регулировании ответственности за преступления против конституционного строя и безопасности государства.

В частности, А.В. Резцов считает, что необходимо внимательно подходить

к отбору специалистов, привлекаемых к криминологической экспертизе законопроектов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации для обеспечения реализации задач, поставленных перед уголовным законодательством.

По мнению А.В. Резцова, для оценки уголовно-правовой политики в части охраны общественных отношений в сфере защиты конституционного строя и обеспечения безопасности государства недостаточно анализировать вступившие в силу изменения уголовного закона, следует также ознакомиться с содержанием законопроектов в их ранней редакции для установления тенденций к смягчению либо отягчению уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших общественно опасное деяние.

Заместитель прокурора Санкт-Петербурга А.Г. Юрасов выступил на тему: «Координационная деятельность прокуратуры Ленинграда по противодействию преступности в период обороны и блокады Ленинграда в 1941–1944 годах». В рамках доклада А.Г. Юрасов представил анализ показателей работы органов прокуратуры Ленинграда в условиях блокадного времени.

Были проиллюстрированы изменения в нормативном регулировании ответственности за преступления, изложены криминологическая характеристика преступности в г. Ленинграде 1941–1944 годов, в том числе удельный вес контрреволюционных преступлений, хищений социалистической собственности, убийств и разбойных нападений, военных преступлений, а также данные о видах назначенных наказаний.

А.Г. Юрасовым были описаны меры, принимаемые прокуратурой г. Ленинграда в условиях сложившейся оперативной обстановки: работа над сокращением сроков расследования, выявление нарушений процессуального закона на досудебной стадии производства, акти-

визация участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами, координационная деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью.

Заместитель прокурора Ленинградской области В.В. Шилин выступил с сообщением на тему: «Изменение законодательства в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, а также в связи с недружественными действиями отдельных иностранных государств», поделился практикой выявления фактов осуществления деятельности организаций, признанных нежелательными на территории Российской Федерации, а также лиц, включенных в реестр иностранных агентов.

В.В. Шилиным обращено внимание на стремительное изменение отраслевого законодательства, а также расширение реестра нежелательных организаций и иностранных агентов, что требует внесения необходимых изменений в законодательство, регулирующее ответственность за их незаконную деятельность на территории Российской Федерации.

Главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Е.В. Кунц представила доклад на тему: «Исследование мотивов, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

По мнению Е.В. Кунц, неправильно утверждать, что возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства не причиняют вре-

да ни жертве, ни обществу. У гражданина, ставшего жертвой противоправного деяния, возникает чувство страха перед преступностью в целом, а причиненный ему вред сказывается на качестве его жизни в течение длительного времени. Тяжелыми являются и социальные последствия стигматизации: жертва утрачивает доверие к своему социальному окружению; пытается держаться в стороне; довольно часто у нее возникают трудности межличностного общения.

В рамках данной позиции Е.В. Кунц утверждает, что установление мотива преступления, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, позволит в рамках специальной превенции минимизировать число данных преступлений. Установление мотива преступления должно находиться в зависимости от отношения преступника к деянию, осуществляться, в частности, посредством изучения личности преступника, его социального статуса, профессии, предшествующего преступлению образа жизни. Мотив преступления является основополагающим критерием оценки личности преступника

и его взаимоотношений с социальным окружением.

С докладом на тему: «Освобождение от уголовной ответственности при вооруженном мятеже» выступил профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А.Г. Антонов.

В своем выступлении А.Г. Антонов остановился на определении юридической природы основания освобождения от уголовной ответственности лица, участвовавшего в вооруженном мятеже. Норма примечания 3 к ст. 275 УК РФ соотнесена с институтами добровольного отказа от совершения преступления и освобождения от уголовной ответственности. Как следствие, был сделан вывод о том, что в условиях сложившейся геополитической ситуации в уголовное законодательство не всегда своевременно вносятся изменения в части регулирования оснований уголовной ответственности и освобождения от нее, что видится наиболее перспективным направлением реализации уголовно-правовой политики государства.

Информация об авторе

Р.М. Кравченко – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R.M. Kravchenko – Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.2/7

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ЛЕНЮСКОГО АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НА ТЕМУ:
«СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА»
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
(ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Владислав Федорович ЩЕПЕЛЬКОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, volga0@yandex.ru*

Аннотация. Приведен отзыв официального оппонента Щепелькова В.Ф. на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ленюского Андрея Александровича на тему: «Судебное толкование уголовного закона» по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). В отзыве приводятся результаты оценки оппонентом актуальности избранной темы исследования, степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизны, а также заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: толкование закона, уголовный закон, судебное толкование, Верховный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Щепельков В.Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ленюского Андрея Александровича на тему: «Судебное толкование уголовного закона» по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки) // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 168 – 173.

Original article

**REVIEW BY THE OFFICIAL OPPONENT OF THE DISSERTATION TITLED
«JUDICIAL INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW» SUBMITTED
BY ANDREY ALEKSANDROVICH LENYUSKY FOR THE ACADEMIC
DEGREE OF CANDIDATE OF LEGAL SCIENCES IN SPECIALTY 5.1.4.
CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)**

Vladislav F. SHCHEPELKOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, volga0@yandex.ru*

Abstract. The article presents the official opponent's review by Shchepelkov Vladislav Fedorovich of the dissertation titled «Judicial interpretation of criminal law», submitted by Andrey Aleksandrovich Lenyusky for the academic degree of Candidate of legal sciences in specialty

---

© Щепельков В.Ф., 2026

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences). The review contains the results of the opponent's assessment of the relevance of the chosen research topic, the degree of validity of scientific provisions, conclusions, and recommendations formulated in the dissertation, their reliability and novelty, as well as a conclusion on the compliance of the dissertation with the criteria established by the Regulations on the Awarding of Academic Degrees at Lomonosov Moscow State University.

Keywords: interpretation of the law, criminal law, judicial interpretation, the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Shchepelkov V.F. Review by the official opponent of the dissertation titled «Judicial interpretation of criminal law» submitted by Andrey Aleksandrovich Lenyusky for the academic degree of Candidate of legal sciences in specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences). *Criminalist*. 2026;1(54):168-173. (In Russ.).

Тема толкования уголовного закона относится, можно сказать, к вечно актуальным. Это объясняется объективными и субъективными причинами. Меняется язык, посредством которого в тексте закона фиксируется смысл норм, происходит изменение социального контекста, в силу чего нормы, рассчитанные на одни реалии, «приходят в негодность» для оценки других реалий, появляются новые правовые требования к установлению смысла закона и др. В результате при толковании уголовного закона, в том числе судебном, возникают известные трудности, что приводит к «разбросу» судебных решений, неоправданному разнообразию правовых позиций. В конечном счете это дестабилизирует судебную практику и в определенной мере подрывает веру в законность и справедливость. Поэтому требуется регулярный мониторинг судебного толкования уголовно-правовых норм, его способов. Необходимо на постоянной основе купировать риски появления нежелательных для применения уголовно-правовых норм ситуаций.

Соискатель наглядно показал проблемы судебного толкования на современном этапе применения уголовного закона. С целью решения данных проблем и проведено диссертационное исследование. Оно призвано дать ответы на ряд злободневных теоретических вопросов,

которые имеют важное практическое значение. Изложенное позволяет говорить об актуальности темы исследования.

Содержание представленной диссертации соответствует специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), а именно направлению «Теория уголовного права: применение уголовного права».

Диссертация написана по классической для заявленной темы схеме. Сначала излагаются теоретико-правовые основания толкования уголовного закона, где речь идет о понятии, предмете, цели и принципах толкования, затем определяются допустимые способы толкования и дается развернутая характеристика видов толкования в зависимости от его объема. В завершение (в третьей главе) диссертант на основе предметного анализа формулирует выводы о формах и значении разъяснений Верховного Суда Российской Федерации для толкования уголовного закона судами общей юрисдикции. Структура подачи материала существенно облегчает оценку результатов исследования на предмет их новизны по сравнению с выводами, которые были сделаны ранее другими исследователями.

Главный научный результат диссертационного исследования — уточнение положений учения о судебном толковании уголовного закона с учетом совре-

менных реалий (понятия толкования, его способов, форм, специальных правил толкования, связанных с особенными ситуациями).

К числу новых научно значимых результатов следует отнести:

уточнение понятия судебного толкования уголовного закона;

выводы о допустимых принципах, способах и пределах судебного толкования уголовного закона, которые во многом предопределены решением базовых вопросов теории толкования — идентификации предмета и содержания толкования;

по сути, предложенный своеобразный алгоритм толкования, в котором устанавливаются приоритеты одних способов извлечения смысла над другими;

положения о значении для судебного толкования уголовного закона разъяснений Верховным Судом Российской Федерации своей позиции в зависимости от формы таких разъяснений;

выводы о преодолении темпоральной рассогласованности между правотворческой деятельностью законодателя и разъяснительной деятельностью Верховного Суда Российской Федерации и др.

Результаты проведенного А.А. Лениуским диссертационного исследования вносят определенный вклад в развитие уголовно-правовой доктрины (прежде всего в теорию толкования уголовного закона) и имеют практическое значение, поскольку направлены прежде всего на совершенствование судебной практики толкования и применения уголовного законодательства. Отдельные результаты могут использоваться в нормотворческой деятельности для совершенствования законодательства в части регламентации применения закона в специальных ситуациях.

Соискатель применил обеспечивающие достижение научных результатов методы исследования. Использован большой массив источников научной и иной специальной литературы, в том числе новейшей. Предметно проанализированы основные научные труды по избранной теме. В диссертации представлена добротная эмпирическая база. Следует отметить в целом оптимальное соотношение при подаче материала теоретических рассуждений, примеров из судебной практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Стиль написания работы соответствует диссертационному. Автор дает глубокий анализ имеющихся в доктрине уголовного права подходов к решению исследуемых проблем, выявляет плюсы и минусы данных подходов и дает свое видение решения вопроса, снабжая соответствующими аргументами. Диссертация написана хорошим литературным языком.

Перечисленное свидетельствует о достоверности и обоснованности сделанных А.А. Лениуским выводов по результатам проведенного диссертационного исследования.

Положения, вынесенные соискателем на защиту, прошли приемлемую апробацию (опубликованы в пяти статьях в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России и входящих в перечень изданий для опубликования научных результатов диссертаций, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова). Отдельные положения и результаты докладывались на различных научных мероприятиях.

Отмечая несомненные достоинства представленной кандидатской диссертации, следует признать, что она несвободна от неточностей, спорных и недостаточно аргументированных суждений.

1. Целью исследования, согласно тексту диссертации и ее автореферата, является разработка проблемы судебного толкования уголовного закона, включая определение его содержания и особенностей на современном этапе правового развития. Во-первых, редакционно формулирование цели в виде «разработки проблемы» является не вполне корректным. Разрабатываться должна не проблема, а совокупность положений, направленных на ее решение. И во-вторых, в содержательном отношении формулировка цели не вполне отражает основной научный результат диссертации.

2. Первое положение, вынесенное на защиту, гласит: «...толкование представляет собой интеллектуальную деятельность ... по уяснению действительного смысла положений уголовного закона... Анализ и выяснение смысла законоположений должны служить достижению главной цели толкования — установлению действительной законодательной воли, выраженной в тексте уголовного закона на момент его принятия. В случае опровержения презумпции соответствия духа и буквы закона приоритет должен отдаваться последнему». Это означает, что в конечном счете предметом толкования уголовного закона признается его текст.

Во втором положении соискатель указывает, что неустранимые сомнения в положениях уголовного закона необходимо толковать в пользу обвиняемого лица (содержание одного из двух признаваемых диссертантом принципов судебного толкования уголовного закона). Это означает в том числе и то, что толкование может представлять собой не только уяснение заложенного в тексте закона смысла, но и восполнение этого смысла, причем далеко не всегда в соответствии с волей законодателя.

Нет ли противоречия между первым и вторым основными положениями, вынесенными на защиту?

3. Одна из самых сложных проблем по заявленной теме — это толкование закона, когда смысл его текста и (или) воля законодателя нераспознаваемы либо когда они распознаваемы, но при этом отличаются друг от друга. В теории толкования для разрешения этой ситуации разработано несколько подходов. Один из наиболее распространенных заключается в том, чтобы вынести такие ситуации за рамки толкования и разрешать при помощи применения так называемого системосохраняющего механизма законодательства, включающего в себя задачи и принципы Уголовного кодекса, конституционно-правовые требования, предъявляемые к конструированию уголовно-правовых норм, и др., в том числе принцип разрешения неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (который соискателем признается одним из допустимых принципов толкования).

Диссертант, предлагая свою теорию, не стал выделять данные ситуации в особые случаи и ничего не сказал относительно возможности включения в общий механизм применения уголовно-правовых норм наряду с толкованием законодательства еще и особого элемента (необязательного этапа) — применения системосохраняющего механизма законодательства.

Соискателю имеет смысл по этому вопросу пояснить свою позицию. В чем преимущество его подхода к разграничению понятий толкования закона и применения закона.

4. Практически всеми специалистами признается системный (систематический) способ толкования закона, и почти достигнут консенсус относительно его «роли» в самом толковании и «вклада» в результат толкования закона. Соиска-

тель, как и его предшественники, выделяет основные компоненты системного толкования, уточняя детали (с. 76 – 90 диссертации). В то же время остался без должного внимания вопрос о границах единообразия толкования одноименных понятий, которые имеют одинаковый смысл при грамматическом толковании.

Например, понятие «беспомощное состояние», использованное в ст. 105 и ст. 131 УК РФ, по результатам грамматического толкования имеет одно и то же значение. Однако суды при квалификации содеянного по указанным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по-разному оценивают его содержание. Как следует из текста диссертации (с. 187 – 188), соискатель не разделяет подход судов. В то же время этот подход основан на системном толковании и связан с оценкой типовой общественной опасности квалифицируемых деяний. Использование беспомощности потерпевшей при изнасиловании всегда соответствует типовому уровню преступной общественной опасности. Беспомощность потерпевшего при убийстве далеко не всегда повышает степень общественной опасности до нового типового уровня.

Подход Верховного Суда Российской Федерации при оценке беспомощности учитывает скрытые системные связи между отдельными уголовно-правовыми предписаниями, которые при формальном («бухгалтерском») подходе не учитываются.

В связи с этим хотелось бы на защите услышать позицию диссертанта относительно учета при системном толковании неявных связей между отдельными уголовно-правовыми понятиями и нормами.

5. В положениях, вынесенных на защиту, в положении 6, утверждается, что «в случае изменения уголовного закона,

при котором неприменимость правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной в период действия прежнего уголовного закона, в явном виде не вытекает из характера законодательных изменений, действует презумпция актуальности правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, что следует учитывать судам при отправлении правосудия». С этим утверждением трудно согласиться. Все должно быть с точностью до наоборот. Практикообразующая правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, выработанная при старом законе, должна сохранять свою актуальность только в случае ее явного соответствия новому закону. Иначе, по общему правилу, разъяснение старого закона будет иметь приоритет перед новым (действующим) законом, что противоречит требованиям законности.

Возможно, диссертант на защите найдет дополнительные аргументы в пользу предлагаемой им формулы сохранения актуальности разъяснения Верховного Суда Российской Федерации при изменении уголовного закона.

Высказанные замечания не умаляют вывода о состоятельности и научной значимости диссертационного исследования, носят во многом дискуссионный характер и по большей части направлены на то, чтобы обозначить перспективы дальнейшей разработки решения сложных проблем по заявленной теме.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), а также критериям, предусмотренным в пп. 2.1 – 2.5 Положения

о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Оформление диссертации соответствует требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского го-

сударственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ленюский Андрей Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Информация об авторе

В.Ф. Щепельков – директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. F. Shchepelkov – Director of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation; Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Professor.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 796.011.3

КОМПЕТЕНЦИЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ – ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РАБОТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ

Татьяна Владимировна ПОДДУБНАЯ¹, Мария Викторовна ПУЧКОВА²,
Владимир Владимирович РЯБЧУК³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ poddubnayatatiana21@gmail.com

² M-puchkova25@mail.ru

³ ryabchuk-vo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние содержания и требований компетенции по физической подготовке для специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень специалитета) специализации «Прокурорская деятельность» на работоспособность выпускника Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. Выпускник – прокурорский работник должен быть способен применить полученные знания по физической и профессионально-прикладной физической подготовке в области самоорганизации своего здоровьесбережения с целью поддержания должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности. Показана прямая взаимосвязь повышения уровня работоспособности студентов и эффективного овладения требованиями универсальной компетенции по физической подготовке УК-7: способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности. Предлагается разработка и апробация специальных комплексов функционального тренинга по профессионально-прикладной физической подготовке для применения во время прохождения практики в органах прокуратуры.

Ключевые слова: физическая подготовка, профессионально-прикладная физическая подготовка, компетенция, работоспособность, юридический институт, выпускник

© Поддубная Т.В., Пучкова М.В., Рябчук В.В., 2026

Для цитирования: Поддубная Т.В., Пучкова М.В., Рябчук В.В. Компетенция по физической подготовке — основа повышения уровня работоспособности выпускников образовательных организаций прокуратуры // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 174–181.

Original article

PHYSICAL TRAINING COMPETENCY AS THE FOUNDATION FOR ENHANCING WORK CAPACITY OF GRADUATES FROM PROSECUTOR'S OFFICE EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Tatiana V. PODDUBNAYA¹, Maria V. PUCHKOVA², Vladimir V. RYABCHUK³

^{1,2,3} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ poddubnayatatiana21@gmail.com

² M-puchkova25@mail.ru

³ ryabchuk-ov@yandex.ru

Abstract. The article explores the impact of the content and requirements of physical training competency for specialty 40.05.04 Judicial and Prosecutorial Activity (specialist degree level) of the specialization «Prosecutorial Activity» on the work capacity of graduates from St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation. After completing university studies, a prosecutor should be able to apply their knowledge of physical and professionally applied physical training to maintain their health in order to ensure an appropriate level of physical fitness for successful social and professional activities. The article highlights a direct correlation between improved student work capacity and the effective mastery of the universal competency in physical training (UC-7): the ability to maintain an appropriate level of physical fitness for comprehensive social and professional functioning. The authors suggest developing and piloting specialized functional training programs in professionally applied physical training during practical training placements in prosecutorial authorities.

Keywords: physical training, professionally applied physical training, competence, work capacity, law institute, graduate

For citation: Poddubnaya T.V., Puchkova M.V., Ryabchuk V.V. Physical training competency as the foundation for enhancing work capacity of graduates from prosecutor's office educational institutions. Criminalist. 2026;1(54):174-181. (In Russ.).

Подготовка по юридическим специальностям требует формирования у студентов высшей школы умений осуществлять адекватный самоанализ и самооценку усвоения компетенций, необходимых в будущей профессиональной деятельности [1]. По окончании обучения будущий прокурорский работник должен быть способен применять полученные знания по физической и профессионально-прикладной физической подготовке в области самоорганизации своего здоровья с целью поддержания должного уровня физической подготов-

ленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности, выбирать здоровьесберегающие технологии для поддержания здорового образа жизни с учетом физиологических особенностей; планировать свое рабочее и свободное время для оптимального сочетания физической и умственной нагрузки, чтобы обеспечить высокую работоспособность.

Результатом обучения по дисциплине «Физическая подготовка» в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры

Российской Федерации (далее – Институт) является сформированная у каждого выпускника-специалиста универсальная компетенция УК-7: способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности. В течение четырех лет основной целью дисциплины является воспитание гармонично развитой личности студента с учетом ее физической, социокультурной и духовной целостности и формирование у обучающихся потребности в освоении ценностей физической культуры. Важным положением рабочей программы учебной дисциплины «Физическая подготовка», специальность 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень специалитета) является усвоение совокупности универсальных компетенций по физической подготовке наряду с различными профессиональными дисциплинами.

У студентов юридических вузов учебная загруженность напрямую связана с повторением вне учебы пройденного материала различных дисциплин, что влияет на усталость и умственную работоспособность. При прохождении практики в органах прокуратуры Российской Федерации студенты сталкиваются с ненормированным графиком работы. Постоянные разъезды по городу или, напротив, сидячая работа приводят к снижению уровня физической подготовленности студентов, что сказывается на их функциональном состоянии, здоровье и работоспособности [2].

В перечне психологических качеств и свойств личности, которыми должен обладать кандидат для назначения на должность помощника прокурора, а также прокурорский работник, занимающий эту должность, определены такие качества, как высокий уровень работоспособности, устойчивость к стрессу и психофизическим перегрузкам, раз-

витые адаптивные свойства нервной системы (сила воли, уравновешенность и др.), целеустремленность, в том числе в вопросах профессионального и личностного развития, самообразования и поддержания надлежащего уровня физической подготовки и др. [3]. Это отражает междисциплинарный аспект подготовки выпускников, который показывает корреляционную связь высокой работоспособности прокурорских работников с качеством правоприменительной деятельности во время принятия процессуальных решений, соблюдения сроков и т. п.

Выполняя служебные обязанности, работники прокуратуры под воздействием неблагоприятных факторов испытывают изменения в функционировании организма. В результате умственного утомления происходит нарушение точности дозирования мышечных усилий, воспроизведения интервалов времени реагирования на движущийся объект. Состояние гиподинамии и гипокинезии нарушает точность и быстроту действий, снижается умственная и физическая работоспособность. Отрицательные нагрузки приводят к нервно-психическому напряжению, проявляются отрицательные эмоции, несоразмерность усилий, ухудшается координация движений.

Прокурорская деятельность в Российской Федерации нередко сопряжена со значительным психоэмоциональным напряжением. Исследователи Д. Сондерс, В. Котциас и Р. Рамшанд в своей работе выявили несколько стресс-факторов, оказывающих влияние на сотрудников правоохранительных органов, включая работников органов прокуратуры: операционные факторы, в том числе критические и трагические случаи и события, реагирование на вызовы; организационные факторы, включая административную нагрузку, давление со стороны руководства и сменный характер работы;

личные факторы, включая проблемы с семьей и близкими; социально-политические факторы, в частности отношения между органами прокуратуры и общественностью и отражение образа прокуратуры в средствах массовой информации [4].

Как отмечает А.Н. Козин, в настоящее время необходимо разработать систему профессионально-прикладной физической подготовки прокурорских работников с целью систематического совершенствования физического состояния работников данной профессии, повышения функциональных возможностей организма, повышения работоспособности [5].

Справедливо заметить, что во многих вузах, в том числе готовящих юристов разных специальностей профессионально, прикладная физическая подготовка сводится к обучению навыкам самообороны и приемам рукопашного боя. При этом мы согласны с М.В. Балаевой и О.Ю. Ларионовым, что профессионально ориентированная физическая культура является основным средством развития и совершенствования психофизиологических качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности будущих выпускников [6].

К.С. Шкерина и В.Д. Иванов рассматривают профессионально-прикладную физическую подготовку в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова профессионально-прикладная физическая подготовка — это компонент всей системы физического воспитания, главная цель которого — формирование физической культуры личности. Она должна быть направлена на создание высокого уровня сформированности специальной образованности, физического совершенства, мотивационно-ценностных ориентаций и социально-духовных ценностей, создающих условия для формирования культуры образа жизни, духовного и психофизического

здоровья. В узком смысле слова — это процесс, имеющий прикладной характер, основной задачей которого является формирование двигательных умений и навыков, способствующих освоению профессии и развитию профессионально важных способностей [7].

На наш взгляд, приведенные позиции имеют высокую важность в формировании специалиста-юриста. Однако необходимо констатировать, что профессиональная деятельность прокурорских работников оказывает прямое воздействие на умственную, психическую и физическую работоспособность. Это интегративное накопительное воздействие приводит к потере эффективности в повседневной работе и возможным ошибкам в принятии решений. Что недопустимо в юридической практике. С целью максимального уменьшения таких погрешностей в работе прокурорских работников необходимо в рабочей программе учебной дисциплины «Физическая подготовка», специальность 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень специалитета) планировать и реализовывать специальное содержание теоретических и практических занятий по разделу профессионально-прикладная физическая подготовка с первого по четвертый курс. Занятия необходимо нацелить на интегративную подготовку студентов, развивающую комплексно умственную, психическую и физическую работоспособность. Существует несколько факторов, влияющих на уровень работоспособности. Они могут воздействовать на человека как по отдельности, так и в различном сочетании. К этим факторам можно отнести физиологические, физические, психические и, конечно, возраст. При этом необходимо отметить, что уровень работоспособности находится в прямой зависимости от мотивации, поставленной цели и возможностей человека. Как бы отлично ни был подготовлен специа-

лист, в результате профессиональной деятельности наступает утомление. С физиологической точки зрения это функциональное состояние организма, вызванное умственной и физической работой. Наступление утомления не всегда обнаруживается в одновременном ослаблении всех функций организма.

Таким образом, для повышения и устойчивого развития работоспособности обучающихся по юридическим специальностям необходимо не только развитие специальных качеств, получе-

ние необходимых знаний и умений в области физической подготовки, но и освоение особенностей восстановления интегративной работоспособности после утомления.

Рабочая программа учебной дисциплины «Физическая подготовка», специальность 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень специалитета) содержит требования к освоению теоретической и практической части физической подготовки (таблица).

Т а б л и ц а

**Объем и виды учебной работы обучающегося по дисциплине
в целом по формам обучения**

Общая трудоемкость дисциплины в ЗЕТ / 11 ЗЕТ / 396 ч	
Виды учебной работы	Очная форма обучения, 1 – 8 семестры, часы
Контактная работа в том числе:	306
лекции	8
практические занятия	298
Самостоятельная работа	74
Промежуточная аттестация (зачет в 1 – 8 семестрах)	16

Считаем необходимым предусмотреть в программе дисциплины «Физическая подготовка» на каждом курсе обучения комплексы упражнений, способствующих развитию и закреплению профессионально важных качеств работника прокуратуры с обязательной практикой по восстановлению после утомления. Для комплексного развития интегративной работоспособности можно использовать специальные эстафеты с включением упражнений на внимание, проявление всех физических качеств в ситуациях с высокой эмоциональной напряженностью в коллективном исполнении.

Для тестирования физической работоспособности предлагается тест, включающий челночный бег с выполнением

упражнений на развитие всех физических качеств в максимальном темпе и усложнением условий с каждым следующим курсом. Выполнение упражнений происходит на волейбольной площадке в следующей последовательности: по команде «старт» пробежать с ускорением 9 метров, коснуться рукой линии, вернуться обратно, выполнить сгибание разгибание рук в упоре лежа, пять повторений, подъем туловища из положения лежа, пять повторений, приседания, пять повторений, выпрыгивание из глубокого седа, пять повторений.

Между выполнением упражнений ускорение 18 метров. Выполняется пять кругов. По завершении пяти кругов выполняется челночный бег 18 метров.

На первом курсе — один круг, на втором курсе — два круга, на третьем курсе — три круга, на четвертом курсе — четыре круга. Выполнение теста после разминки на каждом практическом занятии в различных режимах позволит развивать физические качества (быстрота, выносливость, координация, сила мышц плечевого пояса, мышц пресса, мышц ног, гибкость) и работоспособность на фоне утомления. Содержание предлагаемых комплексов включает упражнения из нормативных требований ГТО согласно возрасту. Это положение соответствует требованиям компетенции по физической подготовке в части УК-7.3: умеет выполнять минимальные требования нормативно-тестирующего комплекса ГТО¹.

Справедливо заметить, что в нормативных документах различных уровней закреплены положения, касающиеся оздоровительных и спортивных мероприятий. В отношении прокурорских работников они отражены в п. 6.16 Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденной Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 года № 114 [8]. Так, одной из задач воспитательной работы с кадрами в органах и организациях прокуратуры является сохранение здоровья работников. Среди работников прокуратуры популяризируется здоровый образ жизни, поощряются занятия физкультурой, спортом, туризмом, проведение культурно-оздоровительных и спортивных мероприятий, регулярное посещение спортивных залов, преодоление вредных привычек. Некоторые аспекты реализации спортивной работы и комплекса ГТО отображены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 23 июня 2022 года № 344 «О Спартакиадах работников органов и организации

прокуратуры Российской Федерации и реализации в системе прокуратуры Российской Федерации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса „Готов к труду и обороне“ (ГТО)» [9].

Представляется верной точка зрения, что работники прокуратуры имеют закрепленную законодательно возможность совершенствовать свое здоровье, вести активный образ жизни и повышать интегративную работоспособность. При этом необходимо заметить, что знания, умения и навыки самостоятельно методически правильно использовать средства и методы физического воспитания у работников прокуратуры формируются во время обучения в Институте. Поэтому крайне важна систематизация основных положений общефизической и профессионально-прикладной физической подготовки, особенно в вопросах повышения и сохранения работоспособности, позволяющей длительное время выполнять профессиональные обязанности на высоком уровне эффективности.

Будущие прокуроры знакомятся с особенностями деятельности прокуратуры во время прохождения практики. На прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним прокуроров возложена организация практической подготовки студентов государственных образовательных организаций при прохождении практики в органах прокуратуры Российской Федерации [10]. Деятельность студентов на первом этапе связана с выполнением рабочих функций на внимание, однако со временем, приобретая знания и опыт, они погружаются в практическую профессиональную деятельность и испытывают необходимость в решении более сложных и ответственных профессиональных задач. Рабочая программа учебной дисциплины «Физическая подготовка», специальность 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень специалитета) предполагает осво-

¹ URL: <https://c2360.c.3072.ru/mod/page/view.php?id=333>

ение компетенции в том числе во время прохождения практики. Актуальным является вопрос разработки специальных комплексов функциональной профессионально-прикладной физической подготовки для повышения работоспособности будущих работников прокуратуры, которые возможно использовать во время учебных практических занятий и применять при прохождении практики в прокуратуре.

Таким образом, получая высшее образование по специальности судебная

и прокурорская деятельность, студенты овладевают навыками по физической и профессионально-прикладной физической подготовке, позволяющими эффективно использовать средства и методы для поддержания должного уровня физической подготовленности. Актуальность вопроса повышается в связи с необходимостью создания и апробации специальных комплексов функционального тренинга профессионально-прикладной физической подготовки.

Список источников

1. Панчук Н.С. Четырехкомпонентная структура развития Я-концепции, способствующей формированию компетенций по физической культуре и спорту у будущих сотрудников юриспруденции // Теория и методика физической культуры. 2022. № 1 (67). С. 68 – 75.
2. Поддубная Т.В., Рябчук В.В., Пучкова М.В. Сравнительный анализ уровня физической подготовленности студентов-юристов на примере юридического факультета РАНХИГС, Санкт-Петербург, и Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 3 (241). С. 39 – 47.
3. Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 227 : текст с изм. и доп. на 26 марта 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Сондерс Д., Котциас В., Рамшанд Р. Стресс в работе сотрудников правоохранительных органов в наши дни: влияние меняющейся социально-политической обстановки // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. № 3. С. 1430 – 1449.
5. Козин А.П. Актуализация разработки системы профессионально-прикладной физической подготовки прокурорских работников // Развитие физической культуры и спорта в контексте самореализации человека в современных социально-экономических условиях : сб. ст. по материалам круглого стола / Ун-т прокуратуры Российской Федерации. Москва : Ун-т прокуратуры Российской Федерации, 2022. С. 38 – 43.
6. Балалаева М.В., Ларионов О.Ю. Влияние профессионально ориентированной физической культуры на развитие ключевых компетенций конкурентоспособного специалиста на примере прокурорских работников // Актуальные проблемы и перспективы развития физического воспитания, спорта, туризма в образовательном пространстве вуза : сб. науч. тр. III Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1 апреля 2025 года / Уральский гос. ун-т путей сообщения. Екатеринбург : УрГУПС, 2025. С. 7 – 11.
7. Шкерица К.С., Иванов В.Д. Профессионально-прикладная физическая подготовка юристов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2016. Т. 1, № 3. С. 87 – 90.
8. Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 : текст с изм. и доп. на 16 сент. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О спартакиадах работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и реализации в системе прокуратуры Российской Федерации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) : Приказ Генерального

прокурора Российской Федерации от 23 июня 2022 г. № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22 декабря 2021 г. № 774 : текст с изм. и доп. на 30 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторах

Т.В. Поддубная – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

М.В. Пучкова – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

В.В. Рябчук – профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат педагогических наук, профессор.

Information about the authors

T.V. Poddubnaya – Senior Lecturer at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

M.V. Puchkova – Senior Lecturer at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

V.V. Ryabchuk – Professor at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Pedagogy), Professor.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте.

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 25 мм.

Нумерация страниц располагается внизу по центру.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста – 1,5 интервала, между текстом и заголовками – 1 строка, заголовок – прописными. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 0,75. Выравнивание – по ширине. Перенос – автоматический.

Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания.

Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде.

Рекомендуемый объем статьи от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 – 24 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Вместе с рукописью автором в обязательном порядке направляется справка о проверке статьи в системе «Антиплагиат» (при отсутствии указанной справки статья к рассмотрению редакционной коллегией приниматься не будет). Оригинальность исследования в программе системе «Антиплагиат» должна составлять не менее 60 %.

Также к рукописи просим прилагать «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети “Интернет”».

Рукопись должна быть подписана всеми авторами.

ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ АННОТАЦИЙ

Аннотация выполняет следующие функции:

дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;

предоставляет информацию о документе и устраняет необходимость чтения полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя второстепенный интерес;

используются в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска документов и информации.

Аннотация следует сразу после сведений об авторе (авторах) статьи, выполняет функцию расширенного названия и используется в качестве элемента библиографической записи, элемента выходных сведений и элемента оформления публикуемых материалов. В аннотации указывают, что нового несет в себе данный документ в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению.

Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты. Аннотация кратко и лаконично характеризует статью, поэтому не стоит делать краткую версию статьи, надо дать именно ее характеристику.

В аннотации не рекомендуется вести повествование от собственного имени и выражать собственное мнение (следует избегать оборотов «Я думаю», «Я считаю», «По моему мнению» и т. п.); использовать штампы, речевые обороты, научные термины и приводить общеизвестные сведения. Обязательно указание аудитории, которой описанные в статье результаты могут быть интересными. Соответственно, аннотация показывает, что наиболее ценно и применимо в выполненной автором работе.

Рекомендуемый объем аннотации: не более четырех предложений.

Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫБОРУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов — 5–7 на русском и английском языках, количество слов внутри ключевой фразы — не более трех. Основные принципы подбора ключевых слов:

применяйте базовые термины вместе с более сложными;

не используйте слишком сложные слова, слова в кавычках, слова с запятыми;

каждое ключевое слово — это самостоятельный элемент. Ключевые слова должны иметь собственное значение.

ГРАФИК ПРИЕМА СТАТЕЙ

Журнал «Криминалист» выпускается четыре раза в год.

Статьи принимаются на постоянной основе.

Решение об опубликовании, необходимости доработки, об отказе в опубликовании статей принимается по результатам рецензирования статей редакционной коллегией.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».